

БАДМИНТОН ПОД ДОЖДЕМ

ПРОЛОГ

В тот день шел дождь. Не сказать, чтобы очень сильный, но весьма неприятный. Час был ранним, а день воскресным, поэтому московские бульвары пустовали. По Крылатской в направлении поселка Екатериновка одиноко плелся мужчина среднего роста лет сорока пяти. Он был без зонта, без плаща и даже без головного убора. Строгий костюм и белая рубашка с галстуком выглядели на нем весьма нелепо. Нелепость к одежде не по погоде добавляли поднятый отворот пиджака, втянутая в плечи шея и жилистые руки, глубоко засунутые в карманы мокрых брюк.

Лицо прохожего было хмурым и в то же время решительным. Его челюсть была так оттопырена вперед, что каждый встречный мог догадаться, что этот человек решился на какой-то отчаянный поступок, который возможно совершается единственный раз в жизни. Не обращая ни малейшего внимания на морозящую сверху мерзость, он подошел к воротам двухэтажного особняка с железной оградой, открыл собственным ключом калитку и робко шагнул во двор. Его взгляд упал на почтовый ящик. В нем что-то белело. Хозяин машинально достал из него узкий конверт и без любопытства скользнул по адресату. Письмо предназначалось не ему. Он взглянул на обратный адрес, и его лицо вытянулось в недоумении. Мужчина проследовал через двор к крыльцу дома, не отрывая взгляда от иностранного конверта. Ступив на ступень, он поднял глаза на окна и, убедившись, что за ним не подглядывают, быстро распечатал письмо.

То, что незнакомец прочел, заставило его расширить глаза и снова бросить взгляд на окна спальни. На этот раз

взгляд выражал не вымученную досаду, а искреннее изумление. Утренний гость одним махом перескочил через все ступени крыльца, вцепился в ручку двери с явным намерением рвануть на себя, но неожиданно задумался. В таком оцепенении он пробыл около трех минут, затем внезапно посмотрел на штамп. На штампе стояла дата 24 июня. «Датируется сегодняшним числом», — удивился мужчина и посмотрел на часы.

В то же мгновение он переменял решение. Спрятав конверт в карман, хитрец на цыпочках сошел с крыльца, воровато поднял глаза на окна второго этажа и, убедившись, что ночные шторы по-прежнему висят без движения, быстрым шагом направился прочь. Прежде, чем прикрыть за собой калитку, он в четвертый раз оглянулся на окна второго этажа и только после этого, что было духу, понесся в обратном направлении.

Этому незначительному на первый взгляд эпизоду (из-за которого бы не произошло нашей истории) предшествовало одно событие. Оно было настолько далеким и неправдоподобным, что упоминание о нем было бы высшей степенью несерьезности. Однако автор счел нужным рассказать о нем, хотя и не вполне уверен, что оно действительно имеет отношение к этому повествованию.

Ровно девяносто лет назад, тоже 24 июня, дальневосточный казак Тимофей Корягин проклял свою семнадцатилетнюю дочь Ульяну за то, что она собралась замуж без его благословения. Это произошло в 1911 году в шести верстах от Китайской границы в богатом казачьем селе, которое по странному стечению обстоятельств тоже называлось Екатериновкой. Видит бог, Корягин не хотел зла своей любимой дочери, поэтому всей душой желал, чтобы она не связывала жизнь с этим безродным бедняком Гришкой Дементьевым.

— Чиво? Породниться с Дементьевыми? Ишь, чиво удумала! Уж лучше с китайцами.

В ответ Ульяна презрительно хмыкнула, не выказав ни малейшего почтения родителю. Это была девка еще та. В семь лет она скакала на лошади, в десять попадала из ружья белке в глаз, в тринадцать освоила китайский, а в четырнадцать удрала в Китай, где устроилась гувернанткой в одну богатую семью. Через два года Ульяна вернулась в китайских шелках и с сундуком полным диковинного барахла.

Словом, в женихах ей отбоя не было, но красавице взбрело в голову выйти замуж именно за этого нерадивого

Гришку, который только и был способен на то, чтобы целыми днями пиликать на гармошке.

— Все равно я выйду за него, — нахмурила брови Ульяна и дерзко топнула ногой.

Глаза пятидесятилетнего казака налились кровью. Он схватился за нагайку, но девка и не подумала шелохнуться. Разве запугать чертовку какой-то нагайкой, когда ее не устрашит и уссурийский тигр. Тимофей понял, что влиять на дочь уже не в силах.

— Чиво? Перечить батьке? Поди прочь с моих глаз! Моего благословения не будет.

Ульяна гордо тряхнула волосами, развернулась и без какого-либо трепета вышла из избы. Матушка в слезах метнулась к отцу, но он отстранил ее рукой.

— Погоды! — гневно крикнул казак. — Если выйдешь за Гришку без моего согласия, я тебя прокляну! Христом-Богом клянусь, что прокляну! И тебя, и детей, и внуков твоих. И вы всю жизнь будете жить в нищете, жрать черный хлеб и спать на соломе. И к вам за всю жизнь не прилипнет ни копейки, а ежели прилипнет, у вас тут же ее и отымут. И ваш род с Дементьевым закончится в сумасшедшем доме...

Часть первая КОШМАРЫ В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

1

В крови были руки, ноги, живот. Возможно, в крови была и шея, однако выше Лиана не видела. Возможно, что кровь хлестала прямо из горла, но женщина боялась подойти к зеркалу, потому что кровью была забрызгано и оно. Кровью были измазаны кафельные стены ванной и ледяные полы. Как она оказалась в ванной, да еще голой, Лиана не помнила. Она лежала на холодном кафеле, а, когда очнулась, увидела кровь. Впрочем, она очнулась не сама. Ей дали что-то понюхать. Кажется, нашатырки. Но едва Лиана разлепила веки, черная рука с куском белой ваты тут же испарилась.

Что случилось? Почему она в крови? Как попала в ванную? Полный провал! Нет! Она, кажется, помнила, как ее

тащили. Но откуда и куда? А главное, кто?

Лиана поднялась с пола и быстро закрылась изнутри. Там за дверью кто-то затаился. Женщина чувствовала его дыхание. Она набралась силы и все-таки подошла к зеркалу. Сквозь кровавое пятно на стекле бедняжка увидела свое испуганное лицо и рубец на шее. Точно. Ей перерезали горло.

— Кирилл! — простонала женщина хрипло и вдруг осеклась, сообразив, что сюда ее затащил муж.

«Это сделал он», — внезапно подумала несчастная и еще подумала, что, тем не менее, ей больше не от кого ждать спасения. Она отщелкнула задвижку и осторожно толкнула дверь. В доме абсолютная темнота. Шторы плотно задвинуты, в гостиной не горит ночник.

— Кирилл, ты где? — прошептала Лиана и покрылась колючими мурашками.

Внезапно она вспомнила, что мужа в доме нет, поскольку два дня назад он улетел в Казань. И в ту же секунду из темноты вышел огромный человек во всем черном. Его лицо закрывала черная маска. Его руки были в черных перчатках. Единственно светлым пятном в этом явлении был сверкающий нож, зажатый в пудовом кулаке.

Лиана так завизжала, что мигом лишилась чувств. И больше уже ничего не помнила.

Несчастливая проснулась в семь утра в собственной постели с сильно бьющимся сердцем. «Так это был сон?» — удивилась она. Боже, таких снов она еще не видела.

Женщина была в шелковой «ночнушке» и в трусиках-резинках. Первые две минуты она не шевелилась, прислушиваясь к звукам в доме. Однако ничего подозрительного не доносилось, кроме основательного тиканья напольных часов в коридоре.

Хозяйка робко вытащила из-под одеяла руку и внимательно в нее взгляделась. Никакой крови. Она отпихнула одеяло и впиалась в собственные ноги. Все безупречно чисто. Задрав «ночнушку», женщина осмотрела живот. Боже мой, чего она навоображала? Это был всего лишь сон.

Лиана поднялась, прошла по всему второму этажу, затем спустилась вниз, осмотрела каминный зал, гостиную, прихожую, кухню; заглянула в кладовку и во все закутки, какие были в доме, и только после этого позволила себе вздохнуть свободно.

«Кровь, вообще-то, снится к приезду родственников», — подумала она и напрягла лоб.

Кого же черти принесут в отсутствие мужа? Неужели свекровь из Нижнего Новгорода? О, только не это! Пусть лучше зарежут. Хотя приезжать без предупреждения — несколько не в ее стиле. Может, прикатит из Женева двоюродный брат Кирилла? Нет, брат не прикатит. Что ему делать в этой вонючей Москве? Тетки тоже не намеривались прилетать, дядя повымерли, как мамонты. Так, кто же?

«Может быть, объявится какой-нибудь внебрачный ребенок Кирилла? — покрылась холодным потом Лиана. — Вот это вполне реально». Кирилл всегда мечтал иметь детей. А она бездетная.

Бедная женщина опустила на табуретку и печально уставилась в окно. Но разве она виновата, что у нее нет детей? Хотя, может быть, и виновата. Она застудила все свои женские дела в этих дурацких турпоходах. Спала на голой земле. И ради чего? Чтобы потом все вырезали к чертовой матери!

Да, Кирилл очень хотел детей. Это правда. А потом вдруг резко расхотел. Когда Лиана предложила взять ребенка из детского дома, Кирилл пришел в ярость.

— Пойми, я хочу своих детей, а не чужих! — прохрипел он с перекошенным лицом.

Таким Лиана его еще не видела. Она даже не подозревала, что Кирилл может быть таким злым. Потом муж, конечно, извинялся, а жена плакала. Но после этого Лиана больше не заводила разговор о том, чтобы взять из детского дома ребенка.

«А вдруг к этому времени у него уже был ребенок? — внезапно пронзило женщину. — А вдруг он сейчас не в командировке в Казани, а как раз в гостях у своего ребенка?»

Лиана тут же бросилась к телефону и набрала мобильный мужа. Последний не заставил себя долго ждать.

— Привет, Лиана. Уже проснулась? — услышала она спокойный голос Кирилла.

— Откуда ты знаешь, что это я? — кокетливо прощепетала женщина. — Ведь мой номер определяется как «неизвестный звонок». Ты находишься в своей секретной конторе?

— Нет. Я в гостинице. Но уже выхожу.

— То есть, ты в гостинице «Сатурн»?

— Ну да. А почему такой подозрительный тон?

— Дай мне телефон твоей гостиницы. Я хочу тебе перезвонить.

— Зачем? — удивился Кирилл.

— Сотовый могут подслушать. А у меня к тебе конфиденциальный разговор.

— Что за чушь ты несешь? — насторожился Кирилл. — Кому надо, подслушивать твои разговоры. Но если ты настаиваешь, я сейчас перезвоню...

— Ни в коем случае! Перезвоню я, — повысила голос Лиана. — Быстро диктуй телефон!

Через минуту она перезвонила по продиктованному номеру и облегченно вздохнула.

— Ну, что у тебя стряслось? — устало вздохнул Кирилл.

— Мне сегодня приснилось, что меня зарезали.

— О, господи! — простонал муж. — И это все?

— Мне снилась кровь. Очень много крови. А это к родственникам. Твоя мама не собиралась приезжать?

— Нет, — раздраженно ответил Кирилл. — Причем здесь моя мама? Когда ты, наконец, оставишь ее в покое? Может, объявятся какие-нибудь твои родственники... С Сахалина, например... А вообще, я думаю, кровь тебе снится потому, что ты ее боишься. Пока ты не переборешь в себе эту боязнь, она будет преследовать тебя до гроба. Извини, мне нужно убежать.

— Беги, если тебе некогда, — сухо ответила Лиана, и обиженно бросила трубку.

На самом деле она не обиделась. Не опасалась она и того, что их разговор подслушают. Ей просто хотелось проверить, действительно ли в данный момент ее муж находится в казанской гостинице «Сатурн»? В следующую минуту плутовка через справочную службу узнала, что номер, на который она только что позвонила, действительно принадлежит какой-то задрипанной гостинице в Казани.

Настроение тут же поднялось. В эту минуту даже солнце выползла из-за туч, и Лиана, взглянув в окно, сладко потянулась. Сейчас она примет душ, выпьет кофе и отправится к своей подруге Тамаре. Сегодня у нее выходной. Вот уж они перемоют косточки всем своим знакомым.

Лиана, напевая, прошлепала в ванную. Первым делом она посмотрелась в зеркало, отметив на щеке полосу от подушки. Затем внимательно взгляделась в белки глаз. Сегодня они красные, как будто не выспалась. А ведь ночью, кажется, не просыпалась.

Хозяйка сокрушенно вздохнула и пустила воду. Она с удовольствием приняла контрастный душ, почистила зубы и

сорвала со стены полотенце. Но вслед за этим сумасшедший крик оглушил оба этажа пустого дома. Под полотенцем зияла жирная полоса крови.

2

Напрасно Лиана думала, что подслушать разговор с мобильной трубки значительно проще, чем с домашнего телефона. По иронии судьбы именно их разговор с мужем услышала одна из операторов московской телефонной станции. Это получилось неумышленно. На один и тот же номер позвонили два абонента. Автоматика по сортировке не сработала, и один из номеров пришлось отключить вручную.

Оператор Галина Карганова широко зевнула, нехотя щелкнула тумблером и надела наушники. Однако с первых слов незнакомки зевоту сняло как рукой. Сон этой женщины не мог не взволновать работницу станции. Ведь на днях ей тоже снилась кровь, но Карганова не знала, что кровь снится к родственникам, поэтому так сильно переживала — настолько сон оставил мрачное впечатление. Да и как не переживать, когда она, словно наяву, лежала на рельсах под каким-то мостом в луже собственной крови, и на душе было до того тоскливо, что хотелось умереть.

Но оказывается, для тоски не было причины. Это всего лишь означало, что к ним в гости нагрянет какая-то неожиданная родня. Уж не Сургутская ли невеста папаши, которую он до конца жизни не мог забыть? Впрочем, какая же она родня? Ведь отец так и не женился на ней. И правильно сделал. Ну, да Бог с ней, с родней! Не о родне сейчас речь. А речь о том, что правильно в народе говорится: мол, век живи и век учись. Оказывается, ее постыдная страсть к подслушиванию тоже дает своего рода знания, ибо человеку ничего не дается напрасно, даже порок.

Карганова обожала подслушивать с детства. Ни от чего в жизни она не испытывала такого наслаждения, как от собственного уха, приложенного к замочной скважине. Она подслушивала родителей в постели, подслушивала соседей за стеной, подслушивала мальчишек в школе, подслушивала девочек в институте и даже — подруг из окна общежития, когда те возвращались из кабаков. В это полуночное время ее слух достигал невероятных высот.

У Каргановой ни от чего так страстно не билось сердце,

как от желания подслушать секреты из чужой жизни. Может быть, поэтому она и пошла работать на телефонную станцию, а может быть, и не поэтому. Кто знает? Однако в данный момент она с большим интересом подслушивала разговор незнакомой женщины с ее мужем, забыв обо все на свете. Галина даже высунула язык от напряжения, чтобы не пропустить ни единого слова, а когда разговор закончился, она азартно переключилась на другого абонента, который позвонил на этот же номер в Казань. Карганова услышала другой женский голос: более юный и более раскованный:

— Привет! Это я. С кем ты так долго разговаривал?

— Олеся, наконец-то. Я так соскучился. Ты еще в Женеве? — голос мужчины сделался нежным.

— Пока в Женеве. Но ты не ответил на вопрос.

— С кем я могу еще разговаривать с утра пораньше? Неужели не догадываешься? — плаксиво ответил мужчина. — Не бери в голову. Как у тебя дела? Виктору звонила.

— Нет. Виктору не звонила. И не позвоню. Я стесняюсь. Это неудобно.

— Вот это зря! Он мировой мужик. Он поймет. И жена у него понятливая. Ты когда приедешь?

— Учеба заканчивается через десять дней. Но возможно, я еще задержусь.

— Боже мой! Десять дней без тебя... Я умру.

— Не умрешь. Жена не позволит.

— Не говори мне про жену, — по-бабьи взвизгнул мужчина. — Если бы ты знала, как она мне насточертела. Она достает меня даже здесь. Ей приснился сон, что ее зарезали — и сразу мне сцену. А у меня, между прочим, сейчас важные переговоры. Как меня все это достало! Дуре уже сорок три года, а я с ней нянчусь как с трехлетним ребенком. Я хочу нянчиться со своими детьми, а не с перезревшими тетками. Когда порхают юные девушки — это приятно, но когда на одной ножке прыгают тети, которым пора нянчить внуков — это самое отвратительное зрелище... Ой, Олесенька, извини! Я опять о своем.

— Ничего. Я привыкла, — сухо ответила девушка. — Значит, сейчас у тебя переговоры? Не буду тебя отвлекать.

— О чем ты? Ты меня никогда не отвлекаешь. О, ё... лыпалы! Сотовый звонит. Сейчас я его отключу.

— Ладно, пока! Позвоню завтра в это же время. Целую!

— Подожди! Поговори со мной еще.

— Тебя ждут переговоры. Еще раз целую! До завтра.

— Подожди, Олеся! Я тебе не сказал самого важного... Э, черт!

Последнюю фразу мужчина проговорил на фоне коротких гудков. Прежде чем положить трубку на рычаг, абонент плаксиво простонал.

«Вот это страсти-мордасти? — хихикнула операторша. — Вот, оказывается, как бывает. Только одно непонятно, почему связь из Женевы в Казань идет через Москву? Надо будет спросить у инженера...» На этой мысли ценную работницу кто-то тронул за плечо. Галина вздрогнула и оглянулась. Над ней возвышался инженер.

— Опять подслушиваешь, Карганова? Эх, и накажет тебя Бог за это.

— Что вы, Владимир Петрович? Просто опять не сработало реле. Валит и валит на один номер, — виновато зататорила Галина, отсоединяя наушники.

— Смотри, Карганова! — погрозил пальцем инженер и удалился.

Однако через минуту на том же самом реле снова щелкнули контакты. Галина не смогла удержаться, воровато оглянулась и воткнула наушники в гнездо.

— Кирилл! — услышала она истеричный крик. — Кирилл! Там, в ванной на стене кровь.

— Что? — прохрипел мужчина.

— Кровь на стене, за полотенцем. Кирилл, я боюсь! Прилетай скорее, я умру от страха.

— За каким еще полотенцем? — простонал Кирилл.

— За банным полотенцем, в ванной на втором этаже! Значит, мне это не снилось. Меня действительно зарезали. Я боюсь... Скорее вылетай обратно...

На этой фразе оператора кто-то тряхнул. Она взвизгнула и чуть не вывихнула голову. Над ней снова возвышался инженер.

— Карганова, я тебя зову, а ты не слышишь.

— Извините, Владимир Петрович! Здесь ячейка неисправная. Междугородка не срабатывает.

— Если не срабатывает, позови наладчика! Какого рожна ты здесь ошиваешься? — гневно изрыгнул инженер. — Марш на рабочее место!

Галина вскочила на ноги и торопливо направилась к своему столу.

— Еще раз увижу, что подслушиваешь, пеняй на себя! — рявкнул в спину начальник.

Карганова плюхнулась на стул и с деловитым видом уткнулась в журнал. Когда инженер ушел, напарница подмигнула:

— Чего ты там слушала? Тебя оборались.

— Да так, фигню какую-то.

**Дежурному ГУВД капитану Меркулову
от старшего группы № 2
патрульно-постовой службы
сержанта Леонтьева**

Рапорт

Наш наряд прибыл в поселок Екатериновка ровно в 10.00 — через восемь минут после вашего сообщения. Гражданка Углова, хозяйка дома № 38, стояла у ворот своего дома. Она выглядела очень напуганной: была без обуви с мокрыми волосами, в банном халате. В руках Углова держала сотовый телефон.

Потерпевшая заявила, что у нее в доме находится посторонний мужчина. Мы произвели тщательный осмотр помещения и никого не обнаружили. Как выяснилось позже, сама она постороннего не видела, но, по ее словам, «почувствовала его всей кожей». В доме имеется только один вход, с фасада. Из него, по уверению Угловой, никто не выходил. Иначе бы она заметила.

Мы проверили окна и вскопанные участки земли под окнами. Никаких следов. На всякий случай проверили сигнализацию. Она работала безукоризненно. Однако, по словам Угловой, она ночью забыла сдать дом под охрану. Мы посоветовали не забывать.

После нашего осмотра хозяйка успокоилась и извинилась за вызов, пояснив, что муж в командировке, а ей всю ночь снились кошмары. Я ознакомил ее с мерой несения ответственности, предусмотренной за ложный вызов.

В 10.20 мы закончили осмотр и выехали на маршрут.

05. 08. 2001

3

Кирилл был очень раздражен. Он метался по гостиной, как лев по клетке, и еле сдерживался, чтобы не наброситься

на жену с кулаками. Лиана же напротив — была спокойной и ничуть не чувствовала себя виноватой. Она поминутно поднималась с дивана, чтобы повиснуть на шее у супруга, но он отстранялся и сквозь зубы изрыгал:

— Сиди!

Лиана покорно усаживалась на прежнее место между двумя подушками и притворно вздыхала.

— Где? Где, я спрашиваю, твоя кровь?

— Была, — разводила руками Лиана. — А потом куда-то исчезла... Ты что, мне не веришь? Не веришь родной жене?

— Куда она могла исчезнуть?

Лиана снова невинно вздыхала и беспомощно разводила руками.

— Сама не знаю.

— Блин! Да сколько это может продолжаться? — страдальчески простонал мужчина. — Давай рассказывай по порядку как все произошло. Сначала ты вошла в ванную: никакой крови не было. А после того, как ты позвонила мне, она появилась. Так?

— Так! — грустно кивнула Лиана. — Хотя не совсем так. Когда я первый раз вошла в ванную, то сразу не заглянула за полотенце. Возможно, кровь была... Я заметила ее только после того, как приняла душ и сняла полотенце с вешалки.

— Я это уже слышал. Дальше!

— Дальше я сразу побежала к телефону и позвонила тебе на мобильный. Но твой мобильный был отключен. Ты зачем его отключил?

— Аккумулятор сел. Дальше!

— Дальше я позвонила в тебе в гостиницу. Но у тебя было занято. Я чуть с ума не сошла, пока дозвонилась. Ты с кем разговаривал?

— Сейчас это не имеет значение. И так, ты позвонила мне и вызвала милицию.

— Да, вызвала милицию. Милиция приехала через полчаса. Я все эти полчаса стояла на улице. Босиком. Боялась заходить. А прохожие на меня смотрели и сочувственно отворачивались, — всхлипнула Лиана.

— Потом? — нетерпеливо щелкнул пальцами Кирилл. — Что было потом? Ты вошла с сотрудниками милиции в дом, и вы направились в ванную.

— Я не вошла с ними. Я осталась внизу. Я очень боялась.

— Неважно! Они втроем направились в ванную, и сказали, что никакой крови там нет. Так?

— Я сначала не поверила, — шмыгнула носом Лиана. — А потом поднялась и увидела, что крови действительно нет. А ведь она была. Точно была. Ты что, мне не веришь?

— Хочешь сказать, кровь стерли милиционеры?

— Нет, — капризно покачала головой Лиана.

— Куда же она делась?

— Не знаю...

Кирилл снова прошелся из угла в угол, с трудом сдерживая вулканические клочкотания в груди. Он даже проскрежетал зубами, однако решил пока не повышать голос. Он спросил как можно мягче:

— Милиция обыскала дом?

— Обыскала.

— Ты успокоилась?

— Да.

— Тогда почему ты не перезвонила мне? Я был еще в Казани! Торчал в аэропорту. Из-за твоей дурацкой выходки я отменил очень важные переговоры. Ты хоть это понимаешь?

Лицо Лианы сделалось виноватым. Она мягко поднялась с дивана и подошла к мужу. Прильнув щекой к его небритой скуле, она плаксиво прошептала:

— Бог с ними, с переговорами. Зато мы снова вместе.

Трясаясь от негодования, Кирилл набрал полную грудь воздуха, чтобы разразиться грубой бранью, но в последующую секунду раздумал. Внезапно он понял, что это бессмысленно. Она действительно ничего не понимает и никогда уже ничего не поймет. Она всю жизнь жила в мире своих иллюзий, и ее уже ничто не вызовет из этого состояния.

— Я из-за тебя потерял большие деньги, — произнес он мрачно.

— Бог с ними, с деньгами. Главное, что мы снова вместе. Посмотри, какая у меня грудь, — произнесла она невинно, расстегивая халат. — У женщин моего возраста уже груди висят как две тряпочки, а у меня, стоят как два холмика. Где ты найдешь лучше?

«Какой толк от твоей груди, если она ни разу не кормила?» — с раздражением подумал мужчина. Хотя злости уже не было. Была досада. «С ней надо что-то делать», — подумал он.

— Где ты еще видел такую грудь? — не унималась она. — Ты ведь меня любишь?

«Ненавижу», — произнес про себя мужчина. Однако сделал над собой усилие и на выдохе выдавил:

— Да.

— Мы уже двадцать лет с тобой как голубок с голубкой, — проворковала она, усаживая его в кресло и по-детски забираясь к нему на колени. — Другие столько не живут. Ведь правда?

— Правда, — буркнул мужчина, хотя правдой было то, что ему искренне хотелось скинуть ее с колен и дать пинка под толстую задницу. Почему он никогда не говорит ей правды? Потому что ей нельзя говорить правду.

— Тебе нужно показаться врачу, — мрачно произнес Кирилл.

— Зачем? — удивилась она.

— Но если у тебя галлюцинации, значит ты больная.

Лиана сняла руки с его плеч и обиженно посмотрела в глаза.

— Почему ты решил, что я больная?

— Потому, что тебе мерещится кровь.

— Мне не мерещится кровь. Я действительно ее видела.

— Куда же она делась?

— Не знаю, — хлопнула глазами Лиана и снова прильнула к мужу.

— Чем ты это объясняешь?

— Тем, что ты уехал и оставил меня одну, — ответила она капризно.

Кирилл снова заскрежетал зубами. Понадобились усилия, чтобы подавить в себе новую волну ярости. После этого он произнес как можно убедительнее:

— Пойми, ты не даешь мне делать дела. У нас куча долгов. Из-за тебя я уже в четвертый раз упускаю случай разбогатеть.

— Не в деньгах счастье, — произнесла она бессмысленную фразу.

«Нет, с ней бесполезно», — вздохнул мужчина и отлепил ее от себя. Он сел к камину и закурил. Двадцать лет вот такой жизни, дебильной и беспросветной. И ради чего?

Неожиданно ему пришло в голову, что у нее началось то же, что и у тещи. «Это у них наследственное, — пронзило его. — Точно!» Но почему он об этом догадался только сейчас, когда хлебнул полную чашу? Вот скотство! Полжизни нет. Зато осталась вторая половина, в которой ее не будет. Это Кирилл решил твердо. Ее место займет другая.

При мысли об Олесе в душе у Кирилла зацвели нарциссы. Если бы не Олеся, то сегодня бы он точно схлопотал

инфаркт.

— Значит, говоришь, была кровь, а потом исчезла, — переспросил Кирилл с насмешкой, выпуская дым в камин. — И значит, по-твоему, это оттого, что я тебя оставил одну на два дня?

— Да, — капризно подтвердила Лиана и топнула своей тумбовой ножкой.

Мужчина издевательски усмехнулся. Для семилетней девочки, такая выходка простительна, но для сорокатрехлетней тети — не лезет ни в какие ворота. Он сощурил глаза и язвительно произнес.

— Завтра утром я отправляюсь обратно в Казань. А ты на ночь включай сигнализацию и сдавай дом под охрану.

— Ты снова меня бросаешь? — с тревогой воскликнула Лиана. — Не покидай меня. У меня дурные предчувствия.

Мужчина смерил ее презрительным взглядом и грубо ответил:

— Плевать я хотел на твои предчувствия. Мне нужно делать дела.

4

Дела у Кирилла всегда шли неважно. Это была какая-то врожденная невезучесть. Хотя нет! До женитьбы Кирилл не чувствовал себя невезучим. Впрочем, какой прок сейчас об этом вспоминать? Он просто служил и не испытывал никаких забот. Квартиру дали сразу. Точнее, почти сразу, через три с половиной года после его прибытия в часть. Зарплату выдавали регулярно. И ее хватало. За два года холостой жизни он накопил на поддержанный «Жигуль». Для начала неплохо. Проблемы начались после того, как он женился на Лиане.

И надо же ему было жениться именно на Лиане? Как будто не было нормальных девушек. Да-да, нормальных, — он не оговорился. Нужно быть идиотом, чтобы не понимать, что с любой другой женщиной его жизнь не сложилась бы так нелепо. Да разве он с ней жил? Он только решал ее проблемы. Сначала ее, потом проблемы с ее мамой, потом проблемы с ее здоровьем, потом проблемы с финансами... Вот гнусность! Когда ему было время заниматься карьерой? Уже сорок пять, а он еще ничего не добился. Если бы Кирилл продолжал служить, то уже бы заработал гарантированную

пенсию. А так, он опять на той же исходной точке, с которой начинал.

Самолет оторвался от земли. Сидящий в нем мужчина с тяжелой складкой на лбу устало закрыл глаза. Ничего, скоро все это закончится. Если выгорит дело, он в тот же день прощается со своей благоверной и соединится с Олесей. При мысли об Олесе губы тронула улыбка. Кирилл всегда любил женщин такого типа, как Олеся. С чего он взял, что его идеал — эти беспомощные бабочки слоноподобного типа?

Хотя это не совсем правда. Мужчина лукавил сам перед собой. Лиану он любил. И любил до беспамятства. Но это было настолько давно, что казалось сном.

Со своей будущей женой Кирилл познакомился в походе двадцать лет назад. Произошло это следующим образом: на третьем году службы в одном из военных гарнизонов Подмосковья Кирилл случайно встретил своего одноклассника Володю Харитонову, который возглавлял московский турклуб «Бумеранг». Володя сразу начал агитировать в поход.

— Не беспокойся! Мы не особенно надрываемся в походах, — пояснил Харит. — Нас называют «матрасниками», но нам на это наплевать. Наша цель, ни «как можно больше груза подальше отволочь», а как можно больше насладиться природой. Так что присоединяйся!

Кирилл не знал всех тонкостей отечественного туризма. Слово «матрасники» слегка его покорило, но не вызвало смертельной антипатии. В наслаждении природой лейтенант также не узрел ничего зазорного.

— Красивые девушки у вас есть? — поинтересовался он.

— Других не держим! — подмигнул руководитель клуба.

Вопрос для Кирилла был отнюдь не праздным. Можно сказать, насущным был вопрос. За пять лет учебы в военном училище и за два года служения в части, мужские физиономии так примелькались, что возникали порывы жениться на первой попавшейся. Но даже с первыми попавшимися в гарнизоне ощущалась острейшая нехватка. Словом, можно сказать, только исключительно из-за девчонок Кирилл согласился отправиться в тот роковой поход.

Одноклассник не обманул. Турье «Бумеранга» действительно не очень напрягалось в походе. Не пройдя по лесу и пяти километров, группа остановилась на двухдневный привал на какой-то обжитой поляне, на которой уже располагался в расслабленном состоянии основной состав клуба. По-

давящее большинство лежало на солнышке у своих палаток, две туристки копошились у костра, а один бородач играл на гитаре.

Кирилл сразу окинул взглядом женскую половину компании и понял, что у него с одноклассником совершенно разные представления о женской красоте. Это были грубые, бесформенные бабенции с прокуренными голосами и сальными волосами. Их лица были суровы и обветрены. Они были одеты в вылинявшие штормовки, трико и туристические ботинки.

Но это на первый взгляд. Приглядевшись внимательнее, лейтенант сквозь дым, котелки и грубую брезентуху разглядел две смазливые мордочки. Он тут же положил глаз на обе, но одну из них вскоре отмел. Девушка в штормовке села на бревно, по мужицки раскорячила ноги и закурила «Беломор». Курящих женщин Кирилл терпеть не мог. Вот в ту самую минуту, когда новенький перекинул все внимание на ее некурящую подружку, из леса в обнимку с каким-то небритым гавриком и вышла Лиана.

Ее щебечущий смех сразу огласил поляну. Все, кто были на ней, подняли головы. У мужской половины потеплело в глазах, у женской — на устах появилась усмешка. Кирилл, как и все, всмотрелся в сладкую парочку и подумал: «О времена, о нравы...»

А что мог подумать еще молодой военный, когда их вид был утомленным, а лица пунцовыми.

Нельзя сказать, что девушка сразу понравилась новенькому, но она отличалась от всех хотя бы тем, что не была одета в штормовку и туристические ботинки. Девушка была в красной футболке, черном трико, довольно выразительно обтягивающем бедра, и пляжных сланцах. Ее черные волосы были распущены, губы горели, глаза озорно бегали, а на голове покоился веночек из ромашек. Девушка задержала долгий взгляд на военном, однако, пройдя мимо него, не произнесла ни звука.

После этого Кирилл заметил, что она бросает на него весьма любопытные взоры, и не только она. Но ее внимание было самым выразительным. Каждую минуту до слуха молодого лейтенанта доносился ее журчащий смех. Пожалуй, по обаянию с ней не мог сравниться никто, но Кирилл твердо решил закадрить блондинку, орудующую у костра с громадным половником.

У Светланы, так ее звали, была голубые глаза и просто

осиная талия. Талию лейтенант усек в ту же секунду, как только она скинула штормовку. Светлана тоже с любопытством поглядывала на новенького, но была на редкость неразговорчивой. «Ничего, разговорю! — подумал Кирилл. — А после похода предложу подвести до дома». Однако судьба распорядилась по-другому.

После обеда «матрасники» решили совершить радикальный поход. Путь лежал через ручей. Все миновали его без проблем, кто перепрыгнув, кто пройдя по жердочкам, а кто просто по воде, поскольку день был знойным, и только Лиана продемонстрировала свою крайнюю беспомощность, оставшись на берегу. К ней ринулись молодые люди, но она неожиданно протянула руки к Кириллу. Лейтенанту ничего не оставалось, как взять ее на руки и перейти через ручей вброд. Ее тело было мягким и горячим. При воспоминании о нем у Кирилла и по сей день начинает клокотать внутри. А тогда едва не помутился рассудок. Когда он опустил ее на землю, потребовались усилия, чтобы отлепиться от ее талии. Она сделала реверанс, лукаво улыбнулась и упорхнула вперед...

Вот как было на самом деле, — вздохнул летящий в самолете мужчина, с неприязнью отметив, что эти воспоминания хоть и слабо, но еще продолжают волновать душу. Неожиданно в кармане зазвонил сотовый. «На такой высоте? — удивился Кирилл. — Похоже, судьба решила преподнести очередной сюрприз».

— Да! — выдохнул Кирилл, приготовившись к новой неприятности.

— Привет! Это я. Как прошли переговоры?

— Олесья, ты? — не поверил ушам мужчина. — Наконец-то. Я уже не знаю, что и думать. Ты, наверное, звонила в Казань? Но меня там не было. Я летал в Москву. В данный момент нахожусь в самолете. Удивительно, что ты до меня дозвонилась. Словом, возвращаюсь обратно. Если говорить коротко, то вчера переговоры не состоялись. Мне пришлось срочно вылететь домой.

— Зачем?

— Из-за жены! — простонал пассажир. — Если бы ты знала, как она меня достала! По-моему, у нее окончательно сорвало крышу. Вот наказание!

— Что случилось? Объясни!

— Ничего не случилось. Я тебе уже говорил: ей приснился сон, что ее зарезали. Сразу после твоего звонка она по-

звонила и закатила истерику, что никакой это, якобы, был не сон, а что ее действительно зарезали. Ты представляешь, какой бред? И с такой дурой я прожил двадцать лет.

— И ты сразу полетел к ней?

— А что мне оставалось?

— Ну и как она?

— Шизофрения чистой воды.

— Почему ты не сводишь ее к врачу?

— Ты разве не знаешь, почему? Сначала она должна вступить в права... А врач куда не денется...

5

Лиана с Тамарой сидели в гостиной на диване и потягивали из фарфоровых чашек кофе. Хозяйка была в шелковом халате, пушистых тапочках и красной повязке на голове. Ее взгляд был томным, вид романтичным. У ее подруги напротив: в лице читалась крайняя озабоченность. Она заметно нервничала и периодически поглядывала на часы.

— Да расслабься ты, — подала голос Лиана, заметив, что Тамаре не в кайф вся эта светская болтовня с церемонным поглощением кофе. — Успеешь домой. Посиди со мной.

— Мне сейчас нужно Алешку забрать из садика.

— Муж заберет, — отмахнулась хозяйка.

— И ужин готовить надо. У меня же нет поварихи, как у тебя.

— Муж приготовит, не волнуйся! — дернула бровью Лиана. — Он у тебя лучше всякой поварихи.

— Он, безусловно, лучше, — вздохнула Тамара. — Но ему, к сожалению, некогда.

— Ему некогда? — удивилась Лиана. — Да ну? Он же не работает! Он целыми днями сидит дома?

— Он не сидит. Он пишет докторскую.

— Тоже мне занятие для мужика. Знаем, мы эти докторские.

Тамара нахмурилась и поставила чашку на журнальный столик. Лиане это не понравилось. Она презрительно хмыкнула и светски покачала головой.

— Ты совершенно себя не ценишь. Не ценишь и не уважаешь. Посмотри на себя в зеркало, во что ты превратилась. Из тебя сделали служанку! У тебя такой вид, как будто ты разгрузила вагон картошки.

«Хотела бы я посмотреть на тебя, когда у тебя будет трое детей», — с досадой подумала Тамара, а вслух произнесла:

— Что делать? Приходится работать. У меня же нет мужа бизнесмена.

— Так заведи любовника! — выгнула брови Лиана. — Женщина не лошадь. Она не должна работать. Она создана для любви, а не для работы. Если мужчина этого не понимает, с ним нужно расставаться.

— Даже если дети? — сощурилась Тамара.

— Даже если дети. Ты очень распустила своего Виталика. Он живет в свое удовольствие, а о тебя ноги вытирает. Запомни, мужчин нужно постоянно держать в ежовых рукавицах. А ты даже в нужное время не можешь поставить мужика на место.

— А ты можешь? — съехидничала Тамара.

Глаза Лианы блеснули всепонимающим светом.

— Ты думаешь, почему Кирилл до сих пор от меня без ума?

— Ты уверена?

— Конечно, уверена! — возмутилась Лиана. — Я бы, как ты, не смогла. Однажды я почувствовала от Кирилла холодность, но я тут же дала понять, что такую, как я, он больше не найдет.

— А, ну да, конечно, я забыла, — скептически пробормотала Тамара и отвернулась к окну, чтобы Лиана не заметила усмешки.

Но Лиана уже ничего не замечала. Она блаженно закатила глаза и с полуулыбкой прошептала:

— Это было нечто! В тот день шел дождь, а мы с Олегом играли в бадминтон. Это очень красиво — бадминтон под дождем. Олег до сих пор от меня без ума, — расплылась в улыбке Лиана. — Из-за меня он так и не женился. Представляешь, у него после меня не было ни одной женщины.

— Ты уверена? — хмыкнула Тамара.

— Естественно! — воскликнула Лиана. — Он мне недавно об этом сам сказал. Для него не существует женщин, кроме меня. Но я ему никогда не давала надежду. Только в тот день, когда мы играли в бадминтон под дождем. Это было десять лет назад. Подумать только: прошло десять лет. А кажется, что вчера! У Кирилла тогда что-то не ладилось с работой, и он сорвался на мне. Но я его проучила. В этот день к нам должны были придти гости на новоселье. Мы накрыли во дворе столы. Я одела голубую блузку с облачками

и прозрачную плиссированную юбочку. А на голову надела венок из ромашек, в котором Кирюша меня увидел в первый раз. Когда я вышла к гостям, все обомлели. Кирилл потерял дар речи, а Олег, который при встрече всегда говорил комплименты, был настолько потрясен, что не смог произнести ни слова.

— Словом, все дружно промолчали, — иронично обобщила Тамара.

— Да! Все были потрясены! — воскликнула Лиана, не замечая скептического тона подруги. — А когда мы стали играть с Олегом в бадминтон, гости не могли оторвать от нас взглядов. Даже когда пошел дождь и Кирилл пригласил в дом, никто не тронулся с места. Все смотрели на нас. Потом все ушли в дом, а мы с Олегом сняли обувь и продолжали играть босиком на траве. Это было настолько прекрасно, что какая-то девочка, которая пробежала мимо нашего дома, остановилась и замерла, уставившись на меня восхищенными глазами. Она порывалась выразить свой восторг, но постеснялась. Так и убежала, ничего не сказав. Я в детстве тоже замирала при виде красивых девушек.

«С девочкой явно перебор», — усмехнулась про себя Тамара, а вслух произнесла специально грубым голосом.

— Ну, десять лет назад ты была далеко не девушкой. Тебе уже было, дай бог, все тридцать три.

— Для красоты не существует времени, — прощбетала Лиана и тут же принялась забалтывать щекотливую тему. — Словом, советую тебе завести бойфренда. Увидишь, твой муж сразу делается как шелковый. Ничто так не освежает чувства, как ревность. После того бадминтона с Олегом, Кирилл больше не отходил от меня ни на шаг.

— Увы! — покачала головой Тамара. — Всему свое время. В двадцать лет любовная интрижка с бойфрендом возможно и возбуждает чувства юного мужа, но в сорок с лишним — извини! — можно получить обратный эффект. Сорокалетнему мужчине подобные выкрутасы ни к чему. Ему нужно совсем другое. Он хочет чувствовать себя главой семейства, а не идиотом. Ему нужен чистый дом, ухоженные дети, вкусный ужин. Сорокалетнему мужчине нужны стабильность и надежный тыл, а не великие потрясения. Так что твоим советом я, скорее всего, не воспользуюсь.

Тамара ехидно улыбнулась и поднялась с кресла.

— Ты хочешь уходить? — встревожилась Лиана.

— Да, мне пора. Меня ждут дети и муж.

— Но ведь Кирилл тебя попросил, чтобы ты пожила у меня, пока он будет в Казане.

— Что ты, дорогуша. У меня семья! — засмеялась Тамара и, подмигнув, направилась к выходу.

— Но я боюсь оставаться одна. Вдруг мне опять приснится, что меня зарезали, — плаксиво воскликнула Лиана.

— Ты что, дитя малое? — нахмурилась Тамара. — У тебя уже пенсия на горизонте маячит.

— И почему я не завела собаку? — простонала Лиана.

— Лучше бы ты ребенка из детдома взяла...

6

И зачем нужно было смотреть этот кровавый «ужасник» по НТВ, который закончился в половине второго? Лиана выключила телевизор и со стучащими зубами направилась в спальню.

Она стащила покрывало, взбила подушку, но прежде, чем лечь в постель, зябко оглянулась на дверь. Дверь была полуоткрыта. Пришлось вернуться и захлопнуть ее до конца, хотя это и было лишено смысла. Дом уже стоял под охраной. Лиана потушила торшер и юркнула под одеяло. Перед глазами еще мелькал маньяк-убийца из только что просмотренного фильма. Соображает она, или нет? Лучше бы на другом канале посмотрела эротику.

Когда часы в гостиной пробили три часа ночи, дверь в спальню отворилась, и в комнату скользнула тень. Если до этого Лиана и спала, а, скорее всего, пребывала в полудремоте, то в ту минуту проснулась окончательно. От страха она не могла не пошевелиться, не закричать. «Может быть, это продолжение вчерашнего сна? — мелькнула в голове робкая мысль. — Конечно же, это сон. Ведь дом под сигнализацией».

Скосив глаза на дверь, Лиана сквозь ресницы довольно четко разглядела черный силуэт в проеме само собой открякнувшейся двери. От страха женщина не посмела распахнуть глаз, продолжая наблюдать за этой жутью из-под ресниц. Ночной гость немного постоял в лунном проеме, затем бесшумно направился к спящей. «Нет, это все-таки снится, — подумала Лиана, — потому что наяву полы спальней скрипят».

В тот же миг половица под ногами черного человека

скрипнула, и Лиана каждой клеточкой почувствовала присутствие инородного тела. Теперь она точно знала, что это не сон, но кричать уже было поздно. Мужчина подошел настолько близко, что онемевшая от страха женщина ощутила запах его пота. Когда черный человек поднес к ее горлу нож, Лиана тихо вскрикнула и широко распахнула глаза. Он был в черных перчатках и маске, в глазницах которой сверкали живые глаза. Они хищно щурились. Последнее, что остро ощутила женщина, холодное лезвие ножа, коснувшееся ее горла. После этого она провалилась в черную дыру.

Лиана очнулась от тихого скрипа двери над головой. «Дверь спальни никогда не скрипела, — удивилась она. — И почему скрепит над головой, когда дверь располагается с противоположной стороны?» Это уже потом Лиана сообразила, что лежит не в мягкой кровати, а на холодном кафельном полу.

Женщина открыла глаза и с ужасом увидела подвесной потолок ванной. Она медленно скосила глаза на полуоткрытую дверь и больно ущипнула себя за бедро. Зрение не обманывало: она действительно лежала на полу в ванной головой к двери. Лиана подняла голову и истерично завизжала. Ее голое тело было в крови. В крови были кафельные стены ванной, а также дверь и зеркало. В проеме двери мелькнуло что-то черное. Женщина вскочила на ноги и молниеносно защелкнула дверь на задвижку. Затем без сил опустилась на корточки и прислушалась. В коридоре явно кто-то присутствовал. Лиана чувствовала его дыхание. Затем совершенно четко услышала шаги. На этот раз она ясно помнила, что муж в Казани и что она в доме одна, не считая кошки. Но шаги за дверью были явно не кошачьими.

В висках стучало так отчаянно, что было удивительно, как Лиана сохраняла здравый рассудок? Впрочем, не таким уж он был и здоровым. В голове шумело, в глазах двоилось. Больше всего Лиана боялась смотреть на кровь. «На этот раз точно перерезали горло», — подумала она с тоской. Но это ей уже казалось не таким ужасным. Самым ужасным было то, что находилось за дверью. Кричать было бессмысленно. От телефона она отрезана. «Истеку кровью, но не выйду отсюда?» — решила она.

Лиана бесшумно поднялась с корточек и заставила себя взглянуть в зеркало. Шея была залита кровью, в районе кадыка чернел запекшийся надрез. «Не дорезал», — догадалась хозяйка и поднесла ладонь к шее. Боли не чувствовала.

лось, и кровь, кажется, уже не шла, но облегчения от этого не было. «Нужно смыть кровь и посмотреть, насколько серьезно изуродована шея».

Женщина на цыпочках подошла к раковине и пустила воду. Но в то же мгновение дверь царапнули ногтем. Лиана быстро закрыла воду и замерла. Нет, она не ошиблась, в дверь действительно кто-то поскребся. Женщина дрожащими руками вцепилось в резиновую помпу, хотя это было лишено смысла, и вжалась в угол. Так прошло несколько минут. Лиана, затаив дыхание, стояла с помпой в руках и, не мигая, смотрела на дверь. Но едва она сделала движение, в дверь осторожно постучали.

— Что вам от меня нужно? — выдавила Лиана, покрываясь мурашками от собственного голоса.

Вместо ответа в дверь постучали повторно, но уже более настойчиво. Лиана всхлипнула и отчаянно прокричала:

— Уходите, или я вызову милицию!

Следом мощный удар кулаком сотряс дверь ванной. Лиана выронила помпу и закрыла глаза руками. На какое-то время сделалось тихо. Женщина даже услышала удаляющиеся шаги. Но радость была преждевременной. Внезапно над головой раздался тихий стук в стекло. Лиана подняла глаза на крохотное окошечко под потолком и увидела в нем черную голову в маске.

Женщина с визгом отщелкнула замок и вылетела в коридор. С криком «спасите» она понеслась вниз по ступеням в гостиную. По пути беглянка не встретила никого, ни в коридоре, ни на лестнице, ни в прихожей на первом этаже. Только, пробегая мимо кухни, она бедром наткнулась на стол и смахнула со стола чашку. Лиана хотела выбежать на улицу, но замешкалась с замками. Черный человек бесшумно подошел сзади и кожаной ладонью заткнул ей рот. И больше Лиана не помнила.

Когда она снова пришла в себя, то первое чувство, посетившее ее, было удивлением: «Неужели я еще жива?» Женщина долго не решалась открыть глаз, мысленно обследуя свое тело. Лиана не ощущала на горле боли. Не чувствовала она ничего необычного и в других частях тела. Бедняжка робко открыла глаза и с удивлением увидел, что давно наступила утро, а она, как ни в чем не бывало, преспокойно лежит в постели собственной спальни.

«Так это опять был сон? — еще больше удивилась она и подняла голову. — Не может быть...»

Лиана недоверчиво оглядела себя. Она была в ночной сорочке и в тех же трусиках-резинках, в которых легла вечером. Проснувшись бегло осмотрела живот. После чего вскочила и подбежала к зеркалу. Обследовав шею и для верности ощупав ее пальцами, Лиана пожалла плечами и вышла через полуоткрытую дверь в коридор. Никаких признаков постороннего человека в доме не ощущалось. К тому же на сигнализационном приборе горела красная лампочка, свидетельствующая о том, что сигнализация не срабатывала. С замершим сердцем Лиана заглянула в ванную. Но и в ней все было чисто. Никакой крови ни на зеркале, ни на кафеле. На всякий случай хозяйка сорвала со стены полотенце: под ним тоже все безукоризненно. Только после этого Лиана позволила себе спокойно вздохнуть.

«Еще один такой сон, и можно отправляться в психушку», — подумала она и встала под душ. Лиана знала, что страшный сон нужно смыть водой до полудня, тогда он не сбудется. После ванной настроение значительно улучшилось, хотя осадок остался. Еще, чтобы сон не сбился, нужно до полудня рассказать его близкому человеку. Женщина посмотрела на часы. Было без пяти десять. Если поторопиться, мужа еще можно застать в «Сатурне».

Лиана легко сбежала в гостиную, прыгнула в кресло и сняла с аппарата трубку. Две первые попытки дозвониться до Казани оказались неудачными. Номер срывало. На третьей — взгляд Лианы случайно скользнул по полу. То, что она увидела под столом, заставило ее похолодеть. Под столом лежала та самая чашка, которую она сбила во сне, удирая от черного человека. Лиана распахнула халат и устала на то место на бедре, которым она задела стол. На нем зиял синяк. Следом хозяйка вспомнила, что перед сном она плотно захлопнула дверь спальни, а утром дверь оказалась открытой.

7

В этот же день и в это же самое время оператор телефонной станции Галина Карганова, не дыша, подключилась к знакомой ячейке в надежде услышать что-нибудь новенькое в этой странной истории. Вчера она ровно в десять воткнула в гнездо наушники, но с казанского номера никто не отозвался, хотя звонки из Москвы поступали. Разумеется, из Казани

и не могли ответить, потому что хозяин в ту самую минуту находился в воздухе. Однако с утра операторша каким-то особым чутьем уловила, что сегодня ее ждет удача.

Инженера в цехе не было, мастер тоже куда-то исчез. Напарница откровенно зевала и клевала носом. Лучших условий для подслушивания и придумать невозможно.

Карганова на всякий случай повертела головой и, убедившись, что на горизонте чисто, быстро подключилась к сети. Ждать пришлось недолго. Ровно через три минуты на казанский телефон начали набирать номер. Он дважды сорвался из-за окислившихся контактов в реле, однако на третьей попытке на том конце провода без промедления сняли трубку.

— Да, я слушаю! — произнес мужчина деловым тоном.

— Кирилл! — истерично вскрикнула женщина. — Со мной происходит что-то жуткое. Ночью меня опять пытались зарезать.

— Зарезать? — спокойно переспросил мужчина. — Кто?

— Не знаю! Какой-то человек во всем черном. Он был в черной маске, в черных перчатках и с ножом. Огромным. Срочно приезжай! Или я умру от страха.

По телу операторши пробежали мурашки. «Вот это ни чего себе», — подумала она.

На том конце провода образовалась недоверчивая пауза. Оправившись от такой заявочки, мужчина спросил:

— Где тебя пытались зарезать?

— Дома!

Карганова вздрогнула. «Какая жуть! — поежилась она. — Уже и дома спасения нет».

— Сигнализация была включена?

— Да.

— Она сработала?

— Нет.

В Казани снова воцарилось молчание. Затем раздался тяжелый вздох, и мужчина деликатно посоветовал:

— Прежде всего, успокойся! И расскажи по порядку, как все происходило?

— Тамара ночевать у меня категорически отказалась. Она ушла около семи. Ну, я сразу же после нее сдала дом на пульт, посмотрела «ужасничек» и пошла спать.

— Ах, «ужасничек»! — облегченно выдохнул мужчина. — С этого и надо начинать...

— Нет, ты все не так понял! — капризно вскрикнула жен-

щина. — «Ужасничек» здесь ни при чем. Ты что, мне не веришь? Не веришь родной жене?

— Ну-ну! Продолжай дальше!

— Ты думаешь, что мне приснилось? Да ты просто бездушный человек! Ты предатель!

— Не отвлекайся! Рассказывай дальше.

— А что дальше! Ну, легла я спать. И вдруг мне снится, что дверь в спальню открывается и входит черный человек. В руках у него нож. Огромный.

— Значит, все-таки приснилось, — иронично вставил шпильку мужчина.

— Ну, почему ты никогда не дослушиваешь? — истерично взвизгнула женщина. — Может быть, ты со мной разговариваешь в последний раз.

— Лиана, излагай быстрее! Мне уже нужно выходить.

— Значит, тебе дела дороже жены? — понесло истеричку. — Значит твои дела важнее живого человека? Вот ты, значит, какой. А маскировался под порядочного...

Даже операторша в ту минуту чуть не воскликнула: «Да не тяни ты резину, в самом деле! Дальше!».

— Лиана! Цигаль-цигаль, ай лю-лю. Я слушаю! Итак, вошел черный человек и перерезал тебе горло. Что дальше?

— Откуда ты знаешь, что он перерезал мне горло? — изумилась женщина.

— По твоей интонации. У всех женщин с перерезанными горлами почему-то одинаковые интонации.

Лиана недоуменно замолчала, а Карганова вытаращила глаза. Потом, когда до нее дошел юмор, она, закрыв микрофон ладонью, покатила со смеху. Напарница удивленно подняла голову.

— Ты че, Гальк?

— Тише ты. Не отвлекай.

Недорезанная женщина, наконец, приобрела дар речи.

— Ты что, издеваться надо мной вздумал?

— Извини, Лиана, мне просто сейчас надо уматывать. Понимаешь? У меня сейчас важные переговоры. Пожалуйста, в двух словах: проснулась ты с нормальным горлом?

— Горло-то у меня нормально, а вот на бедре синяк...

— Я понял! Метил в горло, а попал в бедро. Бывает! Очень рад за тебя. Целую. Извини, я побежал! Я тебе перезвоню.

— Подожди! Так ты не прилетишь? — с отчаянием вскрикнула женщина.

— Как все сделаю, так сразу прилечу. Мысленно я уже в полете. Пока, Лиана, пока! Если боишься, вызови милицию.

Мужчина бросил трубку, а женщина еще долго не могла успокоиться и все продолжала вызывать к совести своего мерзавца-супруга. Наконец, уgomонилась и она, яростно бросив трубку. Карганова облегченно вздохнула. «Ну и придурочная у него баба, — покачала головой работница. — Как он только ее терпит?»

Галина поднялась со скамеечки и оглядела цех. В нем по-прежнему было безмятежно. Напарница положила голову на рукав и уже, кажется, слегка похрапывала. Операторша не снимала наушников, предчувствуя, что будет продолжение. Тут никакая женщина не успокоится, если метят в горло, а попадают в ляжку. И точно. На этом номере снова защелкало реле. Через три секунды раздались позывные гудки.

— Да! Я слушаю! — раздраженно произнес мужчина.

Однако на этот раз звонила не жена. Густой мужской бас, вежливо поздоровавшись, поинтересовался:

— Вы Кирилл Семенович?

— Да, это я! — отозвался мужчина, придав голосу деловитость.

— Это секретарь. Звоню вам из Москвы. Мне поручено передать, что ваша встреча с президентом переносится на завтра. Руководство срочно вылетело по делам.

— Я понял! — упавшим голосом ответил мужчина. — Спасибо. Всего доброго.

Карганова тяжело вздохнула, приняв близко к сердцу сорвавшиеся переговоры бедалаги, и уже собралась отключиться, как в ту же секунду на этом номере снова раздался звонок. «Ну, никак не оставят мужичка в покое», — подумала она и услышала знакомый голос девушки:

— Кирилл, привет! Это я, Олеся.

— Могла бы и не говорить, что это ты, — ответил мужчина бесконечно нежным голосом. — Я тебе узнаю, по одному гудку. Я очень соскучился. Ты когда прилетишь?

— Ты же знаешь, когда. К чему пустые вопросы?

— Да-да, конечно, прости!

— Как твои сегодняшние переговоры? Ты к ним готов?

— Я к ним давно готов. Только президент перенес их на завтра. Снова звонила Лиана. А если она звонит, то все летит к черту. Это уже, как правило. Завтра я отключу все телефоны.

— Значит, завтра мне не звонить?

— Нет, конечно, звони. Ты мне приносишь удачу!

«Фу ты, ну ты, — сморщила нос Карганова. — Распушил хвост как павлин. Тьфу! До чего же противные эти мужики».

Галина еще позавчера заметила, что этот мужчина со своей законной разговаривает, как с малым дитем, все больше утешая, да успокаивая. А этой молоденькой свиристелке только жалуется и напрашивается на утешения. «Так она быстро его бросит», — сделала вывод Карганова.

— А зачем звонила жена? — поинтересовалась девушка из Женевы.

— Требовала, чтобы я опять вернулся в Москву, — с раздражением ответил мужчина. — Ее опять во сне резали. Хоть бы зарезали окончательно. И наяву!

Мужчина коварно рассмеялся, а девушка ужаснулась.

— Что ты такое говоришь, Кирилл?

— Шучу! — поправился Кирилл.

— Ну, если переговоры завтра, ты можешь сегодня слетать к жене и успокоить.

— Ну, уж дудки! — усмехнулся мужчина.

8

После звонка Олеси Кирилл отключил телефон и лег на диван. От неожиданного безделья сделалось уныло. Скорее бы приехала Олеся. Без нее невыносимо.

Мужчина ослабил на рубашке галстук и закурил. Зазвонил мобильный телефон. По определителю Кирилл увидел, что снова домогается жена. Он с раздражением отключил сотовый и закрыл глаза.

— Как ты мне настоиграла, — прошептал он сквозь зубы. — Как я тебя ненавижу...

А ведь когда-то любил, и жить без нее не мог. Это факт. Мужчина вдавил сигарету в пепельницу и подошел к окну. Жарит как в Ташкенте. А ведь всего только десять часов. «Может быть, смотаться на пляж, чтобы убить время? — подумал Кирилл. — Нет. Что-то не хочется».

Он зашторил окна, включил вентилятор и снова пластом рухнул на диван. «Как получилась, что совершенно ненужная женщина оказалась рядом с ним?» — спросил кто-то внутри.

Нет, он не лукавил перед собой. Она действительно ему сначала не нравилась: такая рыхловатая, с толстыми слоновьими ногами и неразвитой грудью. Природа как будто за-

ранее знала, что этой женщине не суждено кормить детей.

Ее походка была несколько косолапой, лицо — самое что ни на есть обыкновенное, карие глаза, вполне заурядный нос, губы чуть припухлые, волосы черные. Однако когда она начинала щебетать, ее облик преображался. Она словно превращалась в бабочку.

Положа руку на сердце, Кирилл совсем не хотел клеить к ней. Он хотел клеить к Светлане, которая с каждой минутой нравилась ему все больше и больше. Но в ту роковую минуту Светланы по близости не оказалось. Она гибко и красиво перепрыгнула через ручей и пошла дальше, не обратив ни малейшего внимания на беспомощный визг туристки. Светлану Кирилл перенес бы более охотно, чем Лиану. Может быть, от прикосновения к ней, в солдатской душе пробудились бы более высокие чувства. «Хотя кто его знает?» — поморщился Кирилл и закурил новую сигарету.

Итак, еще до того, как он опустил Лиану на землю, Кирилл уже был дико воспламенен. Что в нем сразу проснулось любовь к этому чуду с венком — сказать нельзя. Но животная страсть самца к самке была разбужена. Весь оставшийся день его несусветно тянуло к ней, хотя лейтенант не мог не заметить, что на него с интересом поглядывала не только Светлана, но и та курящая Лариса. На него весь женский пол посматривали с интересом. И впоследствии Кирилл понял, почему?

Да потому что из всех имеющих там орлов только он один имел профессию. Остальные были либо ночные сторожа, либо дворники, либо что-то в этом роде. Вероятно, еще сыграл и такой факт, что он единственный из всех прибыл в лес на собственном автомобиле, остальные — машин не имели.

«Женщины, они во все времена женщины, — криво усмехнулся Кирилл, — даже в том глухом семьдесят девятом, когда страна точно прыщами была покрыта всевозможными турклубами, презирующими материальные блага». Лиана, видимо, тоже презирала материальные блага, потому что всем рассказывала, что при виде Кирилла сразу почувствовала духовное родство. Причем настолько духовное, что тут же, не колеблясь, бросила этого чувственного дворника Олега, который ни много, ни мало, а писал стихи. Кирилл стихов не писал, поэтому не мог не оценить такую жертву Лианы.

Словом, все кончилось тем, что эта щебечущая хохотушка в тот же вечер перебралась к Кириллу в палатку, из кото-

рой они не вылезали два дня. Разумеется, после таких вольностей, ни о каком «подбивании клиньев» к Светлане не могло быть и речи. Это с точки зрения его офицерской чести. А ведь можно было и попробовать...

Кирилл скрежетнул зубами и нервно стряхнул пепел на собственные штаны. Ведь тогда после похода, к нему в машину набилось половины группы. Среди них была и Светлана. Кирилл еще удивило, что все, кто с пренебрежением смотрели на его машину в начале похода и презрительно воротили носы от его выхлопной трубы, первые бросились к ней, когда выпала возможность доехать на транспорте. А ведь он хотел подвести всего лишь Лиану.

Итак, основная часть вылезла в центре, и в машине остались только двое: Светлана и Лиана. Сначала он подбросил Светлану, а потом поехал отвозить Лиану. А ведь могло быть и наоборот. Но нет. Наоборот уже быть не могло, — покачал головой Кирилл, с грустью выдыхая дым. — Он уже был ею ранен, а возможно и пронзен в самое сердце.

Ведь назавтра Кирилл снова ждали солдатские казармы, марши на плацу, потные портянки, грубые шутки офицеров. Утром опять начиналась портяночно-махорочная проза жизни, а сегодня вечером предстояло унылое возвращение на квартиру. Да, многое бы дал молодой лейтенант за то, чтобы провести этот вечер с Лианой. С кем угодно, только бы не оставаться одному.

Он довез ее до дома, и она, мило прощепетав какую-то благодарность, сделала ручкой, так и не пригласив к себе. Уже много позже Кирилл понял, почему она не пригласила его в тот вечер после похода?

Два месяца спустя, когда офицер все-таки переступил порог ее квартиры, то с изумлением застыл на пороге. Такого бардака он не видел даже в кошмарном сне.

— Что же вы остановились в двери? — с улыбкой прощепетала ее мама. — Сейчас я вас обую в тапочки.

Ну, прежде всего, Кирилл остановился потому, что путь в комнату преграждал эмалированный таз с водой, в которой плавала тряпка. За тазом были завалы из каких-то коробок, банок, ящиков. Мамаша вцепилась в одну из картонных коробок и высыпала все содержимое на пол. В ней-то и хранились домашние тапочки. Хозяйка долго выбирала одинаковую пару, да так и не выбрала. Дала две облезлые шлепанцы на левую ногу и с раскатистым смехом провела в комнату.

В комнате все было старое: комод, диван, шифоньер, сервант, круглый стол посередине. Кирилл посадили на жиденький стул, и он впервые в жизни почувствовал жуткий уют. Желтые потолки, потасканные обои, облупившаяся на полу краска. Кроме того, не успел он отрыть и рта, как к нему на колени нагло запрыгнула кошка. Кирилл не особенно уважал кошек. Он и сейчас их не жалуется, но та кошка была — особым экземпляром. Мало того, что ее морда была облезлой, а хвост с комками кала, она на штанах оставляла омерзительные клочки шерсти. Лиана с маман не заметили неудобства гостя от их домашней твари.

— Это наша Диночка, — прощепетали они с одинаковыми улыбочками. — Она обожает мужское общество...

«Вот тогда бы ее и бросить, — скривился Кирилл, пульнув окурок в форточку. — Как увидел этот Содом в квартире, так сразу бы и рвануть куда подальше». Тогда молодой лейтенант не знал, что истинная сущность человека заключается не во внешности, а в том клочке пространства, в котором он обитает. Женщина может быть шикарно одета, может благоухать ароматами, может быть намакияженна, напедикюренна, со вкусом расчесана и так далее, но если у нее в доме грязь и бардак, то вся эта внешняя атрибутика — не более чем театральная декорация. Жаль, что эту истину Кирилл усвоил слишком поздно. Уже на восьмом году семейной жизни.

— Вот, ёшкин кот! — проскрипел зубами, Кирилл и уткнулся лицом в подушку.

**Дежурному ГУВД капитану Калашникову
от старшего группы № 3
патрульно-постовой службы
прапорщика Гребенского**

Рапорт

В Екатериновку мы прибыли в 10.15 — через десять минут после вашего сообщения. Когда мы подъехали к дому № 38, увидели гражданку Углову, позвонившую в милицию. Она стояла на пешеходной части улицы, в трех метрах от своей калитки. Звонившая выглядела очень напуганной. Двери особняка были открыты настежь. Пострадавшая утверждала, что в ее доме находится посторонний мужчина. Мы произвели тщательный осмотр дома и никого не

обнаружили.

Из разговора с ней выяснилось, что она не заметила, как посторонний мужчина вышел из помещения, хотя, по ее уверению, он пробрался в дом около трех часов ночи. Дом был сдан под охрану, и хозяйка затруднилась ответить, каким образом чужой человек проник в ее дом, не повредив сигнализации. Мы проверили сигнализацию на открытие дверей. Она была исправной. Что касается окон, то весь первый этаж обнесен оконными решетками, так что мало вероятно, что посторонний человек мог уйти через окно. Так что утверждение Угловой о пребывании в ее доме посторонних вряд ли соответствует действительности.

После нашего осмотра гражданка Углова успокоилась и извинилась за вызов, заявив, что не исключает и того, что посторонний человек мог ей померещиться. Пришлось ознакомить ее с мерой несения ответственности, предусмотренной за ложный вызов.

Осмотр закончили и выехали на маршрут в 10.25.

06. 08. 2001

9

Из полузабытья Кирилл вывели детские крики за дверь. Он поднялся с дивана и выглянул в коридор. По этажу с веселым хохотом носились два мальчугана лет пяти. Кирилл улыбнулся, и под ложечкой у него засосало. Никто не знал, как он любил детей. Даже Лиана. Если бы она родила ему хотя бы девочку, он простил бы ей все. Но, увы. Видимо, ему не судьба иметь своих детей. Если бы он женился на Светлане, сейчас бы у него было двое сыновей и дочка. Это минимум. Кто же знал, что у него так получится с Лианой?

Они поженились ровно через год после знакомства. К этому времени Кирилл уже не мыслил себе другую жену. Как получилось, что молодой лейтенант в короткий срок возлюбил Лиану, как самого себя, он и сам не понимал. Не исключено, что она его приворожила с помощью какой-нибудь старушки. Они с матерью часто обращались по всяким пустякам к бабкам подобного рода.

А возможно, в Лиана было что-то завораживающее. Не случайно же в любой компании она своим смехом и щебетанием сразу привлекала к себе общее внимание. Короче, сей-

час поздно искать истоки ее обаяния, но факт остается фактом: Кирилл на ней женился, и первые семь лет был от жены без ума.

Когда они расписались, своей квартиры у Кирилла еще не было. Про то, чтобы жить у ее матери, не могло быть и речи. Каждый раз, когда жених приходил к ним в гости, он, будто задерживая дыхание, нырял в помойный водосток. Иногда начинались рвотные спазмы, но воин держался стойко, делая вид, что все хорошо. И только на улице Кирилл испытывал неимоверное облегчение. Словом, они сняли однукомнатную квартиру, где некоторое время жили без особых проблем.

В первый год семейной жизни выяснилось, что Лиана была безукоризненна только в постели. Ко всему остальному она была совершенно неприспособленна. Молодая жена не умела готовить. А если готовила, то у нее все убегало, подгорало, переваривалось. Ее супы и жаркое получались невкусными, но показывать этого было нельзя. Ее глаза тут же наливались слезами. В холодильнике вечно что-то портилось, протухало, покрывалось плесенью. Из мусорного ведра всегда чем-то несло. Ванная и унитаз имели исключительно ржавый цвет, а из бельевого бака без конца вываливалось месяцами не стираное белье. Укорять ее в этом тоже было нельзя. Жену это искренне обижало.

Лиана не умела держать дом в чистоте. Приходилось после работы самому браться за веник и швабру. Причем лучше всего это нужно было делать с улыбкой. Если выразить недовольство, с Лианой мог случиться припадок. Кирилл решил и на беспорядок не обращать внимания. Ведь действительно, кому охота до блеска вычищать чужую квартиру?

Впоследствии проблему со стиркой решила стиральная машина, однако, чтобы что-то заштопать, пришить, починить — об этом не могло быть и речи. Лиана не умела даже вдеть нитку в иголку. Так сложилось, что приходилось не ей ухаживать за мужем, а мужу за ней. Она не заправляла постели, а если заправляла после некоторого нажима, то так неаккуратно, что Кирилл махал рукой.

Словом, как хозяйка, Лиана была совершенным нулем. Как жена — тоже никакуда не годная. Ей нельзя было доверять деньги. Она транжирила на всякую ерунду, совершенно не заботясь о завтрашнем дне. Замечая, что мужу не нравится неоправданное расточительство, она изумленно разводила руками и искренне удивлялась:

— Неужели какие-то несчастные банкноты тебе дороже человека?

Когда вопрос ставился таким образом, возражать было нечем. Кирилл разводил руками и шел занимать деньги к Виктору, двоюродному брату. Брат выбор Кирилла не одобрял. Когда он приходил к нему в гости и демонстративно осматривал весь этот бардак, царивший в квартире, Кириллу было не по себе. Его чистоплотной жене Людмиле тоже было не по себе, но она деликатно делал вид, что в хозяйственном аспекте его родственника все нормально. Одна Лиана чувствовала себя прекрасно. Она порхала из кухни к столу, звонко смеялась и жеманно закатывала глаза.

— Вот пирог с клубникой! Клубника из нашего сада. Обалденный вкус! Правда, пирог немного подгорел, — разражалась счастливым смехом Лиана, — но есть можно. Я не уследила, потому что красила глаза.

Она ставила перед гостями нечто напоминающее подметку, и Виктор, кинув взгляд на блюдо, произносил со скептической улыбкой:

— Лучше бы ты не красила глаза...

Гость тут же получал локтем от своей второй половины и добавлял невинно:

— Я хотел сказать, что с ненакрашенными глазами тебе лучше. Но это мое чисто субъективное мнение.

Лиана вприпрыжку уносилась на кухню и возвращалась с залитым кофейником.

— Ой, кофе убежал! — произносила она удивленно и по-детски хлопала ресницами. — Но к нашему счастью убежал не весь.

Лиана церемонно разлила по чашкам кофе и звонко щелкала по поводу этих миленьких чашечек, купленных в Ленинграде. За эти чаепития с подгоревшими пирогами и печеньями Кириллу всегда было стыдно. Виктор это чутко улавливал, но предпочитал отмалчиваться. Хотя однажды, застав брата за мытьем посуды, он произнес с раздражением:

— И на кой черт тебе такая баба? Когда она перестанет порхать и займется хозяйством?

— Она не баба! — нахмурился Кирилл. — Она девушка моей мечты. И я ее люблю.

Виктор вздернул бровь и не нашелся что ответить. Он даже не рассмеялся, и больше эту тему не затрагивал. Тем более что вскоре после этого они с женой уехали в Женеву

работать по контракту, предложив Кириллу перебраться в их квартиру. Но Кириллу уже не нужна была чужая квартира. Он получал свою. Почему-то казалось, что в своей квартире у них с Лианой все пойдет по-другому.

Однако у них не пошло по-другому. Его жена стала еще беспомощнее, чем была. Даже иной раз приходилось встречать ее после работы. Потом это вошло в систему.

Лиана работала во дворце пионеров. Вела кружок юных туристов. Она ходила всего два раза в неделю на три часа, но своей работой доставляла больше хлопот, чем, если бы сидела дома. К полудню «девушку» нужно было отвести на автомобиле во дворец, а к вечеру встретить и аккуратно доставить до дома, поскольку в метро она ездить не могла, а в автобусах ее укачивало. Единственный вид транспорта, который переносила супруга, был автомобиль. «И как она только жила до меня? — удивлялся Кирилл. — А если бы она вышла замуж за пишущего стихи Олега — вечного дворника? На метле бы он что ли ее возил?»

Словом, когда Лиана заявила, что работать больше не намерена, поскольку директор дворца пионеров домогается ее роскошного тела, Кирилл очень обрадовался. Ему меньше забот. А ее зарплата все равно ничего не решала.

Конечно, тогда молодой офицер не мог предположить, что с того дня Лиана вообще больше не будет работать. Честно говоря, это мало волновало Кирилла. Его офицерской зарплаты хватало на двоих. По наивности он еще не знал, что женщина без определенного рода занятий перестают быть женщиной. Она превращается в домашнее животное — требовательное, капризное и привередливое.

Но это понимание пришло через несколько лет. А в те годы он наивно полагал, что когда Лиана родит, то автоматически делается прекрасной матерью и великолепной хозяйкой, потому что почувствует ответственность. При мысли о будущем ребенке у Кирилла перехватывало дыхание. Ведь это счастье, когда в доме дети! Возвращаясь со службы, Кирилл часто ловил себя на том, что с завистью заглядывает в чужие коляски. «Без детей семья неполноценная», — думал он. И страстно хотел, как минимум, двоих: мальчика и девочку.

Когда Лиана забеременела, Кирилл был на седьмом небе. Те четыре месяца с животом, были самыми счастливыми в его жизни. Он боялся дышать на будущую мать своих детей. Каждый день примерный муж приносил домой цветы и

фрукты. Он взял на себя домашнее хозяйство, которое и без того держалось на нем. Однако на пятом месяце из Лианы полилась кровь. «Скорая» прилетела на редкость быстро. Женщину спасли, а плод сохранить не удалось. После операции врач вышел в вестибюль и грустно развел руками:

— Очень сочувствую. Но она больше не сможет забеременеть.

10

Утром Карганова встала с тяжелой головой. Ей приснился престранный сон: будто она воткнула в гнездо наушники и сразу увидела того мужчину из Казанской гостиницы. Причем, увидела ни где-нибудь, а на экране осциллографа, словно в телевизоре. «Вот это номер, — подумала во сне Карганова. — А говорили, что эта фигомания только для наблюдения за напряжением».

Мужчина был средних лет, небольшого роста, с высоким гладким лбом и седеющими волосами. Его брови были хмуро сдвинуты, поэтому Карганова не смогла разглядеть глаза. Зато она зорко усекла черную полосу, вертикально проходящую через тело этого человека. Что означала сия полоса, Карганова не знала. Но догадывалась, что ничего хорошего.

Не успела Галина раскинуть мозгами на предмет черной полосы, как в номере у мужчины раздался звонок. Хозяин нервно поднял трубку, и Карганова на том же экране увидела бабешку, которая доставала своими снами. Это была женщина лет сорока с испуганным лицом и вытаращенными глазами. Через все ее тело, подобно копы, тоже проходила черная полоса. «Вот это да! — удивилась во сне Карганова. — Чего только не бывает на свете?»

— Кирилл! — взвизгнула она. — Меня опять хотят зарезать! Скорее приезжай.

Лицо мужчины недоверчиво скривилось. Тяжело вздохнув, он произнес уставшим голосом:

— Лиана, не выдумывай! Сделаю дела и приеду.

— Ты можешь не застать меня в живых! — всхлипнула женщина.

— Еще раз тебе говорю: не выдумывай!

И вдруг работница МТС вздрогнула. За спиной женщины, подобно тени, возник человек с ножом. Он был в черной маске и черных перчатках. Он был во всем черным. И белы-

ми пятнами в его облике были только белки глаз, сияющие в глазницах маски, да блестящее лезвие ножа. Карганова почему-то подумала, что черный костюм этого человека и черные полосы супружеской пары каким-то образом взаимосвязаны. Но каким, оператарша сообразить не успела.

— Гражданка, оглянитесь! — прокричала Карганова, вне себя от волнения.

И гражданка действительно оглянулась. Несчастная издала пронзительный крик и бросилась к окну. Запрыгнув на подоконник, женщина с ужасом оглянулась на своего преследователя и молча сиганула вниз. Черный человек бесшумно подошел к окну, перегнулся через подоконник и замер. Он не долго смотрел вниз. Темпераментно щелкнув пальцами, он подошел к тумбочке с телефоном и поднял трубку.

— Что случилось, Лиана? — спросил мужчина из трубки.

— Это не Лиана, это Олеся, — произнес черный человек голосом девушки. — По-моему, ничего не случилось, если не считать того, что твою жену попытались зарезать в третий раз. Как ты и хотел.

— Я не хотел! — растерялся мужчина. — Видит Бог, что не хотел...

Черный человек положил трубку на аппарат и оглянулся. В ту же секунду его глаза впились в испуганное лицо Каргановой. Работница быстро отключила осциллограф, но экран не потух. Она выдернула наушники из гнезда, но пытливые глаза из-под маски продолжали прожигать насквозь. Неожиданно черный человек сорвал с себя маску, и операторша похолодела. Это был инженер. Он нахмурил брови и произнес:

— Сколько раз тебе говорить, Карганова, Бог тебя накажет за то, что ты подслушиваешь чужие разговоры.

— Я не специально, Владимир Петрович! Здесь просто ячейка неисправная! — испуганно пролепетала Галина и проснулась.

Женщина долго лежала в постели с закрытыми глазами, не смея пошевелиться. Сон произвел на нее убийственное впечатление. Только истолковала она его по-своему. «Сегодня во что бы-то ни стало нужно подслушать, — подумала она и выскочила из под одеяла. — Сегодня будет развязка».

И интуиция Карганову не подвела. Без пятнадцати десять она присела на скамейку у знакомой ячейки и принялась для конспирации подкручивать отверткой винты.

— Ты чего делаешь? — удивилась напарница.

— Реле регулирую. Тут плохо срабатывает.

— Больше делать нечего? Позвони наладчикам.

Карганова не успела ответить. На родной ячейке защелкали контакты. Галина молниеносно воткнула наушники в гнездо и услышала знакомый голос мужчины:

— Да, я слушаю.

— Здравствуйте! — сказал незнакомый мужской голос. — Кирилл Семенович Углов?

— Он самый.

— С вами говорит начальник отдела вневедомственной охраны майор Шерафутдинов. Сегодня ночью ваша жена в очень тяжелом состоянии доставлена в больницу.

— Что? — воскликнула женщина. — Лиана в больнице? Что с ней?

— У нее сотрясение мозга и, кажется, пара переломов. Но сейчас ее жизни ничто не угрожает. Она только что пришла в себя и дала ваш номер телефона.

— Но что с ней произошло! — воскликнул мужчина.

— Она выпала из окна второго этажа, — ответил Шерафутдинов. — Упала весьма неудачно. Ударилась затылком о кирпичи, которыми огорожена ваша клумба. Поскольку дом находился под охраной, естественно, сработала сигнализация. Выехала оперативная группа и дежурный электромонтер. Они обнаружили вашу жену во дворе дома под окном. Пострадавшая была без сознания. Наряд немедленно вызвал «скорую», которая оперативно доставила ее в больницу. В данный момент у вашего дома выставлена охрана. Вы должны немедленно вернуться в Москву для осмотра. Мы были вынуждены ночью вскрыть ваш дом, чтобы осмотреть.

— И что в доме?

— При осмотре опергруппой не обнаружено никаких следов пребывания в помещении посторонних.

— Боже мой! — простонал мужчина. — Неужели она сама?

— Совершенно верно. Она выпрыгнула сама. Так, во всяком случае, ваша жена сказала врачу. По ее словам, к ней в спальню ворвался вооруженный бандит, и ей ничего не оставалось, как броситься из окна.

— Он ее порезал?

— Не знаю! По моему нет. Это вам нужно уточнить у врача.

— Что она говорила по поводу бандита?

— Этого я тоже не знаю. Бандитом занимается милиция. Наше дело — охранять объекты. Вам нужно срочно прилететь в Москву и посмотреть, все ли у вас в доме на месте.

— Но у меня через полчаса важную переговоры... Хотя какие к черту переговоры. Да-да, я понял. Я немедленно выезжаю в аэропорт...

Карганова слушала, затаив дыхание. Когда в обоих телефонах раздалась короткая гудка, Галина прошептала, вытаращив глаза: «Вот это не фига... Просто мистика какая-то...»

— Что тебе не нравится, Карганова? — услышала Галина за спиной суровый голос инженера.

Работница вздрогнула и обернулась.левой рукой она незаметно выдернула наушники.

— Непорядок, Владимир Петрович! Не срабатывает вот это реле. Уже какой день бьюсь. Весь спирт извела на контакты.

— Почему не вызовешь наладчика? — сдвинул брови инженер, подозрительно косясь на ее руки.

— Я вызывала! — соврала Карганова. — Обещали посмотреть и не посмотрели. Я уже устала их упрашивать.

— Хорошо, я разберусь, — произнес инженер и направился к выходу.

Карганова облегченно вздохнула, но в то же мгновение услышала, как на ячейке снова щелкнуло реле. Подключить наушники при инженере Галина не рискнула. Она деловито подкрутила отверткой какой-то шуруп и вернулась за рабочий стол, где ее напарница, склонившись над журналом, демонстрировала сверхъестественную деловитость.

Инженер не долго разгуливал по цеху. Он взглянул на приборы, отметил что-то в своем блокноте и вышел вон. Напарница тут же уткнулась лбом в журнал и захрапела. Карганова, схватив наушники, рванула на свою исходную позицию. Она воткнула штекер в гнездо и страдальчески застонала, потому что самое интересное прослушала. Разговор уже подходил к концу.

— У меня всегда за нее тревога, — жаловался мужчина плаксивым голосом. — Это какое-то наказание.

— Понимаю, — отвечала девушка из Женева. — За близкого человека всегда чувствуешь тревогу...

— Да ничего ты не понимаешь! Это совсем другое. Это словно отбываешь какую-то повинность. Впрочем, не об этом сейчас речь. Мне надо лететь в Москву. Извини, что я снова со своими проблемами. Звони мне на мобильный. Це-

лую!

**Дежурному ГУВД лейтенанту Семенову
от старшего группы № 1
патрульно-постовой службы
прапорщика Кондратьева**

Рапорт

Мы прибыли на место сработки объекта в 03.15 — через двадцать минут после вашего сообщения. В доме № 38 свет не горел. Калитка была открытой. Мы решили разбудить хозяев. Посигналили из машины, но это не возымело эффекта. Тогда мы через палисадник прошли к дому и позвонили. Никто не ответил. В это время наряд производил осмотр вокруг дома.

Внезапно ребята увидели, что окно на втором этаже открыто настежь. Тут же в клумбе под окном (в пяти метрах от входной двери) мы обнаружили хозяйку дома. Она была голой и без сознания. Ее затылок был разбит. Лицо и некоторые части тела были в крови. Мы перенесли ее в машину и вызвали «скорую», а сами продолжили осмотр двора и сада. Когда подъехал электромонтер, мы разбудили двух соседей из прилегающих домов и взломали замок дома, поскольку было подозрение, что женщина не сама выпала из окна. По этому поводу она не могла дать никаких показаний, поскольку оставалась находиться без сознания.

Мы произвели внутренний осмотр дома и не обнаружили ничего подозрительного. Электромонтер подтвердил наше предположение, что сигнализация сработала от открывшегося на втором этаже окна.

Вскоре после составления протокола подъехала «скорая» и оказала женщине первую помощь, которая так и не пришла в себя. Мы выставили охрану и выехали на маршрут в 04.05. Протокол осмотра прилагаю к рапорту.

07. 08. 2001

Он сидел у постели Лианы, и внутри все стонало от жалости. Она была бледна и отрешена от всего земного. Даже на

приход мужа женщина не повернула головы. Впрочем, повернуть голову было не так просто. Пострадавшую с ног до головы обмотали бинтами.

Кирилл осторожно взял ее руку, но она ее выдернула.

— Ты чего? — удивился он.

— Предатель, — всхлипнула Лиана.

Мужчина закусил губу. Это было истинной правдой, хотя он еще ее не предал. Кирилл снова взял ее руку и поднес к губам.

— Прости. Я не знал, что так получится. Мне нужно было делать дела.

— Ты отключил все телефоны, — прошептала она.

— Неправда! — возразил Кирилл. — Не отключал я телефоны. Просто меня целый день не было в гостинице. А на мобильном сел аккумулятор.

Ложь удалась. Лиана перестала вырывать руку. Она судорожно глотнула воздух и жалобно простонала:

— Но ты меня вчера даже не дослушал.

— Прости. Вчера мне было дико некогда. Клянусь, что такого больше не повторится.

Мужчина клялся искренне. В ту минуту он и сам верил, что никогда не сможет совершить подлость по отношению к ней. Лиана, наконец, соизволила перевести свои влажные глаза на мужа.

— Правда? — пискнула она по-детски.

— Когда я врал! — стукнул себя в грудь мужчина. — Расскажи, что произошло!

Ее глаза наполнились ужасом.

— Мне снова перерезали горло в ванной. Мне каждую ночь режут горло. Я устала. Я больше не могу видеть кровь. Ты же знаешь, как я боюсь крови.

— Да-да, я все знаю! Успокойся! Тебе снова приснился этот сон...

— Это не сон! — прошептала Лиана. — Это чистая правда. Черный человек в маске преследует меня каждую ночь. Я не знаю, что ему от меня надо?

Лиана громко разрыдалась, и Кириллу пришлось преложить много усилий и такта, чтобы успокоить больную. Он погладил ее по щекам и поцеловал в лоб. После того, как она успокоилась, Кирилл спросил как можно мягче:

— Зачем ты выпрыгнула из окна спальни?

— А что мне оставалось делать? — судорожно вздохнула Лиана. — Он за мной гнался от самой ванной.

— Но как ты оказалась в ванной?

— Не знаю! С того дня, как ты уехал, я каждую ночь просыпаюсь в ванной с перерезанным горлом. И все вокруг в крови.

— Но когда просыпаешься утром, все нормально?

Лиана с укором взглянула мужу в глаза и произнесла.

— Утром нормально. Но до утра еще нужно дожить. Когда-нибудь я не доживу.

В это время в палату вошла медсестра. Она наклонилась к посетителю и вежливо прошептала:

— Извините. Пришли из милиции. С вами хотят поговорить.

Кирилл с готовностью поднялся и отправился за медсестрой.

— Ты куда? — встревожилась больная.

— Я сейчас приду.

Молодой прапорщик патрульно-постовой службы, прежде чем начать разговор с мужем пострадавшей, долго с тревогой вглядывался в собеседника. Наконец произнес:

— Сегодня ночью мы были вынуждены взломать двери вашего дома, чтобы произвести внутренний осмотр. Разумеется, мы это сделали по всей форме, с понятиями. Сейчас у вашего дома выставлена охрана. Так что можете не беспокоиться!

— Я не беспокоюсь. Вы все сделали правильно. Претензий к милиции не имею.

Глаза прапорщика радостно блеснули.

— У вас в доме хранились деньги? — спросил он деловито.

— Деньги? — удивился Кирилл. — Причем здесь деньги? Неужели вы думаете, что несчастье с моей женой случилось из-за денег? Я вообще не имею привычку хранить деньги дома. Я храню их в банке. Хотя в доме имелась небольшая сумма. Кажется, около пятисот долларов.

— В секретере на втором этаже? — спросил прапорщик.

— Совершенно верно, — подозрительно сощурился Кирилл. — Надеюсь, деньги на месте?

— Деньги на месте. Не волнуйтесь. Что еще ценного было в доме: бриллианты, золотые украшения, кинокамера, радиоаппаратура?

— Бриллиантов и драгоценностей у нас нет. Из золота только два обручальных кольца и три перстня. Кинокамера у нас довольно дешевая. Вряд ли на нее позарится уважаю-

ший себя вор. Аппаратура тоже старенькая. Вот ноутбук прихватить могли. Он дорогой. Еще несколько шуб у жены могли прихватить. Особенно соболью шубу.

— При осмотре мы видели соболью шубу в кладовке, — произнес милиционер. — Кинокамеру тоже видели на тумбочке в гостиной. Насчет ноутбука не помню. Словом, вы должны сами все посмотреть. Особенно обратить внимание на имеющиеся в доме ценности.

Кирилл недоуменно пожал плечами.

— Да нет у нас никаких ценностей. Я, конечно, посмотрю. Может, действительно что-то пропало. Но это вряд ли. Я вообще сомневаюсь, что в доме был вор.

— Мы тоже думаем, что не вор. Во всяком случае, никаких признаков того, что в ваших вещах рылись, мы не обнаружили.

— А что, были следы постороннего человека? — настояжился Кирилл.

— Это могут сказать только криминалисты, — уклончиво ответил милиционер. — Если вы напишете заявление с требованием расследовать этот инцидент, то эксперты произведут более тщательный осмотр в вашем доме.

— Более тщательный? Зачем? — удивился Кирилл. — Вы же осмотрели дом. На первом этаже у меня решетки. На втором этаже сигнализация. Вы проверили окна второго этажа?

— Выборочно, — ответил милиционер.

— Тогда почему вы считаете, что в моем доме вообще кто-то был?

— Со слов вашей жены, — поднял брови прапорщик.

Кирилл горько усмехнулся.

— Она вам говорила, что за ней гнался черный человек с ножом? Гнался от самой ванной? Послушайте, чтобы открыть четыре шпингалета на окне в спальне, моей жене нужно минимум десять минут. Если за ней действительно гнались с ножом от ванной, от которой ходу двадцать секунд шагом, то ее бы давно зарезали.

— Вы хотите сказать, что это ей приснилось? — спросил прапорщик.

— Естественно! Черный человек расчленяет ее каждую ночь. Понимаете? Глюки у нее. У ее матери было то же самое. Но если бы только глюки, боюсь, что она еще и лунатик, — тяжело вздохнул Кирилл. — Я уже ничему не удивляюсь. Это их родовое. Их род проклят. Понимаете? Хотя я не верю

ни в какие проклятия.

12

Ульяна тоже не верила ни в какие проклятия. Отчужденность родителя она почти не переживала, полагая, что скоро с ним это пройдет. Она любила отца, и знала, что отец тоже безумно любит дочь. Однако он не явился даже на свадьбу. Не явилась на свадьбу и матушка, вероятно, по настоянию отца. Не поздравили молодых и ее двое старших братьев.

Вскоре молодая чета Дементьевых переехала в другой поселок. Жизнь с Григорием действительно была не мед. Он предпочитал с утра до вечера раздувать меха на своей потасканной гармошке, нежели заниматься хозяйством. Поэтому вся работа по хозяйству легло на плечи Ульяны.

Тем не менее, нельзя было сказать, что дочь богатого казака была несчастлива со своим непутевым мужем. Бедность не удручало казачку. Ее волновало другое, что у них с Гришкой не было детей. Разумеется, свою бездетность Ульяна ни в ком случае не соотносила с проклятием родителя. Кажется, проклятие не собиралось касаться ее детей и внуков по той причине, что детей с внуками у нее не намечалось. После пяти лет супружества, Ульяна уже не надеялась родить ребенка.

Но проклятие казака, как будто в насмешку над ним, сказалось на его сыновьях. В 1914 году призвали на войну его старшего сына, и через полгода он погиб от немецкой пули. Не успели Корягины оправиться от горя, как через три месяца зарубили и второго брата Ульяны. Зарубили по-глупому, на пьяной гулянке, его же друзья-товарищи.

Матушка не выдержала потери обоих сыновей и слегла. От старшего брата осталась вдова и пятилетний мальчишка. Младший брат еще не успел обзавестись семьей, поэтому по нему плакала только мать. Что касается отца, то казакам плакать не полагается. Но судьба, видимо, на всю катушку решила потешиться над тем, кто высокомерно проклинал своих потомков. После смерти матери, которая так и не оправилась от удара, слег и сам Тимофей Корягин.

Несмотря на болезнь, он не забыл о своем проклятии и, когда к нему явилась Ульяна, грубо выгнал ее из дома. Ухаживать за больным стала сноха. Отец недолго прожил после смерти жены. В сентябре 1917 года он постыдно скончался в

постели, а не на поле брани с шашкой в руках. Вот так провидение обошлось с упрямым казаком. Проклял род Дементьевых, а в результате проклятие пало на его собственный род. Впрочем, это было не совсем так. Из рода Корягиных остался пятилетний внук, сын старшего брата. Но он был настолько прозрачным и болезненным, что все казачки при виде него сокрушенно качали головами.

— Этот тоже долго не протянет, — вздыхали они.

Но горе горем, а после богатого есаула осталось полмиллиона золотом. Пока Ульяна предавалась семейному горю, Гришка, закинув гармонь, рыскал по Екатериновке в поисках завещания. Если б его не оказалось, то наследство бы перешло к родной дочери. Но завещание, к сожалению, было. И хранилось у нотариуса в Никольск-Уссурийске.

Когда красный от волнения казак ввалился в нотариальную контору этого городишки и взглянул на прыщавое лицо нотариуса, то понял, что шансов завладеть золотыми монетами тестя у него практически нет. Нотариус ехидным голосом зачитал последнюю волю покойного. В документе гласило, что все состояние, каким владел есаул Тимофей Корягин, завещается его внуку Федору.

— Да ну? Врешь! — почесал затылок Гришка. — Неужто ни копейки не завещано родной дочери?

— Ни копейки!

Казак покачал головой и опустился на табурет.

— Где справедливость? — пробормотал он расстроено. — Ну, какой из Федьки наследник. Это куренок, а не пацан. Христом-Богом клянусь, что не нынче-завтра он помрет.

— Ежели помрет, то наследство перейдет его матери.

— А ежели мать помрет?

— То тогда ближайшим родственникам.

— Это другое дело! — ожил Гришка. — Должна же быть справедливость. А то, что же получается, внуку со снохой все, а родной дочери дырку от бублика.

— Наследство перейдет ближайшим родственникам матери наследника, — пояснил нотариус. — Братьям, сестрам. И еще ее второму мужу.

— Тыфу ты, пес шелудивый! — зло сплюнул казак. — У нее родни — за ночь не порубаешь. Что же мне делать?

— Отправляться служить! — зловердно произнес нотариус.

— Служить, служить, всегда служить. Эх! — рассек воздух Гришка. — А что я со службы имею? Только мозоли на зад-

нице! Вот ежели бы мне полмиллиона. — Казак поднял глаза на конторскую крысу. — Говорят, у моего тестя лежит в банке полмиллиона.

— Пятьсот восемьдесят пять тысяч рублей, — сухо уточнил нотариус.

— Мать четная! Больше, чем полмиллиона! — всплеснул руками казак и уткнулся мордой в собственную шапку.

В таком оцепенении он пробыл несколько минут, после чего поднял голову и взглянул нотариусу в глаза:

— Послушай, братец! Давай так, — Григорий трусливо оглянулся на дверь и снизил голос до шепота, — тебе восемьдесят пять тысяч, а мне полмиллиона. Только ты это того, завещание отдай мне. Как будто его никогда и не было.

— Никак-с нельзя, — развел руками нотариус. — Незаконно.

— Да по всем законам наследница есаула (чтобы ему пусто было на том свете!) его родная дочь Ульяна. Это тебе любой в Екатериновке скажет.

— Нет-с! На что вы меня толкаете?

Никакие уговоры и золотые горы в тот день не смогли убедить нотариуса переступить закон. Гришка вернулся в поселок полный злобы к пятилетнему Федьке и его матери. Он не сказал им, что они теперь наследники громадного состояния. Ульяна, узнав о последней воле отца, серьезно призадумалась.

— Никому ни слова, — произнесла она после часового молчания. — А то позора не оберешься...

Гришка на ее слова только сплюнул. Баба она и есть баба! Думал, что-нибудь путевое присоветует, а она — «позору не оберешься». Да плевал он на ее позор с китайской колокольни. Тут полмиллиона с лишним из зубов вырвали.

Однако Деменьевы недолго пребывали в печали. Месяц спустя нотариус сам прикатил в Екатериновку и неожиданно явился к Гришке. Хозяин как раз сидел на завалинке, посадывал самосад, и уныло перебирал клавиши на своей потрепанной гармошке. При виде гостя казак так удивился, что не заметил, как на льняные портки упала дымящаяся сигарка. Нотариус был сильно озабочен. Прежде чем начать разговор он трижды огляделся по сторонам.

— Кто знает о том, что покойный завещал наследство вашему племяннику? — спросил он, втянув голову в плечи.

— Баба моя знает, — удивленно ответил Григорий.

— Надеюсь, она никому не разболтала?

— Да уж не из болтливых. А в чем дело?

Нотариус приблизился к Григорию и, прежде чем наклониться к уху, еще раз подозрительно огляделся по сторонам.

— Пожалуй, я решил согласиться на ваше предложение. Я отдам вам завещание, а вы мне сто двадцать тысяч. Как условились.

— Почему сто двадцать, когда восемьдесят пять? — сдвинул брови Григорий.

— Потому что вашей супруги нужно в короткий срок вступить в наследство. А это без взятки решительно невозможно-с.

До Гришки, наконец, дошел смысл того, что предлагала эта бумажная крыса. Он выронил гармошку и схватил нотариуса за плечи.

— Но это же незаконно! Вы сами говорили.

Нотариус брезгливо высвободился из объятий казака и с тяжелым вздохом произнес:

— Про закон забудьте-с. В Питере революция. Там национализировали все банки. Скоро начнется и здесь. Ваша супруга должна завтра же снять со счета Тимофея Корягина всю сумму. Нам надо поспешить, иначе мы можем не успеть. Вот так-с...

13

Не успел Кирилл выйти из больницы, как чувство жалости к Лиане мгновенно улетучилось. Странное дело, когда он на расстоянии, то снова начинает мыслить трезво. А когда рядом с ней, то словно проваливается в бездну, где, кроме Лианы, больше никого не существует. Однако чем дальше удалялся Кирилл от больницы, тем быстрее развеивалась жалость к Лиане. Когда он, наконец, сможет жить спокойно, без вечной тревоги за жену?

Внезапно Кирилла охватила досада: опять из-за нее сорвались переговоры. Если бы в первый раз! Это уже стало системой. Ведь если Кирилл не добился ничего в жизни, то исключительно по ее милости. Разве у него было время на карьеру, когда все до последней крупички утекало на ее капризы.

Мужчина остановился посреди улицы и закурил. А ведь точно: была бы у него другая женщина, скажем, та же Олеся, он бы далеко пошел...

При мысли об Олесе у мужчины потемнело в глазах и сильно зашумело в голове. Как избавиться от жены, чтобы воссоединиться с любимой женщиной? Ведь Лиана не может одна. Она беспомощна как избалованная кошка, никогда не выходящая улицу, и для которой улица смертельна. Сердце снова провалилось в пустоту, и Кирилл застонал от бессилия.

— Мужчина, вам плохо? — спросила какая-то женщина.

— Нет. Мне очень хорошо, — съязвил Кирилл и побрел дальше.

«Очень хорошо, — добавил он про себя. — Так хорошо, что хочется удавиться. А почему, собственно, он должен давиться? Не проще ли удавить ее?»

Мужчина усмехнулся и швырнул окурок мимо урны. Но почему сразу удавить? Пусть катится на все четыре стороны. Точнее, он сам уйдет. А ей оставит дом. Хотя нет. Дома, можно сказать, уже нет. Теоретически они бомжи. Тем лучше для них обоих.

Кирилл подошел к дому и толкнул калитку. Сразу бросилась в глаза затоптанная дорожка и сломанные цветы. «Менты повеселились от души», — усмехнулся Кирилл и приблизился к клумбе. Цветы были измяты, на кирпичках запекшиеся пятна крови. Когда Кирилл представил Лиану в клумбе, голой, беспомощный и без сознания, на душе заскребли кошки. Но чувство стыда не долго гноило утомленную душу.

Мужчина сильно потрянул головой, чтобы выкинуть из башки эту неприятную и теперь уже бессмысленную картину и поднялся на крыльцо. Замок был выломан довольно грубо, дверь приоткрыта. В гостиной перед телевизором сидел милиционер. При виде хозяина он поднялся с кресла и поднес руку к козырьку. Полы в доме тоже были затоптаны, но никакого ожидаемого бардака Кирилл не обнаружил. Хозяин обошел дом. Все вещи были на своих местах. Собственно, красть у него нечего, кроме ноутбука, да собольей шубы жены. Но и то, и другое было на месте.

— Вы все внимательно осмотрели? — спросил милиционер.

— Да, все нормально. Можете идти, — махнул рукой Кирилл.

Милиционер тут же направился к выходу, предупредив, что, возможно, еще явится прапорщик для составления протокола.

Кирилл кивнул и устало погрузился в кресло, на котором только что сидел охранник. Немного поразмыслив, он поднял телефонную трубку, набрал нужный номер в Казани, но, услышав сигнал, торопливо водворил ее на место. Договариваться о третьей встрече было в высшей степени анекдотично, тем более что неизвестно, какие фортели еще выкинет жена? И так всегда. С тех пор, как он уволился из вооруженных сил, его жизнь пошла наперекосяк. А почему уволился? Опять-таки из-за нее. Это какое-то проклятье!

Мужчина придвинулся поближе к камину и устало закрыл глаза. «Все очень плохо», — подумал он и потянулся к сигаретам.

Плохо не потому, что все в жизни беспросветно (просвет как раз намечался), а потому, что из-за Лианы он не мог распланировать свое время даже на ближайший день. Еще десять минут назад, глядя на клумбу, сердце Кирилла сжималось от жалости, а сейчас он так ненавидел жену, что едва не скрежетал зубами. А ведь когда-то любил. И был счастлив.

Первые семь лет Кирилл действительно был счастлив. Ее безрукость и неприспособленность к жизни не особенно удручали молодого офицера. Забот, конечно, было много, но все компенсировала постель. Молодая чета даже не очень тяжело пережила выкидыш, поскольку знакомая знахарка, вопреки уверению хирурга, заявила, что дети у них будут. По ее разумению, Лиану следовало всего лишь немного подлечить. Однако на это «немного» ушло более шести лет и, кроме того, — громадная сумма денег. Лиану поили травами, читали над ней молитвы, возили в святые места — и все бесполезно. Лечение требовало все больших и больших затрат. Это как в болоте, чем энергичней бултыхаешься, тем глубже засасывает. На восьмом году семейной жизни им обоим стало понятно, что детей у них не будет.

Изменилось ли его отношение к Лиане? Пожалуй, что да! В тот же день Кирилл почувствовал затылком, что она ему в тягость. Бесплодные женщины наводит такую же тоску, как бумажные цветы на могилах. Но это не значит, что Кирилл сразу разлюбил жену. Вовсе нет. Наоборот: тревога за нее усилилась, а вот нежность пропала. Хотя внешне Кирилл старался ничем не показывать свое охлаждение. Разумеется, никаких крамольных мыслей по поводу развода у него по-прежнему не было. Он решил просто смириться с судьбой.

Вот тогда-то и появилась возможность уйти из армии. Это

произошло само собой. Сначала заговорили о сокращении в вооруженных силах, затем стали предлагать увольняться в запас добровольно. Кирилл с радостью уволился. Этому немало способствовал уехавший в Женеву брат. То, что он писал о жизни за рубежом, походило на сказку. У них в Женеве двухэтажный дом с мансардной, бассейном и сауной, две машины, яхта. Вечерами они сидят у камина, жарят на вертеле сосиски и пьют красное французское вино. А за порядком в доме следит служанка.

«Служанка? Кто бы мог подумать? — удивлялся Кирилл. — Вот буржуи. А в детстве не проявлялось».

Наличие служанки больше всего поразила воображение бедного лейтенанта. Неужели брат себе может позволить служанку? Для Кирилла этот вопрос был самым, что ни на есть, насущным. К этому времени он уже понял, что Лиана никогда не станет хозяйкой, а значит, в доме всегда будет бардак. Служанка бы сняла это проблему, но где это видано, чтобы простой советский лейтенант мог позволить себе служанку?

Брат писал: «Тут идут разговоры, что в России скоро начнут делить народную собственность. Смотри, не проморгай свою долю. Хотя, конечно, проморгаешь...»

— А это мы еще посмотрим! — радостно воскликнул Кирилл. — А нас в роду, кажется, не было растяп. Спасибо, что осведомил!

Буквально на следующей день молодой офицер написал рапорт об увольнении и сразу же кинулся в буйный водоворот коммерческой жизни. Он почему-то был уверен, что на вольных хлебах разбогатеет мгновенно, как разбогатели его знакомые, едва открыли производственные кооперативы.

— Какой же я идиот, — прошептал Кирилл, швырнув окурок в камин. — Разве можно разбогатеть с этой пришибленной?

14

В тот день, когда был подан рапорт об увольнении из армии, Кирилл вернулся домой в необычайном воодушевлении. Начиналась совсем иная жизнь, вольная, гражданская, свободная — без уставов, маршей и гаупвахт. Уволенный ни капли не сомневался, что с этого дня его убогая жизнь на одну зарплату закончилась раз и навсегда. Теперь он разбо-

гатеет быстро и без проблем.

Первым, чем занялся отставной лейтенант по совету знакомых кооператоров, шитьем пуховых курток, в которых тогда был страшный дефицит. Кирилл занял под большие проценты деньги, купил несколько килограмм гачьего пуха, рулон плащевой ткани, кнопки, молнии и нанял работниц швейной фабрики для работы на дому. В это же самое время он взял и работницу по дому, будучи уверенным, что дела у него пойдут блестяще. Была и другая причина, по которой Кирилл обзавелся домработницей. Он почему-то думал, что жена окажет активную помощь в осуществлении его коммерческого проекта. Поначалу Кирилл вообще не планировал нанимать мотористок с швейной фабрики, наивно полагая что с шитьем они справятся сами. Однако Лиана категорически отказалась садиться за швейную машинку.

— Я не хочу портить глаза! — ответила она высокомерно.
— И запомни раз и навсегда: я тебе не швея.

Ответ несколько обескуражил молодого кооператора, но не выбил из колеи. Несмотря на то, то пуховики шились на стороне, служанка в доме закрепилась. Впервые за семь лет семейной жизни Кирилл узнал, что такое чистота в доме. Что касается бешеной прибыли от задуманного предприятия, то в ней Кирилл не сомневался. Себестоимость первого десятка пуховиков получилась весьма внушительной — почти триста рублей. За такую цену продавали свои доморощенные куртки знакомые кооператоры. Однако качество их изделий было намного хуже, чем у Кирилла. И плащевка была более дешевой. И пух гусиный, а не гачий. И кнопки кооперативные, а не фирменные. Новоиспеченный бизнесмен был уверен, что его пуховики разлетятся на «ура» по тысячу рублей за штуку. Вот здесь Лиана снова проявила характер. Она категорически отказалась ехать с мужем на рынок.

— Я не торгашка, — презрительно произнесла она сквозь зубы.

— А я кто, торгаш что ли? — возмутился Кирилл.

Однако делать было нечего. Кирилл выехал на рынок со своей продукцией, проторчал целый день на морозе, и не продал ни одной куртки. К его пуховикам подходили, с любопытством щупали рукава, распахивали полы, даже мерили, но когда узнавали цену, в замешательстве убегали прочь. Не продал он ни единого пуховика и на следующий день, и на третий, а на четвертый пришлось пять штук сдать в комиссионный магазин по пятьсот рублей. Больше не взяли.

Через месяц Кирилл понял, что предприятие провалилось. Он продал свои пуховики знакомому кооператору по двести рублей за штуку и испытал большое облегчение. Словом, затея не удалась. Он сработал себе в минус, да еще нахватал долгов. Пришлось перезанимать, чтобы расплатиться с кредиторами.

Следующее предприятие, на котором со свистом пролетел Кирилл, — это перепродажа сахара. Казалось, чего проще купить вагон сахара на складе в Москве по одной цене, а продать его на какой-нибудь Астраханский склад по другой. И в продавцах и в покупателях недостатка не было. Вся проблема была в деньгах. Такую сумму невозможно было выпросить даже под немыслимые проценты. Пришлось взять в долю богатого знакомого. Однако после того как сделка осуществилась, зажавшийся знакомый не поделился с автором идеи ни рублем.

— Почему я должен с тобой делиться? Я на свои деньги купил сахар, и сам же его продал. Причем здесь ты? — развел руками компаньон.

— Но ведь я нашел покупателя! — возмутился Кирилл.

— Покупателей пруд пруди. Главное, иметь деньги.

Это было настолько обидно, что Кирилл кинулся на него с кулаками. Однако и здесь потерпел неудачу. Охрана с резиновыми дубинками сделала из военного отбивную и выбросила на улицу. Кирилл поковылял домой, согласившись с тем, что главное в коммерции — наличие денег. Остальное приложится. «Нужно было вывернуться наизнанку, продать квартиру, машину, мебель, но самому осуществить сделку», — пришла запоздавшая мысль.

Кирилл поклялся, что если в следующий раз подвернется нечто подобное, то он уже так по-детски не лопухнется. Но, видимо, аналогичные удачи выпадают единственный раз в жизни. Бедняга полгода сидел на телефоне в надежде совершить невероятную сделку. Ведь стоит только раз удачно «крутануться», и ты миллионер. Его знакомые сплошь и рядом богатели от какой-нибудь единственной, но очень крупной перекупки, а Кириллу все не везло. За эти полгода он влез в немыслимые долги. Жить было не на что, а тут еще требовалось платить домработнице. Когда Кирилл пытался ее рассчитать, то наткнулся на жесткое сопротивление Лианы. Оказывается, она уже не мыслила дальнейшую жизнь без прислуги. Пришлось, скрипя зубами, оставить ее в доме, хотя денег не хватало даже на хлеб, не то, что на служанку.

Но была надежда «крутануться». Одна удачная сделка, и он на коне!

Вспоминая свои метания, Кирилл сейчас, конечно, понимал, почему у него в то время не ладилось в бизнесе. Не потому что он такой невезучий, ленивый или тупой, а потому что никогда не дорабатывал до конца. Все, кто бок о бок трудились с ним в брокерской фирме, сидели на телефоне день и ночь. Кирилл же только до пяти, потому что ровно в шесть он кровь из носу должен быть дома, чтобы лишний раз не нервировать жену. Но и во время работы Лиана по сто раз на дню звонила по каким-нибудь пустякам, отвлекая на себя все внимание. Из-за этого Кирилл никак не мог сосредоточиться по настоящему. В то время жена посещала бассейн, массажный и косметический кабинеты и еще ходила на какие-то курсы. Ее совсем не волновало, что они более полугодом живут в долг. Дела мужа ей всегда были до фени. Лиане хотелось красивой жизни и не хотелось знать, как эта красивая жизнь достается?

— Сука! – гневно сплюнул в камин мужчина. — Все из-за тебя, твари...

В те годы бедолаге несколько раз на дню приходилось срываться из офиса, чтобы свозить Лиану по ее делам. «Да она просто не давала работать!» — удивлялся мужчина. Но почему прозрение пришло только сейчас? Когда она рядом, Кирилл словно в тумане: перестает ясно мыслить и живет только ее проблемами. Он — ее пожизненная нянька. Но с какой стати?

Из брокерской фирмы пришлось уйти. Точнее, попросили уйти. Что делать? Кирилл начал возить мыло в Волгоград. С большими оптовыми поставками не получалось, а мелкооптовые сделки, таскаемые на горбу, более-менее удавались. За три месяца «челночества» удалось с грехом пополам вылезти из долгов. Но только вылезти, не более того. На четвертом месяце с Лианой произошел первый нервный срыв. И как раз в тот момент, когда он на всю наличку закупил товар и купил билет СВ до Волгограда.

— Или ты перестанешь меня оставлять одну, или ты меня больше не увидишь, — заявила она.

Словом, этот вид бизнеса (хоть и не очень доходный, но более-менее стабильный) пришлось оставить из-за жены. А товар пропал. И пропали деньги. Однако сразу после этого Кирилл занялся мебелью. Вот тут впервые в жизни ему стала фартиль. Он поставлял мебель клиентам прямо с ме-

бельной фабрики, и конкурентов на тот момент у него не было. За те полгода, которые Кирилл занимался шкафами и кухонными гарнитурами, он не только расплатился с долгами, но и сколотил небольшой капиталец. «Ну, кажется, я нашел свою нишу в бизнесе», — с облегчением вздохнул коммерсант и все не верил своему счастью, и ждал новых сюрпризов от жены. Но Лиана, казалось, исчерпала все свои сюрпризы. Однако рано радовался Кирилл...

15

Бедна снова явилась неожиданно. На этот раз она изошла не от жены, а от тещи. С Лианой Кирилл немного приспособился. Он перестал давать свои рабочие телефоны и начал оставлять ей деньги на такси, чтобы она не дергала во время работы. Оставлял, конечно, не ей, а домохозяйке. Клавдия Петровна, шестидесятилетняя женщина с добрыми глазами и терпеливым характером, была на редкость толковой. В последствии Кирилл неоднократно радовался, что не уволил ее в трудные для семьи дни. Ей-то он и доверял деньги на продукты и на поездки Лианы в бассейн и разного рода салоны.

— Она как дитя, — соглашалась Клавдия Петровна, пряча деньги под фартук.

— Хуже! — со вздохом соглашался Кирилл, отправляясь на работу. — Детям можно хотя бы что-то втолковать, а ей — бесполезно.

И вот однажды, как всегда в самый ответственный момент (менеджер вел переговоры по оптовым поставкам детских стенок) раздался телефонный звонок. Если бы Кирилл не снял трубку, сделка состоялась. И тогда бы он взлетел совсем на иную ступень в своем мебельном бизнесе. В последствии он неоднократно проклинал себя за то, что дернулся от звонка и инстинктивно схватил трубку.

— Я слушаю, — произнес он деловито, не сводя цепких глаз с клиента.

— Кирилл! — истерично воскликнула Лиана. — Срочно приезжай! С мамой плохо.

— Что с ней?

— Умирает!

Что оставалось делать бедному посреднику? Перенести переговоры на завтра и пулей рвануть на квартиру к теще.

Кирилл застал ее живой и невредимой. Во всяком случае, не в постели с мутным взглядом. Она всего лишь заговаривалась и временами сильно напрягала лоб, словно старалась что-то вспомнить. Ее движения были замедленными и плавными, глаза неподвижными, а умирать — она не умирала.

Нина Григорьевна держала в руках солдатский ремень, который пыталась вырвать Лиана, но мать не давала.

— Мама, ну что с тобой? Успокойся! Все будет хорошо. Отдай ремень! Зачем ты полезла в сундук? — Лиана обернулась на влетевшего в квартиру мужа и плаксиво пожаловалась: — Как видит этот ремень, так с ней истерика. И почему я его не выкинула?

Нина Григорьевна подняла неподвижные глаза на зятя и с укором произнесла.

— А ведь ты, Степа, сам расстегнул ремень. И как ты умудрился? Ведь в твоих руках было два чемодана?

Кирилл вытаращил глаза, а Лиана принялась отчаянно трясти родительницу:

— Мама, это же Кирилл, мой муж! Неужели ты не видишь? У тебя началось как с дедом...

Вот тут впервые Кирилл и узнал, что их дед скончался в сумасшедшем доме.

Нина Григорьевна вскоре пришла в себя, признала Кирилла и попросила прощения за то, что спутала его с ефрейтором Каргановым.

— Каким ефрейтором? — удивился Кирилл.

— Ты разве не видишь, что мама бредит? — шепнула в ухо Лиана. — Отстань от нее.

Однако бедная женщина не бредила. Степан Карганов действительно существовал, и не просто существовал, а в данную минуту отдавал Богу душу в госпитале ветеранов Отечественной войны. Над ним плакала жена, две дочери и глотал слезы сорокалетний сын. Но взгляд умирающего был обращен к самой младшей, к самой любимой дочери Гале. Последние слова были адресованы ей. И они были весьма странными:

— Тебе, Галенька, предстоит расплатиться за нее. Я очень плохо поступил с ней. Господь это так не оставит. Прости!

Никто его слов не понял, кроме Галины. А она сразу догадалась, что отец имел в виду ту самую красавицу из Сургута. Ведь она однажды подслушала пьяный разговор папашки с его другом дядей Ваней, когда они выпивали на кухне.

— Знаешь, Ваньк, — полушепотом произнес отец. — Красивей, чем она, я больше и не встречал. Сейчас бы плюнуть на все и поехать к ней. Так ведь не простит...

— А чего же ты драпанул от нее? — пьяно ухмыльнулся дядя Ваня.

— А напугался. Она вроде как бы и не баба вовсе, а чистая балерина. Ну, как с такой жить?

— А балерина что же, по-твоему, не баба?

— Балерина — это балерина, а баба — это баба. Но моя была почище чем балерина. Чистая бабочка. Только крыльев не хватало.

— И ты такую обидел? — покачал головой собутыльник.
— Жук ты, Карганых! Вот ты кто...

Но, разумеется, ничего подобного Кирилл и близко не подзревал. Конечно, он поинтересовался у жены, кто такой ефрейтор Карганов. Уж не ее ли отец?

— Нет! — гордо ответила Лиана. — Мой отец был полковником милиции, начальником Уголовного розыска. Он погиб при исполнении служебного долга...

Хотя, честно сказать, в тот день прославленный родитель жены не особенно занимал Кирилла. Он думал об отложенных переговорах с козырным клиентом, предчувствуя, что сделка не состоится. И предчувствия его не обманули.

Сделка действительно не состоялась, поскольку клиент на следующий день самостоятельно вышел на дирекцию фабрики и купил такую крупную партию, на которой посредники в минуту становятся миллионерами. Более того, так получилось, что именно тот клиент и положил основу к концу деятельности Кирилла на фабрике. Сразу после заключения сделки внештатного менеджера вызвал директор и с укором высказал, что он накручивает слишком большие проценты.

— Из-за этого наша продукция месяцами лежит на складе. Нам этого не надо. Запрещаю вам накидывать больше пяти процентов от стоимости...

Дальнейшая работа за такие проценты была лишена смысла. Кирилл принялся панически искать другой вид бизнеса, а в это время теще становилось все хуже и хуже. Ее болезнь прогрессировала не по дням, а по часам. Приходилось разоряться на частных врачей и на дорогостоящие лекарства. О том, чтобы работать полный рабочий день, не могло быть и речи. Нужно было целыми днями возить Нину Григорьевну по всяким медицинским учреждениям. Наконец, когда помешательство сделалось явным, тещу определили в

психдиспансер. Лиана два месяца лила слезы, и Кириллу ничего не оставалось, как сидеть рядом с ней и с сочувствующим видом подавать платки.

— Ничего, вылечат. А как выпишут, возьмем к себе.

— Нужно было сразу брать к себе, — хныкала Лиана. — Теперь уже поздно. Деда так и не вылечили.

«Никак, у них это родовое», — с беспокойством подумал Кирилл и осторожно поинтересовался:

— У деда тоже началось ни с того, ни с сего?

— С чего ты взял, что у мамы ни с того, ни с сего? — истерично вскрикнула Лиана. — У всего есть причины и следствия. Мама очень скрытная, поэтому мы не знаем, что у нее было на душе. А дед тронулся умом из-за денег.

— Из-за денег? — удивился Кирилл.

— Мой дед был очень богатым. У него было более полмиллиона золотыми червонцами. Когда произошла революция, он успел забрать деньги из Российского банка и положить в Китайский.

— Почему в Китайский, а не в Швейцарский? — удивился Кирилл.

— Потому что он служил на Китайской границе. А моя бабушка очень хорошо знала Китай. Поэтому они и положили деньги в Китайский банк. Думали, что таким образом спасутся от национализации. Но тут в Китае произошла революция, и Китайские банки тоже национализировали. Вот мой дед и сошел с ума.

16

Это случилось летом 1924 года после подписания советско-китайского договора, который аннулировал все прежние договора между Китаем и царским правительством. Можно сказать, подписанный документ был последней каплей. А до этого все складывалось очень удачно. Нотариус не обманул. Он за три дня оформил наследство есаула Корягина на родную дочь Ульяну, и на четвертый день Дементьевы свободно сняли со счетов Никольск-Уссурийского банка все деньги. Нотариус, получив обговоренную сумму, отдал завещание Гришке и с таинственной улыбкой удалился.

Григорий в ту же секунду разорвал документ на мелкие клочки и с залхватским свистом пустил по ветру. Дементьевы возвратились в поселок с сундучком золотых червонцев и

ночью закопали деньги в огороде. Они еще не решили, как поступить со своим богатством, но уже догадались, что среди капустных кочанов и картофельной ботвы деньги будут в более надежной сохранности, нежели в банке.

Гришка, из сословия голытьбы, не верил своему счастью. От радости он пустился в разгул, совершенно забыв, о семье, о службе и своем казацком долге. Впрочем, о каком долге могла идти речь, когда страну лихорадило от революции.

— Вот это проклял нас тесть! — радостно восклицал Гришка в приморских барделях. — Почаще бы так проклинал!

Он сорил золотыми монетами направо и налево, пил, гулял, угощал. Обзавелся многочисленными друзьями и подругами, совершенно забыв о жене. В себя он пришел только через полгода, когда Ульяна поставила вопрос ребром: либо она, либо его залихватская гармошка. Гришка подумал и выбрал жену. К этому времени он и сам почувствовал, что несколько перебрал с вином и бабами.

А Дальний Восток, между тем, напоминал вулкан. Советская власть не продержалась и двух месяцев. Генерал Харват распустил Советы на Китайско-восточной железной дороге, и после этого начался хаос. Офицерское казачество не поддержало генерала Харвата, но и власти большевиков тоже не признавала. Это привело к такому разброду, что казаки перестали подчиняться своим атаманам. Каждый стал сам себе голова. Почувствовав безнаказанность, многие принялись промышлять разбоем. Если бы не зарытые в огороде червонцы, возможно бы Гришка тоже подался в какую-нибудь банду, например, к есаулу Калмыкову.

Теперь об охране границы не могло быть и речи. Казаки предпочитали охранять не государственные рубежи, а свои собственные поселки. Причем, не от китайцев, а от революционно настроенного мужичья. Китайская граница стала напоминать проходной двор. В это время в Китае тоже шла гражданская война, поэтому китайцы, занятые своими внутренними проблемами, не приняли участия в разделе Приморья. Более того, между китайцами и казаками сложились неплохие контрабандистские отношения.

Политика совершенно не интересовала Григория, как и большинство казаков Уссурийского войска. Он ходил из кабака в кабак, пил, играл на гармошке и ждал, когда японцы с белочехами окончательно свернут башку Советской власти.

Но когда большевики подавили казацкий мятеж в Благовещенске, Гришка призадумался. «А не так уж они и слабы», — с удивлением подумал он и впервые за все это время проникся уважением к большевикам.

Если бы не закопанные в огороде червонцы, возможно Гришка после разгрома Гамова подался бы в красногвардейцы. Многие из казацкой голытьбы записались в гвардию, едва Приморский военный округ объявил мобилизацию в Красную армию. Но основная часть войска выжидала и наблюдала за тем, как донские казаки под предводительством Краснова рубали большевиков. Из казацкого начальства никто не сомневался, что рабоче-крестьянская власть не продержится и до лета. Куда им, безграмотным, неотесанным мужикам, против русского белокостного офицера?

На казачьих сходках докладывали, что Деникина против красных поддержали Донские и Кубанские казаки. Оренбургское и Уральское войска поддержали Дутова. Даже из соседнего Амурского войска казаки добровольно отправились в армию Карнилова и Алексеева.

Ходили страсти и в Уссурийском войске: кто победнее, сочувствовали большевикам, кто побогаче, активно ненавидели пролетарии все стран. Но ни те, ни другие не трогались с места, и сходились только в одном: быть поближе к своим личным хозяйствам.

Намеривался серьезно заняться хозяйством и Гришка Дементьев. Как никак ему от тестя достались приличные земли, и кое-какие охотничьи угодья. У покойного есаула было налажено небольшое производство по выделыванию шкур. У Григория даже возникла мысль, купить в городе фабрику по пошиву шуб. Но при такой царившей в стране неразберихе это было несбыточной мечтой. «Скорее бы раздолбили этих большевиков, чтобы все вернулось на круги своя». И тогда бы Григорий бросил служение отечеству и превратился бы в российского фабриканта. Тогда бы не он служил отчизне, а отчизна служила ему.

Но великим мечтам не суждено было сбыться. В феврале 1919 года началась насильственная мобилизация в Белогвардейское войско. Так Григорий и попал в Белую армию Колчака, объявившим себя верховным правителем России. Дементьеву, ей Богу, не хотелось воевать ни на стороне белых, ни на стороне красных. Ему всей душой хотелось оборачивать капитал. В перерывах между боями казак вынашивал в голове грандиозные коммерческие проекты, между тем

как его товарищи по оружию угрюмо точили шашки.

После того, как Григорий почувствовал, что красные одолевают, он дезертировал и вернулся в Екатериновку, которую, как после выяснилось, сожгли дважды: сначала партизаны, потом японцы. Когда Ульяна с радостным визгом бросилась в объятия вернувшемуся мужу, то первый вопрос Григория был таков:

— Целы ли червонцы?

— Целы! — радостно засмеялась Ульяна. — У нас тут все спалили и разграбили, а сундучок в огороде не нашли...

Вскоре во всем Приморье установилась Советская власть. Поползли слухи, что у казаков будут отбирать земли, а у особо зажиточных — экспроприировать имущество. Самих же казаков сгонят с насиженных мест в тайгу, а наиболее отличившихся в интервенцию — расстреляют. Вот тут и появилась серьезная опасность, что зарытое в огороде наследство экспроприируют вместе с огородом.

Той же ночью Деменьевы выкопали сундучок с червонцами, рассовали золото по мешочкам, погрузили добро на лошадь и подались в сторону китайской границы.

Ульяна знала безопасный путь через Уссурийскую тайгу до города Харбина. Двинувшаяся в путь пара не боялись китайских разбойников, она боялись наткнуться на своих же казаков, грабивших китайские поселения. Путь до Харбина был удивительно гладок. Добрались без единого приключения. Также без каких-либо препятствий они положили деньги в самый надежный банк Харбина, и в этот же день отправились обратно.

Собственно, Ульяна возвращаться не хотела. Она уговаривала мужа остаться в Китае, чтобы потом переправиться в Европу, поскольку в Китае тоже было неспокойно. Однако Григорий настоял на возвращении. Если бы он тогда послушал свою многомудрую супругу, все сложилось бы иначе. Но казак решил вернуться в Россию. Вовсе не из-за патриотических побуждений, и не по причине ностальгии, и отнюдь не из-за казачьего долга перед Отечеством! Он хотел вернуться для того, чтобы продать свои охотничьи угодья и мастерскую по выделыванию шкур.

Что было дальше — не вообразишь и в бреду. Продать ему, разумеется, ничего не дали. Едва Григорий пересек границу, как его снова поставили под ружье. На этот раз большевики. Что было делать? Пришлось еще около года гоняться по тайге за остатками банд атамана Семенова.

Впрочем, это был единственный способ избежать расстрела. Красные командиры возможно бы и забыли о белогвардейском прошлом Дементьева, но он сам частенько напоминал им за кружкой самогона, что воюет по принуждению:

— Зря я не послушал, свою бабу. Сейчас бы сидел не в этой вонючей землянке, а в лучшем ресторане Европы. И пил бы не эту сивуху, а шампанское из самой Шампани.

— Да у тебя все замашки эксплуататора! — возмущались бойцы. — Ты это брось. А то мигом поставим к стенке, как врага советской власти...

Благодаря легкому ранению в плечо военная карьера Дементьева закончилась благополучно. Он снова вернулся в родную Екатериновку и первое, что услышал из уст метнувшейся навстречу жены, это то, что в Китае тоже революция.

— Не бойсь! — нахмурился Григорий. — Революции там идут с одиннадцатого года.

Однако после советско-китайского соглашения, которое позволило китайцам аннулировать все договора, заключенные с бывшими гражданами царской России, Григорий понял, что это еще хуже, чем национализация большевиков. В тот же день вне себя от отчаянья он исполосовал свое тело шашкой.

Раны впоследствии зажили, а помешательство, с буйным проявлением чувств, осталось. Григория поместили в клинику для душевнобольных во Владивостоке, где он вскоре и скончался. Вот тут Ульяна и вспомнила проклятие отца, что за всю жизнь к ним с Деменьевым не прилипнет ни копейки, а ежели прилипнет, ее сразу же отымут, и что род Дементьевых закончится в сумасшедшем доме.

17

Вечером в поселке Екатериновка у дома № 38 прапорщик Кондратьев случайно столкнулся с участковым Житковым. Пожав коллеге руку, участковый поинтересовался, кивнув на дом:

— Сюда?

— Так точно, — ответил прапорщик.

— А что случилось?

— Хозяйка ночью выпала из окна. И прямо башкой в клумбу. Сейчас лежит в больнице с черепно-мозговой травмой.

— Сама вывалилась, или муж помог? — радостно улыбнулся участковый.

— Сама. Муж в это время был в Казани. — Кондратьев тяжело вздохнул и покачал головой. — А я откуда знал? Мы подъехали на сработку. Звоню к ним, не отвечают. Смотрим, хозяйка лежит голой в клумбе без признаков жизни. Что делать? Ну, думаю, бандиты затаились в доме.

— И ты, конечно, приказал взломать замок под личную ответственность, — улыбнулся участковый. — Ворвались в дом, а там никого.

— Так точно, — развел руками прапорщик. — Хотел, как лучше...

— А получил геморрой, — закончил участковый. — Отсюда правило: никогда не бери ответственность на себя, а возлагай ее на старшего по званию. Иначе быстро вылетишь из органов. Ну и, как я понял по твоему виду, хозяин предъявил вам иск?

— На словах уверил, что претензий к милиции не имеет. Но это все так говорят. А как доходит дело до протокола, тут сразу и претензии. Вот такие пироги. А ты их знаешь? — кивнул прапорщик на дом.

— Можно сказать, нет, — поморщился участковый. — Прежнего хозяина знал хорошо. Он был довольно известной фигурой в криминальном мире. Его кличка Хряц. Слышал, наверное. Ныне отбывает наказание. Вот каким образом особняк Хряца перешел к нынешнему владельцу, тут я сказать затрудняюсь? По закону, дом должны конфисковать. Одним словом, история тут темная. Кстати, — подмигнул участковый, — как хозяйке помогло вылететь?

— Говорит, что за ней гнался черный человек.

— Тогда понятно, — вытянул губы участковый. — Передозировка. Надеюсь, у ее мужа хватит ума не подавать заявления. Иначе дело передадут мне. А у меня эти наркоманы вот где сидят. Ты его пугни на всякий случай, типа того, если вскрыется, что жена употребляет, ему неприятностей до конца жизни.

— Сделаю, что смогу, — пообещал прапорщик. — Значит, думаешь, она обколосась?

— Не обколосась, а нанюхалась. Если у нее глюки, значит токсикоманила. Уж поверь мне. Я на этих делах собаку съел.

— Я как-то не подумал? — задумался Кондратьев. — А ведь дважды вызывала милицию. Вот наглости у тетки. Просто сумасшедший дом!

— А вот здесь ты прав! — засмеялся участковый. — На этом месте действительно был сумасшедший дом. Этот особняк, кстати, один из его корпусов. Потом больницу снесли, а корпус оставили. Его прибрал к рукам Хрящ. Ну, как видишь, реконструировал, оттяпал тридцать соток земли и вступил в законные права. Так что не удивляйся, но ты сейчас идешь в сумасшедший дом в полном смысле этого слова.

Часть вторая ВСТУПЛЕНИЕ В ЗАКОННЫЕ ПРАВА

1

От невеселых мыслей Кирилла оторвал звонок. Он кинулся к аппарату, как к спасению, полагая, что это звонит Олеся. Однако ошибся. Хриплый голос развязно произнес:

— Здорово. Это я. Узнал?

— Узнал, — ответил Кирилл и скрипнул зубами.

Вот с кем хотелось ему меньше всего разговаривать, так это с ним. Но делать было нечего. Уж если валяются на голову несчастья, то сразу скопом.

— Ну, так как? — спросил звонивший. — Догадываешься, зачем звоню? Прогнали все сроки. Я тебя внимательно слушаю.

— Извини. Мне сейчас не до этого. На меня столько всего навалилось. Да еще жена загремела в больницу...

— Это твои проблемы, — грубо перебил голос. — А мне скажи конкретно: ты дом выкупаешь, или выметаешься?

— Мы же договорились, что выкупаю.

— В таком случае, когда будут деньги?

— Скоро будут. Не волнуйся.

— Э, положи мозги кому другому! Назови конкретное число, когда ты со мной рассчитаешься?

— Скоро, очень скоро расплачусь. Ты что, мне не веришь?

— Как я могу верить? Месяц назад ты сказал, что денег нет, и ты съезжаешь. Через неделю говоришь, что деньги есть и ты выкупаешь дом. Ты сам назвал срок оплаты —

середина июля. Сегодня восьмое августа. Дальше что?

— Понимаешь, все не так просто. Непредвиденные обстоятельства. А тут еще у жены башню сорвало...

— Это твои проблемы. Ближе к делу. Либо выметаешься сегодня, либо завтра расплачиваешься. Мне нужна вся сумма сразу.

— Ну, хорошо. Первого сентября я с тобой постараюсь рассчитаться?

— Не понял. Что значит, постараюсь? Если не уверен, то лучше не рискуй.

— Хорошо, хорошо. Скажу так: первого сентября я с тобой расплачиваюсь железно.

— Точно? — прохрипела трубка.

— Сто процентов, — выдохнул Кирилл.

— Ну-ну. Запомни, что ты сам назвал число. Будь здоров!

Когда в трубке раздались короткие гудки, Кирилл вздохнул с облегчением. «Ну и влип, — мелькнуло в голове. — И все из-за Лианы...»

У него все в жизни срывается из-за Лианы. У него вся жизнь из-за нее наперекосяк! Но теперь не до сантиментов. Нужно торопиться. Кирилл схватил телефон и быстро набрал нужный номер в Казани. На том конце послышался вежливый голос советника гендиректора.

— Нефтяная компания «Артнефтьинвест» слушает.

— Добрый день. Это я, Кирилл Углов из Москвы. Сегодня утром у меня должна была состояться встреча с гендиректором компании...

— Да-да, мы знаем, — вежливо перебил голос. — Если можно, покороче. И называйте его президентом компании, а не гендиректором.

«Вот же черт, — с досадой подумал Кирилл. — Имеет всего три вышки, а возомнили себя нефтяным магнатом».

— Прошу прощения. Я хотел бы, чтобы президент снова назначил мне время.

— Позвоните к концу месяца. Завтра президент улетает в Ливию.

— Дело не терпит отлагательства, — заволновался Кирилл. — Мне нужно срочно встретиться с ним до отлета. Я готов переговорить, хоть в машине, хоть у трапа самолета.

Голос секретаря приобрел металлический оттенок.

— Он дважды назначал вам время, и вы оба раза не явились...

— Да-да, я дико извиняюсь. Я не виноват. Так получи-

лось. На этот раз мне ни что не помешает. Если я не явлюсь, значит, я умер.

На том конце провода презрительно усмехнулись.

— Вряд ли это будет возможно до его отъезда. Да и после возвращения у него будет много дел. Вы изложите вашу просьбу в письменной форме и пришлите по факсу.

— Не могу я по факсу, понимаете? О таких вещах говорят один на один.

— Не знаю, как вам помочь, — с фальшивым сочувствием произнес советник. — Я даже не знаю, как о вас доложить в третий раз. В третий раз президент обязательно спросит, в чем суть вопроса?

— Хорошо! Я скажу вам, в чем суть вопроса, — снизил голос до полусеппота Кирилл. — Я хочу инвестировать в вашу компанию. Я знаю, что она только формируются и вам нужны средства на покупку еще нескольких буровых установок.

На том конце провода возникла изумленная пауза.

— Извините. Вы — это кто? Уполномоченный банка?

— Нет. Частное лицо.

— Частное лицо? — удивились в телефонной трубке. — И вы хотите выступить в качестве акционера?

— Совершенно верно! — обрадовался Кирилл, почувствовав, что советник президента, наконец, начинает соображать.

— Но мы не берем в соучредители частных лиц? — неуверенно произнес секретарь.

— Это еще почему? — возмутился Кирилл. — Какая вам разница у кого брать?

— У нас не акционерное общество, а государственная структура.

— Ну и что? Разве государство не нуждается в инвесторах? И потом, у иностранных банков, насколько я знаю, вы брать заем не гнушаетесь. Причем, не под проценты, а под те же акции компании.

— Правильно. Потому что иностранные банки гарантируют чистоту капитала.

— Да более прозрачнее моих капиталов вы не найдете. Кстати, мои деньги как раз находятся в солидном швейцарском банке.

На том конце провода возникла пауза.

— Но минимальная ставка наших акционеров три миллиона долларов, — произнес советник после некоторых раз-

думий.

— Я как раз и хочу вложить три миллиона долларов, — прошептал Кирилл, с опаской оглядываясь на дверь.

— Что? — изумилась трубка. — У вас есть три миллиона долларов?

— Но если бы не было, неужели бы я предлагал?

Советник долго соображал, затем недоверчиво уточнил:

— Вы частное лицо, я правильно вас понял? И вы хотите из собственных средств инвестировать три миллиона долларов в разработку новых нефтяных месторождений?

— Не в разработку я хочу инвестировать, а в покупку буровых установок, которые уже устанавливаются на нефтяных участках, — с раздражением ответил Кирилл. — Хотя можно и в разработку новых нефтяных месторождений. Черт с вами! Главное, чтобы этот вопрос решился как можно быстрее.

— Хорошо! — сломался советник. — Я немедленно доложу руководству компании. Продиктуйте номер, по которому можно будет с вами связаться.

2

Кирилл некоторое время сидел неподвижно. Нужно было пройти на кухню, что-то съесть, или на худой конец выпить чаю. Уже вечер, а он еще даже не завтракал. Хозяин дома взглянул на часы и сокрушенно вздохнул. Вряд ли они сегодня позвонят.

Бедняга нехотя вылез из кресла и направился на кухню. В холодильнике был вчерашний суп и холодные котлеты. Возиться с разогреванием не хотелось. Кирилл ограничился двумя бутербродами с колбасой и чашкой кофе. После кофе настроение стало еще хуже. Ведь все летит в Тартарары! К чертовой матери! Нужно было сначала переговорить с президентом, а уж потом лететь в Москву. Цинично? Но что делать? Такова жизнь. Шалапин, например, из-за спектакля не поехал на похороны матери. А Кирилл сорвался по первому же звонку сумасшедшей, плюнув на такое важное дело.

Неожиданно ожил «мобильник». Это была Олеся.

— Ты в Москве? Я так и думала. Что случилось с женой?

— Про жену лучше не спрашивай, — простонал Кирилл.
— Вывалилась из окна.

— Боже мой! Вот, бедняжка. Живая?

— Живая. Сломала ключицу и локтевой сустав. И естественно, травма головы. Словом, все как в кино: легла спать, проснулась — гипс. И ничего не помнит.

— Совсем ничего? — усомнилась девушка.

— Практически. Единственную подробность, которую от нее услышали, что за ней гнался черный человек. Но этот бред я больше не могу слышать.

— Милиция нашла какие-то следы?

— Милиция ничего не нашла и найти не могла. Да, и не искала она ничего. Только дверь выломала и истоптала все цветы во дворе. А у моей жены глюки. Олеся, я в отчаянье. Через месяц мне нужно платить по долгам, а у меня за душой ни гроша. Лиана своими заходами мне дважды сорвала переговоры, и теперь находится в больнице. Если она по примеру матушки тронется умом, то боюсь, мой план сорвется. Я давно смирился с мыслью, что она закончит в психушке. Но я никак не думал, что ей вздумается вальтануться в такой неподходящий момент.

— Не расстраивайся! Она еще выздоровеет. И вы заживете богато и счастливо, — насмешливо произнесла девушка, но Кириллу ее утешения не понравились.

— Дальнейшую жизнь я представляю только с тобой, — жарко прошептал он.

Олеся оставила откровение мужчины без ответа. Она немного помолчала, затем произнесла скороговоркой:

— Ладно! До связи. Не падай духом. Я скоро прилечу.

— Скоро? — обрадовался Кирилл. — Прилетай сразу ко мне в Казань. Сегодня ночью я туда вылетаю.

— Я подумаю. Пока, — засмеялась девушка. — Мы еще созвонимся.

Мужчина водворил трубку на место и подумал, что зря сказал про Казань. О планах вообще не следует распространяться, иначе они не осуществляются. Это Кирилл испытал на собственном опыте. Ни один прожект, о которых он рассказывал Лиане, не удался. Про мебель он не рассказывал, и сразу с мебелью пошло. Не хилый тогда Кирилл сколотил капиталец, и если бы ни теща, то возможно он работал бы с той мебельной фабрикой до сих пор.

Кирилл поднялся к себе в кабинет, расстегнул ворот рубашки и прилег на диван. Посмотрев на часы, нахмурился. Из Казани уже точно не позвонят. Это и понятно. Давно пора усвоить, что все соприкасающееся с Лианой рано или поздно приходит к краху. Вот и тогда все деньги, которые он зарабо-

тал на мебели, ушли на лекарства для тещи. А остатки и на похороны.

Мать не оставила никакого наследства. Она даже не наследовала дочери квартиру, и она глупым образом отошла государству. А ведь Кирилл открытым текстом спрашивал:

— Как насчет квартиры? Может, тебе в ней прописаться, пока не поздно?

Но в ответ глаза Лиана налились слезами.

— Как ты можешь думать о какой-то квартире, когда моя мама болеет?

Словом, после похорон тещи зять снова стоял перед тем же вопросом: как жить дальше? Деньги кончились. С того дня, как теща заболела и на фабрике понизили проценты, Кирилл больше не заработал ни рубля. Да, и не было времени работать. Все время уходило на успокоение жены, да на поиски дефицитных лекарств.

Вот тогда судьба и свела его с Геннадием Животовским. Познакомились они случайно, в каком-то «автосервисе». Кирилл в очередной раз ремонтировал свой штопаный-перештопанный «жигуленок», а Животовский менял крыло у своей новенькой «Тойоты».

«Тойота» была как игрушка. Кирилл невольно задержал на ней взгляд, а затем посмотрел на хозяина. Это был загорелый, с огромными бицепсами и жуткими наколками на руках мужчина лет тридцати. Кирилл еще подумал: «Вот жук, такую машину имеет, и еще успевает бицепсы накачивать. Хотел бы я знать, где он работает?»

Судя по его виду, работа у него была ни только не пыльной, но и не торопливой. Он смерил Кирилла оценивающим взглядом и вдруг спросил:

— Что, нравится тачка? Могу продать по сходной цене.

В ответ Кириллу ничего не оставалось, как криво усмехнуться.

— Откуда у меня такие деньги?

Хозяин «Тойоты» презрительно приподнял бровь:

— Ты что ли не мужик? Не можешь заработать на хорошую тачку?

— Может, ты возьмешь на работу? — с раздражением ответил Кирилл.

Незнакомец, не спеша, снял очки, осмотрел владельца «жигуленка» с головы до ног и только после этого чванливо произнес:

— Может и возьму.

То, что предложил Кириллу хозяин «Тойты», звучало весьма заманчиво. А предложил он следующее: покупать у него за копейки неисправные иномарки, доводить их до ума и продавать по стоимости новых. Причем сбыт отремонтированных иномарок «Живот» брал на себя. Что-то в этом проекте показалось Кириллу нечисто. Если все так просто, почему автор проекта сам не занимается ремонтом иномарок?

— А мне некогда? — развел руками Животовский. — Я их не успеваю привозить из-за границы.

В принципе, это был вариант. И вариант не хилый, поскольку с иномарками в то время было не шикарно. Но все опять упиралось в деньги. Где их взять? В банке? Так их Кириллу и отвалили. У знакомых? Но и знакомые стали весьма недоверчивыми.

— А ты не можешь мне дать на раскрутку? — нагло спросил Кирилл у нового знакомого.

— Может, тебе еще ключ от квартиры... Ты, конечно, не обижайся, но все мои деньги в обороте. Если ты настоящий мужик, то бабки найдешь...

Оставалось одно: продать квартиру. Кирилл даже дал объявление в газету, но тут неожиданно пришла помощь. И от кого? От Лианы. Точнее, не от нее самой, от ее дальнего родственника. Откуда он взялся, Кирилл не может понять до сих пор? До этого он и слыхом не слыхивал, что у жены имелись какие-то родственники во Владивостоке.

Когда в тот вечер глава семейства мрачнее тучи ввалился в квартиру, то увидел, что Лиана при полном параде. Она сияла, благоухала и была одета во что-то невообразимое. По всем признакам, жена намылилась кого-то очаровывать. Кирилл поморщился.

— Ты куда-то собралась?

— Нет, мы ждем гостей, — лукаво улыбнулась Лиана.

— Кого? — мрачно поинтересовался Кирилл.

— Моего троюродного брата?

— Кого-кого? — поморщился Кирилл.

— Ну, может, и не троюродного. Может, это какая-то седьмая вода на киселе, но все равно он мне родственник. Это мы только что выяснили по телефону. Он мне родня по линии бабки. Внук родного брата моей бабушки Ульяны.

— Б-пр! — затряс головой Кирилл. — Ну... и откуда он взялся?

— Приехал из Владивостока. Мои корни тоже, кстати, оттуда. Мой дед был дальневосточный казак. Да я тебе сто раз рассказывала.

— А что твой родственник делает в Москве?

— Понятия не имею. Сказал, что приехал по делам.

Вечером выяснилось, что внук брата бабушки Ульяны, сорокалетний, краснощекий детина, тоже занимается бизнесом. Он прибыл в столицу налаживать каналы по сбыту японской радиоаппаратуры.

— А что делать? — развел руками гость. — Сейчас каждый крутится, как может. Жить как-то надо.

Кириллу дальневосточный родственник понравился. Он ожидал увидеть такое же сонное, сомнамбулическое существо, как его жена, но, к своему удивлению, узрел веселого, цветущего, полного энергии и силы мужчину. И звали его прекрасным русским именем: Глебом.

Они распили бутылочку и принялись с Лианой восстанавливать свою казацкую родословную. Они вспомнили всех дядей, тетей, бабок, прабабок, дедов, прадедов, и кучу еще какого-то народа. Кирилл во все это, разумеется, вникнуть не смог, но запомнил, что Лиана исходила из бедного казацкого рода Дементьевых, а внезапный гость из зажиточного рода Корягиных. Но их прадед, знаменитый есаул Тимофей Корягин, служивший в Уссурийском казачьем войске, был, кажется, общий.

Когда лазание по генеалогическому древу завершилось, дальневосточный родственник начал расспрашивать Кирилла о его делах. Он не одобрил, что Кирилл уволился из вооруженных сил, но по поводу машин сказал, что это дело доходное.

— Ты не тяни резину. А то скоро появятся конкуренты, — посоветовал Глеб.

— Но у меня ни рубля! — признался Кирилл. — А занять сложно.

— Можешь занять у меня, — запросто предложил Глеб. — У меня около месяца деньги будут лежать без движения. Успеешь крутануться за месяц?

Кирилл даже подпрыгнул от неожиданности.

— Я за две недели их оберну, не то, что за месяц. Давай я напишу расписку, что верну с процентами, — горячо зататорил Кирилл.

— С процентами не надо! — поморщился Глеб. — Главное, верни вовремя. К концу месяца я ожидаю электронику из Японии. Мне нужно сразу расплатиться наличкой. Понимаешь? — Глеб впился Кириллу в глаза. — Если чуть замешкаешься — мне конец.

— О чем речь! Пришлю вовремя, как договорились. Если понадобится раньше, то по первому требованию! Слово офицера!

Кирилл приложил к сердцу ладонь и преданно взглянул в глаза. Гость добродушно улыбнулся и кинул на стол сумку, набитую деньгами. Перед тем, как уйти, он снова посмотрел в глаза и повторил:

— Главное, верни вовремя!

На следующий день окрыленный Кирилл полетел к Животовскому и купил у него сразу пять иномарок.

— Мне нравится, как ты начинаешь, — похвалил «Живот». — Из тебя выйдет толк.

И Животовский оказался провидцем. В этот же день Кирилл нанял слесарей, и они энергично взялись за дело. Через неделю все пять машин были на ходу. Когда компаньон узнал, что машины готовы, у него едва не выпрыгнули глаза.

— Так быстро обернул? Молодец! Так и быть, на первый раз я подгоню к тебе покупателя, как обещал. А вообще, ищи свой канал...

На второй день какой-то товарищ с Кавказа купил у Кирилла все пять иномарок. Купил, почти не торгуясь. Отвалил ровно вдвое больше, чем Кирилл отчехлил «Животу». Это было похоже на сон. Кавказец вручил Кириллу рюкзак с деньгами и подмигнул:

— Будут еще, зови меня.

Помнится, в тот день счастливец долго не мог придти в себя. Ему казалось, что все это происходит не с ним. Всего за неделю он заработал такие же деньги, какие одолжил у Глеба на раскрутку. Это было немыслимо! В его руках сумма, на которую можно купить квартиру.

В ту же минуту Кирилл бросился в сберкассу. Сегодня же он переведет родственнику долг и пошлет благодарственную телеграмму. Вот тогда его радость будет полной. Но, увы, не доехав до сберкассы полквартила, Кирилл внезапно развернул машину и на всей скорости рванул обратно к Животовскому.

Правильно в Одессе говорят: «жадность фраера губит». Самым удивительным было то, что Кирилл никогда не был жадным. Во всяком случае, до того рокового дня он не замечал за собой ничего подобного. Но такие деньжищи помутят рассудок и самому здравомыслящему человеку. «Если наткнулся на золотую жилу, глупо бросать ее, используя наполовину», — лихорадочно билось в висках. Глеб дал взаимы на месяц, а прошла только неделя. Их можно обернуть еще пару раз... Вот, ёшкин кот! А ведь всю жизнь думал, что он не азартный человек.

Когда Животовский взглянул в алчные глаза Кирилла, то понял все без слов.

— Успокойся, — произнес он с улыбкой. — У меня есть для тебя десять машин.

— Десять? — удивился Кирилл. — Откуда ты знаешь, что я хочу десять?

— Ну... я подумал, что ты хочешь максимально обернуть наличный капитал? — лукаво подмигнул «Живот».

И он назвал точную сумму, которая имелаась в наличии у покупателя. Кириллу это не понравилось. Ему совсем не улыбалось, если в дальнейшем посторонний человек будет контролировать его кошелек. Но в ту минуту Кирилл еще не сознавал опасности, в которую ввергался по неопытности. Не долго думая, он купил на весь наличный капитал десять иномарок.

На следующий день пришлось привлечь еще четверых слесарей. Конечно, не обошлось без нервотрепок и переживаний. Но через две недели все переживания были щедро компенсированы. Все десять машин выехали из ремонтной мастерской своим ходом. Через два дня Кирилл продал их тому же кавказцу.

Это напоминало какую-то горячку. Заполучив деньги, Кирилл в тот же миг опять рванул к «Животу». Голова кружилась, и сердце выпрыгивало из грудной клетки. Счастливцев уже конструировал фантастические прожекты, мысля широко, с национальным размахом.

Первым делом он купит коттедж с бассейном, сауной и, разумеется, с зимним садом. Перед домом разобьет лужайку с площадкой для игры в гольф, за домом построит оранжерею, в которой круглый год будут произрастать клубника, лимоны и плоды манго. По праздникам у него в гостиную бу-

дет бить фонтан из шампанского, а по будням — из пепси-колы... Если в дальнейшем дела пойдут также блестяще, то через два года подобное сумасбродство может стать объективной реальностью.

Когда красный от волнения Кирилл влетел в кабинет «Живота», то он расхохотался.

— Держу пари, что ты хочешь купить у меня двадцать машин.

— Нет, только пятнадцать, — покачал головой Кирилл.

— Почему только пятнадцать? — прищурился «Живот».

— Мне нужно вернуть долг родственнику.

— Что за родственник? — поинтересовался «Живот».

— Простой советский родственник. Его предки были казаками. Он мне одолжил на раскрутку.

Когда Животовский узнал, что срок еще не истек, и что одолживший деньги родственник родом из Владивостока, то почему-то развеселился.

— За неделю ты обернешь весь капитал! Я в тебя верю. Бери все двадцать машин и не сомневайся!

— А вдруг не оберну?

— Если на неделю удержишь, ничего страшного не произойдет. А тебе лишний миллион не помешает. Ты же не настолько богат, что бы разбрасываться миллионами?

Довод Кирилла убедил. Он рискнул и не прогадал. Через три недели сумма была удвоена. Правда, он задержал долг на две недели, но из Владивостока не поступило никаких упреков. И было еще не поздно отослать Глебу деньги с дикими извинениями и в качестве компенсации накинуть проценты, но снова в Кирилле взбурлила жадность, и снова он со всеми деньгами поехал к Животовскому. «Живот» решение компаньона одобрил.

— Не звонит, значит, не нуждается. Ты расписку писал?

— Нет. Никакой расписки я не писал, — нахмурился Кирилл. — Но я дал слово офицера.

— Тогда можешь расслабиться, — махнул рукой «Живот», игнорируя слово офицера. — Твой родственник деньги не получит...

Глеб позвонил сразу же после того, как Кирилл пустил капитал в новый оборот. Звонок очень его смутил. Он даже не знал, что сказать в оправдание.

— Так ты еще не выслал деньги? — с раздражением спросил Глеб, чувствуя, что родственник что-то темнит.

— Еще нет, — ответил Кирилл.

— Срочно высылай! У меня товар уже на таможне.

— Хорошо. Завтра вышлю, — пообещал Кирилл и положил трубку.

Только ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю Кирилл не выслал ни рубля. Как назло ремонт этой партии двигался черепашьими шагами. Дополнительно нанятые слесари заломили двойную цену, а прежние, глядя на них, тоже потребовали повышение. Пришлось утрясать конфликт обещаниями, и на это ушла неделя. Кроме того, кавказец вернул три машины, и потребовал деньги обратно.

— Зачем, дорогой, подсовываешь халтуру? Я с тобой честно, а ты со мной, как жулик. Больше не буду у тебя покупать тачки. Верни деньги!

Денег не было. Пришлось занимать у «Живота».

— Что ж, я дам тебе займы, — произнес он с усмешкой. — Но я не дальневосточный казак, поэтому без процентов дать не могу.

Он одолжил Кириллу небольшую сумму, но только на то, чтобы рассчитаться с кавказцем. А на возвращение долга родственнику из Владивостока не дал.

— Расслабься! Ничего он тебе не сделает. Дальний восток — это очень далеко.

Глеб продолжал звонить каждый вечер. Кирилл вздрагивал от его телефонных звонков, но денег не слал. Пришлось поставить автоответчик, на который сразу же посыпались угрозы.

— Или ты высылаешь мне долг, или я немедленно вылетаю в Москву. И тогда не обижайся! — была последняя запись на автоответчике.

Кирилл снова побежал просить займы у компаньона, но тот только рассмеялся.

— Неужели ты думаешь, что он правда прилетит? Даже если прилетит, ты не тушуйся, а сразу посылай ко мне. Я с ним сам поговорю.

Кирилл так и не понял, о чем «Живот» собирался потолковать с его родственником. Смысл его слов дошел значительно позже.

Глеб действительно прилетел. Он ворвался в квартиру подобно вихрю, злой и красный от негодования. Лиана в это время была в бассейне. Первым делом он врезал должнику в глаз, а после этого принялся пинать.

— Ты знаешь, сука, что из-за тебя мы сидим в квартире в осадном положении? Моих детей встречают после школы!

Глеб вытащил из сумки шашку и принялся крушить квартиру. Он перебил всю посуду и изрубил всю мебель. Кирилл упал на колени и пообещал через час принести ему всю сумму и деньги на самолет в оба конца. Глеб с налитыми кровью глазами вытолкнул его в подъезд и прохрипел в спину:

— Даю полчаса.

Потрепанный и окровавленный Кирилл предстал перед «Животом» во всей своей красе. Нельзя сказать, что жалкий вид компаньона не произвел на патрона впечатления.

— Казак все-таки прилетел? — изумился он. — Да расслабься ты. Я сейчас кликну братву.

— Не надо братву! — взмолился Кирилл. — Дай мне только займы под любые проценты.

— Не надо братву, говоришь, — задумался «Живот». — Ты прав, братву действительно не надо. А надо тебе в милицию. Вот что! Ворвался в квартиру, избил хозяина, порубал мебель. Лет пять минимум.

— Не надо милиции. Дай займы миллион.

— Ты думаешь, он удовлетворится миллионом? Дурак! Теперь все! Ты у него на крючке. Теперь ты будешь пожизненно чехлить ему. В милицию тебе надо, осел...

Глеба забрали в тот же день. Свое положение он усугубил тем, что оказал сопротивление, поранив шашкой двух оперативников. На суде дальневосточный гость даже не заикнулся о долге. Он молча смотрел в пол и не отвечал на вопросы судьи. Только после того, как зачитали приговор, а приговорили его к восьми годам лишения свободы, к нему с криком «папа» подбежал мальчик лет десяти. Глеб поднял свой тяжелый взгляд на Кирилла и произнес, обращаясь к сыну.

— Запомни этого мерзавца, сынок. Если мне не удастся прибить его после тюрьмы, то убьешь его ты.

Мальчик оглянулся на Кирилла, и глаза его сузились.

5

Это произошло летом 1991 года. «Все же нет грязнее дела, чем сколачивание капитала», — сделал вывод Кирилл. Хотя, по наблюдению со стороны, многие из его знакомых разбогатели вполне законными путями. Но у него видимо так на роду: если честно, то нищета до конца жизни.

Нельзя сказать, что суд над родственником Лианы не оставил в душе истца ни малейшего пятна. Также нельзя сказать, что, спровадив кредитора за решетку, Кирилл больше никогда не мучила совесть. Он искренне не хотел, чтобы Глеба посадили в тюрьму, но так получилось. Сам виноват: напугал своей шашкой до полусмерти. Самым странным в этом инциденте было полное равнодушие Лианы к судьбе своей седьмой родни на киселе. Вернувшись из бассейна и увидев порубанную мебель, Лиана пришла в ужас. Ее даже не столько тронула разбитая физиономия мужа, сколько превращенная в рухлядь обстановка.

— Это твой родственник, Глеб, — пояснил Кирилл. — Я его сдал в милицию.

— Правильно! — горячо воскликнула Лиана. — Что он себе позволяет. Подумаешь, на неделю задержали долг. Другие годами ждут. Потребуй, чтобы он заплатил за мебель и возместил моральный ущерб. Если он откажется, не вздумай возвращать деньги.

О долге советовал забыть и Животовский. Собственно, его больше никто не требовал. Пока шло следствие «Живот» настоял на том, чтобы компаньон купил у него новую партию машин.

— А как быть с долгом? — спросил Кирилл.

— Если суд присудит отдать — отдашь. Сам не рыпайся. Сделаешь только хуже.

Честно говоря, Кириллу не нравилось, что «Живот» контролировал каждый его рубль и заставлял пускать в оборот всю прибыль.

— Вообще-то, я хотел начать откладывать на дом, — признался Кирилл.

— На дом? — удивился «Живот» и задумался. — А у меня есть на примете дом в Екатериновке. Его хозяин за границей. У него контракт на десять лет. Так что он полностью в моем распоряжении. Что если мы сделаем так...

От того, что предложил Животовский, у Кирилла закружилась голова. Сразу въехать в коттедж, с перспективой выкупа. Полностью сумму, согласно контракту, Кирилл должен будет отдать через десять лет, если таковая у него появится. А если нет, то он обязан будет по первому же требованию освободить коттедж.

Ежемесячная арендная плата за дом была такой же, как за пятикомнатную квартиру, то есть, по словам «Живота», чисто символической. Но за это в качестве компенсации Ки-

рилл должен был отдать «Животу» свою однокомнатную квартиру.

Разумеется, Кирилл с радостью согласился. Он был уверен, что за десять лет без особых усилий накопит нужную кучу денег. Да что за десять? При такой постановке дела, он сколотит требуемую сумму за пять лет. И арендную плату он запросто потянет. Что касается его однокомнатной квартиры, то зачем она нужна, если они с Лианой будут жить в особняке?

Переселение в Екатериновку произошло на следующий же день. Дом был шикарный: два этажа, девять роскошных комнат, не считая мансарды. Правда, бассейна не было, зато в гостиной стоял камин. Площадки для игры в гольф тоже не было, зато за домом располагался сад с фруктовыми деревьями, в котором можно было с непривычки заблудиться.

Жена была вне себя от счастья и как-то быстро привыкла к тому, что теперь она хозяйка роскошного дворца. Сразу же после переезда она начала требовать от мужа соответствующую мебель. Но Кириллу было не до мебели. Еще шло следствие, и он пребывал в состоянии жуткой тревоги. А жена напротив, молниеносно освоившись на новом месте, не испытывала ни малейшего беспокойства по поводу судьбы своего родственника.

В первое же воскресенье Лиана задумала новоселье. Не согласовав с супругом, она разостлала своим друзьям-туристам открытки с приглашениями. Более неудачного времени для празднования нельзя было придумать.

Не успели Угловы въехать в новый дом, как в него заявилась прилетевшая жена Корягина. Она вошла в гостиную и без всякого предисловия гневно воскликнула:

— Так ты отблагодарил Глеба, подонок?

В это время Кирилл с «Животом» сидели у камина и попивали пиво. Явление этой миловидной, миниатюрной женщины было настолько неожиданным, что Кирилл растерялся. За него ответил Животовский.

— А в чем дело, гражданочка? Суд разберется, кто кого отблагодарил. Если вы пришли скандалить, можете отправляться обратно. Если у вас какие-то претензии, мы вас слушаем.

— По-вашему это справедливо, что моего мужа судят за разбой?

— Не задавайте риторических вопросов, девушка, — снова подал голос «Живот». — Ближе к делу. Что вы хотите?

Глаза женщины побелели от ярости. Было заметно, что она борется с искушением вцепится ногтями в сытое лицо собеседника. Женщина промокнула платочком лоб, одернула кофточку и произнесла, обратившись к Кириллу.

— Я требую, чтобы ты, козел, во-первых, отказался от своих обвинений в адрес моего мужа, а во вторых, вернул долг с процентами, иначе тебе прибьют.

— Но-но! — выскочил из кресла Животовский. — Попрошу, повежливее. Вы у не себя во Владивостоке. Это вы должны выплатить компенсацию за нанесенный ущерб. А что касается долга, приложите к иску расписку. Суд разберется. Присудит выплатить долг — выплатим. А так, никаких заявлений мы отзывать не собираемся. Чего ради?

Женщина сверкнула глазами на Животовского и процедила сквозь зубы:

— Ну, вы нелюди. Отныне вам не жить, обоим!

Она развернулась и быстро выбежала из дома. Кирилл, глядя ей вслед, понимал, что угрозы этой маленькой женщины не пустые слова. Понимал это и Животовский.

— Решительная дамочка, — покачал он головой.

— Я заберу заявление и отдам долг, — произнес Кирилл.

— Не вздумай! — закричал «Живот». — Они потом с тебя не слезут. Посмотри, какие они борзые!

Все последующие дни Кирилл пребывал в мрачном расположении духа. На душе лежала тревога, по ночам мучила совесть. Угрюмое состояние мужа Лиана понимала по своему. Она вглядывалась в его лицо и назойливо вопрошала:

— Ты меня еще любишь?

— Люблю. Но мне сейчас не до этого.

— Что? — с ужасом восклицала она. — Тебе не до меня? Может, у тебя появилась другая женщина?

— Да нет у меня никакой другой женщины. Мне кроме тебя никто не нужен. Просто я очень устал.

На этих словах слезы фонтаном брызгали из ее глаз. Она ставила руки в бока и закатывала истерику.

— Раньше не уставал, а теперь стал уставать? Я чувствую, что у тебя кто-то появился.

— Ну, что за фантазии? Никого у меня нет, — мягко отвечал Кирилл, заключая ее в объятия.

— Не смей мне врать. Я вижу, как ты охладел, — переходила на крик Лиана. — Ну, чем я хуже ее. Посмотри, какая у меня грудь. А посмотри, какая талия...

И так каждый вечер. Все сцены заканчивались одинаково. Лиана в слезах уносилась на второй этаж и грозила оттуда, что еще всем покажет, какая она неотразимая женщина. Пусть никто не думает, что она никому не нужна.

Свою неотразимость Лиана показала на новоселье. Она кокетливо вышла к гостям в какой-то детской блузке с облачками на груди и дурацком венчике из ромашек. «Вот коза, — вздохнул с досадой Кирилл, — тут решается вопрос жизни и смерти, а ей — только блистать».

Когда после этого она начала демонстративно играть в бадминтон с Олегом, к которому он ревновал, то впервые за десять лет семейной жизни Кирилл подумал: «А ведь она недалекая баба, к тому же баба не способная ни на что. Откуда такое самомнение?»

6

Позже Кирилл догадался, с какой целью «Живот» поселил его в этом коттедже. Разумеется, не из благородных побуждений, а наоборот — с целью ввергнуть его в окончательную кабалу. Как после выяснилось, коттедж принадлежал ни уехавшему за рубеж контрактнику, а какому-то знаменитому бандюге, отбывавшему наказание в местах не столь отдаленных. Коттедж был засвечен, и его могли конфисковать, если бы он остался без присмотра. А теперь дом теоретически приобрел законного хозяина, а практически — вечного должника, повязанного кабальным контрактом.

Впоследствии до Кирилла дошло, что Животовский на этом дельце очень хорошо нагрел руки. Во-первых, за хорошие глазки получил квартиру Углова, во-вторых, стал иметь ежемесячный доход в виде платы за аренду дома, в-третьих, рассчитывал через десять лет получить солидный гонорар от хозяина за сохранения дома в целости и сохранности.

Только теперь Кирилл ничего не мог изменить, поскольку полностью зависел от Животовского. У него даже не было обратного пути, потому что лишился даже квартиры. Но в бывшем военном жила уверенность, что за десять лет он скопит необходимую сумму для окончательного выкупа дома.

После вынесения приговора над Корягиным до пострадавшего дошли слухи, что его жена весьма энергично хлопочет по поводу пересмотра дела. Как уже говорилось, казак не

раскрыл суду истинную причину своего психоза, чем еще больше усугубил свое и без того незавидное положение. Что было у него на уме, никто не знал. Весь процесс он угрюмо сидел на своем месте, смотрел в пол и, казалось, был ко всему безразличен.

Но после суда за дело активно взялась жена. Об этом Кирилл узнал от следователя, который сообщил, что она собирается предъявить доказательства того, что пострадавший задолжал осужденному огромную сумму денег.

— Какие доказательства? — удивился Кирилл.

— Ваши разговоры с Владивостоком. Она их записывала на пленку.

Но это оказалось не самым страшным. От того же следователя Кирилл узнал, что гражданка Корягина собирает компромат о доме, в который вселился пострадавший. Обеспокоенный Кирилл сразу помчался к Животовскому.

— Ё-моё, — почесал затылок «Живот». — Тут уже нужно звать братву...

Каким образом братве удалось свести на нет активность несчастной женщины, Кирилл так и не узнал. Он много раз спрашивал об этом у Животовского, но тот лишь снисходительно хлопывал по плечу и с мудрой улыбкой отвечал:

— Работай спокойно. Теперь тебе ничто не угрожает.

— Даже через восемь лет?

— Даже через восемь лет, — подмигивал Животовский. — Восемь лет прожить на зоне не просто. Это нужно суметь. Кстати, ты должен отчехлить братве за труды, из той суммы, которую задолжал казаку. С тебя казак больше не потребует.

— Почему не потребует? — нахмурился Кирилл. — И, кстати, сколько я должен отчехлить?

Первый вопрос работодатель проигнорировал, а на второй ответил, что нужно отдать половину.

— Отдай и забудь!

И действительно, расплатившись с братвой, Кирилл вскоре забыл об этом кошмаре. Забыл не потому, что был забывчивым, а потому что навалились новые заботы. Чем больше Кирилл вникал в суть своего бизнеса, тем больше ужасался. Только во втором году он догадался, что большая часть машин, которые проходили через его мастерскую, числятся в розыске. Более того, как позже выяснилось, «Живот» специализировался исключительно на краденых машинах. Его предприятие по скупке битых автомобилей за рубежом — было примитивной ширмой.

Привезенные из-за границы машины резко отличались от угнанных. У них обычно барахлил двигатель. Краденные, все как одна, были с поврежденным покрытием. Их царапали специально, чтобы не вызвать подозрение у слесарей. Но они тоже все знали, и лишний раз не спрашивали, почему тот или иной «Мерседес» нужно покрывать другим цветом.

Узнав правду, Кирилл не долго пребывал в трансе. Уйти из бригады уже было невозможно. Во-первых, потому, что некуда, во-вторых, потому, что чревато. Пришлось смириться и, как ни в чем не бывало, продолжать этот гнусный бизнес. «Ничего, — успокаивал себя Углов, — подработаю денег, а затем слиняю».

Кирилл чувствовал, что подобная халява ненадолго. Криминальный беспредел, царивший в стране в начале девяностых, скоро закончится. Вот прибавят ментам зарплату, и начнется очередное закручивание гаек. За это время нужно успеть сколотить капитал. Но Кирилл опять не успел.

Сначала они с Лианой обставляли дом дорогой мебелью. Не обставлять же его ширпотребом. Затем приобрели «Шестисотый Мерседес», за которым Углов специально ездил в Германию. Львиная часть доходов пошла на одежду жене. С тех пор, как в доме стали водиться деньги, Лиана сделалась ненасытной к тряпкам. Стиль жизни Угловых тоже претерпел изменения. Теперь супруги взяли привычку ужинать в дорогих ночных клубах.

Словом, когда потребность дорвавшихся до денег нищих была удовлетворена и можно было, наконец, откладывать на дом, неожиданно засыпалась воровская бригада «Живота». Животовский молниеносно слинял на острова, а Угловым ничего не оставалось, как укатить в Одессу.

Жизнь в Одессе была не особенно дорогой, но однообразной и праздной. Деньги таяли, и возместить их было неоткуда. Когда через год опасность миновала, семья Угловых возвратились в Москву. Накопления изрядно поиссякли, работы не было. К тому же, возвратившийся с островов «Живот» потребовал годовую плату за дом.

Их дальнейшие совместные дела пошли неважно. Кирилл специализировался исключительно на автохламе, доставленном из Китая. Ремонт иномарок был дорогостоящим. К тому же с каждым годом поддерживаемые тачки пользовались все меньшим и меньшим спросом. Солидного дохода уже не было. Но даже из того, что Кирилл зарабатывал, приходилось львиную долю отчехлять в большак, для братьев, тя-

нувших срок. Вот так и получилось, что к положенному времени Кирилл почти ничего не накопил.

«Это какое-то патологическое невезение», — хватался за голову Углов, и ничего не мог поделать. Нужно было срочно искать новое «золотое дно», но к этому времени Кирилл уже был крепко повязан с братвой, которая секла каждый рубль. «Но почему у меня все не так?» — вздыхал вечерами хозяин коттеджа, глядя на огонь в камине. А Лиана, чувствуя настроение мужа, ставила руки в бока и начинала допытываться, чем она хуже той женщины, которую он завел?

— Да не завел я никакую женщину, — оправдывался Кирилл. — Я просто устал.

— Что? Устал! — закатывала глаза Лиана, и глаза ее наполнялись слезами. — Значит, ты устал от меня?

«Сука! — восклицал про себя Кирилл. — И дела не идут. И жена полная дура. Вот, ёшкин кот!»

7

Впрочем, Кириллу кое-что довелось узнать о своем фатальном невезении. Это случилось на Савеловском рынке. У входа в павильон ему навстречу попалась цыганка.

— Хочешь, погадаю, всю правду расскажу, — произнесла она с цыганской хитрецой в глазах.

Углов хотел послать ее к чертям собачьим, но не успел. Цыганка сама шарахнулась от него как от прокаженного. Кирилл удивленно взглянул в ее глаза и увидел в них неподдельный испуг.

— Мужчина, на тебе порча! — произнесла она скороговоркой и тут же куда-то исчезла.

— Сама ты порча! — огрызнулся Кирилл и последовал дальше.

Он не верил во все эти порчи и сглазы, а тем более извергнутые из уст цыганки. Но это слова почему-то произвели на него впечатления. Целый день носясь по делам, он ловил себя на мысли, что постоянно думает о своей порчи. Придя вечером домой, он первым делом спросил у жены: что значит, когда у человека порча?

— Это значит, что кто-то наколдовал на человека и наслал на него скверну.

— Зачем? — удивился Кирилл.

— Затем, что люди злы и завистливы. Я чувствую, что на

нас кто-то колдует. Поэтому ты ко мне так холоден.

— Да не холоден я к тебе, просто настроение плохое.

— А если настроение плохое, значит, ты тем более околдован. Тебе надо сходить к бабе Наде. Она сразу определит порченный ты, или нет. Если порченный, она с тебя снимет порчу.

— Боже мой, какой бред, — раздраженно пробормотал Кирилл и поднялся к себе в кабинет.

Вслед за ним поднялась Лиана.

— Скажи честно, у тебя есть женщина?

— Ты уже достала своими женщинами, — сквозь зубы пробормотал Кирилл. — Дай мне переодеться и поужинать.

— Ты мне не ответил: есть, или нет.

— Нет! — выдохнул Кирилл.

Глаза Лианы повеселели.

— А ты по-прежнему меня любишь? — прощбетала она, шагнув ближе.

— По-прежнему, — нехотя ответил Кирилл.

— Тогда почему ты меня не поцеловал?

Пришлось заключить жену в объятия, чтобы не произошло истерики. После этого она снова защебетала по поводу своей нестареющей груди и тонкой талии. Хотя где уж тонкой? Все восемьдесят пять...

На следующий день Кирилл поехал к бабе Наде на «Баррикадную», хотя не особенно верил в порчу. Поехал так, на всякий случай, чтобы успокоить душу. Открывшая дверь, маленькая, сморщенная старушонка с хитрыми глазками, не внушала доверия.

— Мне дала ваш адрес жена. Ее зовут Лианой. Она ваша постоянная клиентка, — нехотя объяснил Кирилл.

— А как же, знаю! — всплеснула руками старушка. — Очень милая женщина. Она мне как дочь. Я ей лечу цитовидку.

Кирилл не выразил никакого удивления, хотя ни разу не слышал от жены, что она страдает цитовидной железой. А бабка между тем продолжала:

— Она мне без конца жалуется, что сынок у нее не послушный. А это ничего страшного. Просто энергии много. А я вижу, что с женой вы живете душа в душу. И дела у вас идут хорошо.

Кирилл удивленно поднял брови, подумав, что у старушечки все признаки склероза, и нетерпеливо произнес:

— Посмотрите, есть на мне порча?

Старушка моментально усадила гостя на табурет, достала из стола две изогнутые спицы и скрестила над головой у посетителя.

— Нет! Никакой порчи у вас нет. А кто вам сказал про порчу?

— Цыганка, — хмуро ответил Кирилл, поднимаясь с табурета. — Сколько с меня?

— Сто зелененькими, — засмеялась бабка, обнажив рот из пластмассовых зубов.

Заполучив свои кровные, она назидательно произнесла, подняв палец кверху.

— Никогда не верьте цыганкам.

Это посетитель понял и без нее. Хлопнув дверью, он направился вниз по ступеням, досадуя, что ни за что отвалил этой карге сто баксов. Хороший бизнес. Скрести над головой спицы и получи зелененькую как с куста. Внезапно дверь на четвертом этаже отворилась и на площадку выползла женщина лет шестидесяти с красным лицом.

— Вы были у бабы Нади, — спросила он, ткнув пальцем в потолок.

— Да! — удивленно ответил Кирилл.

— И чего вы все к ней ходите? — возмутилась женщина. — Она шарлатанка. Нет у нее никакой силы. Только деньги брать мастерица. Хотите, я вам дам настоящего колдуна. Он денег не берет. Даже не предлагайте. Баночку меда можете дать ему в знак благодарности, но не более того.

— Не надо! — буркнул Кирилл, затем, подумав, остановился. — Хотя дайте на всякий случай!

— Он живет у метро Алексеевская. Зовут Петром Георгиевичем.

В тот же час Кирилл купил полулитровую банку меда и поехал по указанному адресу. Откровенно говоря, он не верил, что старик разглядит на нем порчу, или скажет что-нибудь путное. Кирилл поехал на Алексеевскую опять-таки для очистки совести, чтобы, наконец, покончить с этим раз и навсегда.

К его удивлению дверь открыл не дремучий старичок с седой бородой и масляными глазками, как у бабы Нади, а симпатичный подтянутый мужчина лет тридцати. У него была на редкость белая кожа и удивительно ясные глаза.

— Извините, я, может быть, не сюда попал, — произнес незваный гость. — Мне нужен Петр Георгиевич.

— Нет, вы попали именно сюда, — интеллигентно улыб-

нулся мужчина. — Я Петр Георгиевич. У вас какие-то проблемы?

Кирилл всмотрелся в его умные глаза и спросил:

— Можете вы сказать, есть на мне порча?

— Да, конечно, проходите! — вежливо пригласил мужчину.

Он посадил гостя на стул, а сам сел напротив. С минуту он пристально смотрел на посетителя, затем резко зажмурил глаза и тут же их открыл.

— Да, на вас порча. И довольно сильная, — произнес он деловито. — Не шевелитесь. Я попробую ее снять.

Колдун озабоченно взглянул на часы и произнес:

— Как бы мне не опоздать на работу.

— Я могу подвести. Вы где работаете?

— В больнице, на Спортивной.

Мужчина долго водил ладонями над головой. После чего устало опустил на стул.

— Это кармическое. Снять не могу.

— Что это значит? — забеспокоился Кирилл.

— Эта значит, что вам судьбой предназначена бедность. В этом нет ничего страшного. Здоровье у вас нормальное. Проживете вы долго, если оставите бессмысленные попытки разбогатеть. Все у вас нормально. На хлеб всегда заработаете, а на большее — не замахивайтесь.

— Но почему? — возмутился Кирилл.

— Сейчас посмотрю.

Петр Георгиевич снова пристально впился в посетителя, после чего резко закрыл глаза.

— Вижу! — произнес он, не открывая глаз. — Вижу рядом с вами женщину. Это на ней лежит проклятие. Все ясно. Вы просто по доброй воле разделили ее судьбу.

Это откровение о доброй воли настолько возмутило Кирилла, что он лишился дара речи. Разговор возобновился снова только в машине.

— Скажите, а проклятие можно объяснить научно?

— Без проблем! — обаятельно улыбнулся колдун. — Человеку на жизнь дается определенное количество энергии. Проклятие отсекает часть энергии, поэтому проклятые люди не могут существовать не «подпитываясь» от других людей. Они по натуре медлительны, тугоухи, способны на ограниченные действия. Они на себя отвлекают очень много внимания, забирая время и энергию у близких и окружающих. Иными словами, просто паразитирует. Если представить на-

глядно, то это похоже вот на что... — врач указал пальцем на дерево с огромным горбом. — Видите нарост на той березе? Он живет исключительно за счет сока дерева. Все силы березы, вместо того чтобы идти на рост, расходятся на эту чагу.

8

Хотя проклятую отцом Ульяну нельзя было назвать медлительной, а уж тем более ни к чему не способной. Наоборот, с детства она была чрезмерно энергичной. Похороненные в Китае деньги не сломили ее духа. Казачка не теряла надежды, что Григорий оправится от удара, и они еще заживут спокойной и счастливой жизнью, тем более что гражданская война на Дальнем Востоке подходила к концу. Но она ошиблась. Григорий умер через год, после определения его в клинику. Через две недели после последнего посещения мужа, Ульяна почувствовала, что беременная. «Вот те на, — изумилась она. — В молодости не беременела от здорового, а тут под старость зачала от дурака».

Но лукавила Ульяна по поводу старости лет. Ей было только тридцать два, и совсем еще юные казаки провожали вдову далеко не сыновними взглядами.

В 1925 году Ульяна родила дочку, которую назвали Ниной. Вот в дочке действительно не было никакой энергии. Поначалу Ульяна радовалась, что малышка не доставляла хлопот. Она почти не капризничала и мало плакала. Ее можно было положить в люльку на полдня и беспрепятственно заниматься хозяйственными делами. За целый день девочка могла не пискнуть ни разу. Но когда она немножко подросла, Ульяну стало раздражать ее полное равнодушие к жизни. Пошлешь, к примеру, за мукой, и не дождешься до ночи. За это время, пока дочка сонно приползет с чугуном муки, можно было добежать до Китайской границы. Словом, в качестве помощницы, Нина была совершенно никудышной.

Над ее вечно сонным состоянием смеялись дети и дразнили дохлой мухой. В результате крошка стало редко выходить на улицу. Бывало, как сядет с утра на лавку, неумытая, непричесанная, сонная, так и замрет наподобие китайской куклы.

К этому времени Советская власть уже расформировала Уссурийское войско. Наиболее зажиточных казаков раскула-

чили. Кто сопротивлялся, тех расстреляли. Нависла угроза и над Ульяной Дементьевой. Кто-то доложил властям, что ее муж служил у Колчака. Как не пыталась объяснить вдова чекистскому комиссару, что белые насильно тащили казаков в свою армию, ей дали двадцать четыре часа на то, чтобы она навсегда покинула Дальний восток.

Ничего не оставалось, как собрать сундучок, взять шестилетнюю дочку в охапку и отправиться в Николаевск-Уссурийск. Перечить комиссарам женщина не посмела. И хотя нелегко было покидать насиженное место (все-таки своя земля худо-бедно, но кормила), однако приказ есть приказ. К тому же ее землю в тот же день отдали в собственность вновь зарождающемуся колхозу.

Бедная вдова не знала, куда ехать. Кое-как добравшись до Сургута, она случайно подслушала, что одна артель набирает охотников. Не раздумывая, Ульяна отправилась в контору с ребенком и сундучком в руках, который во время поездки изрядно полегчал. Когда начальник артели увидел эту горе-охотницу, седую, прозрачную, с проваленными глазами, да еще с ребенком, то поднял ее на смех.

— Не! Баб не берем! Где это видано, чтобы бабы ходили на медведей? — замахал руками мужик.

— Я в тринадцать лет одна ходила на Уссурийского тигра, — с достоинством ответила Ульяна.

— Да, ну? — гоготнул начальник. — Небось и берданку не знаешь, как заряжать.

— С пятидесяти шагов попадала белки в глаз.

— Ну, это ты брешь.

Однако бабу под всеобщий мужицкий гогот вывели во двор, дали в руки берданку и повесили на заборе мишень.

— Если с трех раз попадешь хотя бы в молоко, возьмем! — сказал начальник и подмигнул веселой ватаге.

Новый мужицкий гогот сотряс бревенчатый двор охотничьей артели. Ульяна взяла берданку и, почти не целясь, выстрелила три раза. Все три пули угодили в яблочко. Улыбки моментально слетели с лиц гогочущей братии. Все притихли, а начальник уважительно присвистнул.

Ульяну взяли в артель. Выделили маленькую комнатку в бараке и поставили на довольствие. И в этой комнатке она прожила с дочкой шестнадцать лет.

Нельзя сказать, что охотничья жизнь Ульяны была слишком тяжелой. Она была великолепным охотником и сразу завоевала уважение среди артельских мужиков. Ее не тяго-

тили ни лишения таежной жизни, ни изнурительные блуждания по снежным тропам, ни ночлеги в сыром спальнике у костра. Самыми тяжелым было расставание с дочерью, когда Ульяна уходила на два месяца в тайгу. Сердце за нее обливалось кровью, но суровая необходимость заставляла оставлять дочку одну.

Малышка так и не научилась быть самостоятельной, но в бараке нашлась добрая душа — одинокая баба Клава, которая добровольно присматривала за Ниной. Неизвестно, за что она возлюбила эту томную, романтичную девочку, но без бабы Клавы дочь Ульяны, про которую все говорили, что она не от мира сего, совсем бы пропала. Ведь она не умела разогреть себе даже похлебки. Словом, дочка была пристроена, и работа в тайге позволяли семье Дементьевым жить безбедно.

Что касается личной жизни бывшей казачки, то после рождения дочери она махнула на нее рукой. В Екатериновке Ульяна могла устроить свою личную жизнь, но не захотела, потому что безумно любила мужа. Всех кавалеров она отшивала с порога. А после смерти Григория, вся любовь перешла на дочку. В Сургуте никто не пытался посвататься к Ульяне. Во-первых, по причине ее сурового нрава, во-вторых, потому, что она была уже далеко не молодой. В Артеле ее уважительно называл тетей Улей.

Словом, бывшая казачка жила исключительно ради дочери. Ради нее она больше всех настреливала пушного зверя, ради нее она недоедала, чтобы таежные пайки принести домой. Мать отказывала себе во всем, зато дочку наряжала, как принцессу. У женщины была только одна цель: накопить приданное и выдать дочь замуж за надежного человека.

Начавшаяся война с немцами почти не отразилась на благополучии Дементьевых. В артели по-прежнему давали хорошие пайки, и Ульяна, пользуясь дефицитом продовольствия, выменивала тушенку с салом на ситец, бусы и золотые кольца. Ближе к сорок пятому году Дементьевых уже можно было назвать богатыми, но Ульяну расстраивало одно, что у дочери давно уже возраст замужества, а красивые парни все на фронте.

Однако даже после окончания войны, когда солдаты возвратились в Сургут, молодые мужчины по-прежнему были в дефиците. А у вдовы, между тем, в сундучке хранилось довольно приличное преданное, но только не было на примете приличного жениха. А Нине уже было двадцать два. «Как бы

не пересидела в девках», — беспокоилась мать. Но избранник, наконец, явился. И явился так неожиданно, что Ульяна снова поверила в Бога.

9

От этого телефонного звонка Кирилл подпрыгнул на месте. Он сразу почувствовал, что это именно тот звонок, который был ему нужен.

— Да! Кирилл Углов слушает! — воскликнул он, взволнованно схватив трубку.

— Вас беспокоят из нефтяной компании «Артнефтьинвест».

— Да, я понял, — перебил Кирилл, узнав голос советника президента. — Я слушаю, слушаю!

— Президент готов принять вас завтра в десять утра. Но его смутило, что вас нет в списках тех, чей личный счет в Российских банках превышает миллион долларов. Повторяю, источник финансов наших инвесторов должен быть предельно прозрачен.

«Серьезные ребята! Уже успели навести справки», — чиркнула в мозгах.

— Я же вам говорил, мои деньги лежат не в Российской сберкассе, а в одном солидном Швейцарском банке, — горячо воскликнул Кирилл. — Вы, наверное, пропустили мимо ушей. Вы что же думаете, я сумасшедший предлагать инвестиции без гроша в кармане?

— У вас завтра будет только пятнадцать минут, — сухо ответил советник. — За это время вы должны представить доказательства, что располагаете такой суммой. Ни минуты больше. В одиннадцать президент должен быть в аэропорту.

— Я вам представлю доказательства за одну минуту! — горячо уверил Кирилл.

— Прекрасно. Тогда всего доброго. До завтра!

Когда звонок прервался, Кирилл с криком «ес» энергично потряс кулаком. Теперь его ничто не установит. Он озабоченно взглянул на часы и принялся набирать номер кассы «аэрофлота».

— Девушка! Будьте любезны, забронируйте один билет до Казани на ближайший рейс.

— Ближайший до Казани в девять сорок пять утра, — сухо ответила девушка.

— Как утром? Есть еще ночной рейс. Мне утром уже нужно быть в Казани.

— На ночной рейс все билеты проданы.

— Как? — с отчаянием вскрикнул Кирилл. — Этого не может быть! Чтобы на Казань не было билетов? Не верю!

— Подождите минутку, я посмотрю еще раз.

Эта минутка показалась Углову часом. Что он только не передумал за эту минутку. Если он завтра в десять не будет у главы компании, то это конец света. Президент больше никогда не примет его. И правильно сделает. Кирилл бы и сам не принял такого идиота, который трижды просил аудиенции и трижды не являлся.

— Да, есть одно место на ночной рейс, — неожиданно произнесла девушка. — Алло, вы меня слушаете?

— Слушаю, слушаю, — оживился Кирилл.

— Скажите вашу фамилию...

Это был кайф! Да еще какой? Теперь Кирилл был уверен, что небосвод над ним повернулся. Дело решиться в его пользу.

До самолета оставалось еще три часа. Часа полтора можно подремать, поскольку ночь предстоит бессонной. Однако спать не хотелось. Кирилл был очень возбужден. Он ходил по кабинету из угла в угол и мечтал. Мечтал, что они с Олесей уедут на острова. Ведь очень скоро Углов будет сказочно богатым человеком. А потом они поселился где-нибудь на берегу моря в Италии, или в Греции, купят шикарную виллу и будут жить в ней долго и счастливо, словно в раю.

Единственная, кто ни коим боком не вписывалась в сказочные мечты Кирилла, это его жена Лиана. Куда денется она? Разумеется, он оставит ей дом и приличную сумму на сберкнижке, чтобы бывшая супруга ни в чем не нуждалась. Разумеется, ее также будет опекать Лидия Петровна. В жизни Лианы ничего не изменится: она по-прежнему будет спать до полудня, часами разговаривать по телефону с подругами, ездить в бассейн, на массаж, словом вести такой же праздничный образ жизни, какой вела всегда. На этой мысли Кирилла передернуло. Ох, и не любит же он праздных людей! Но скоро с этим будет покончено. Что с Лианой он расстанется, это решено железно. С какой стати он должен добровольно продолжать делить ее судьбу?

Внезапно в дом позвонили. Кирилл открыл дверь и впустил прапорщика милиции, с которым утром разговаривал в больнице.

— Ну, что? — полюбопытствовал милиционер. — Внимательно осмотрели дом?

— Да, все на месте. Давайте подпишу протокол!

— Претензии к милиции есть?

— Претензий никаких нет. Давайте уведомя письменно, что претензий за выломанный замок не имею и с действиями патрульно-постовой службы согласен.

— Заявление в милицию писать будете?

— На расследование ночного инцидента? Нет, это излишне. Хотя, — задумался Кирилл, и любопытная мысль сверкнула в его голове. — Знаете... пожалуй, что напишу...

Перемена решения хозяина очень удивила прапорщика.

— Вы все-таки думаете, что на вашу жену напали? — полупшепотом произнес милиционер.

— Чем черт не шутит, — ответил Кирилл.

«А пусть расследуют», — подумал он. Если органы официально признают Лиану невменяемой, ему это только на руку.

Милиционер ушел с заявлением в папке. Кирилл посмотрел на часы. Однако мечты мечтами, но пора бы и в аэропорт. Хозяин потушил в каминном зале свет и поднялся в спальню закрыть окно. И вдруг у кровати его взгляд наткнулся на какой-то странный предмет. Даже было удивительно, как он сумел разглядеть его под кроватью?

Это был пустой флакон из-под дешевого мужского одеколона, но с головкой распылителя. Кирилл поднял его и понюхал. Одеколоном не пахло, а пахло чем-то специфическим. Странно.

Хозяин дома задумался. Не придя ни к какому выводу, он пожал плечами, поставил флакон на тумбочку и отправился на выход. «Нужно будет спросить у жены, что это значит», — угрюмо подумал он, подозревая, что жена в его отсутствие даром время не теряла. Хотя с другой стороны, причем здесь флакон?

Однако эта находка недолго занимала мысли мужчины. Через полтора часа он уже сидел в самолете и придавался новым мечтам о будущей жизни с Олесей.

В Казань Углов прилетел в четыре утра. Только сойдя с трапа самолета, он позволил себе облегченно вздохнуть. А ведь в глубине души до последнего не верил, что его полет пройдет благополучно, ведь на нем печать проклятия. И все равно нельзя было расслабляться. Судьба коварна и наверняка подготовила новую пакость.

Однако Кирилл без каких-либо проблем доехал до гостиницы «Сатурн», вздремнул до восьми часов, после чего принял душ, побрился и вылил на себя полфлакона французской туалетной воды. Взглянув на себя в зеркало и найдя свое состояние удовлетворительным, Кирилл подумал, что пакость, вероятно, следует ждать по дороге.

Но он опять ошибся. Московский гость доехал до управления нефтяной компании без приключений. «Так все гладко, что просто подозрительно, — с недовольством подумал он. — А может, действительно небесный свод над ним повернулся?»

Когда гость в сопровождении секретаря вошел в кабинет главы компании, внутри у него все онемело. Очень жесткий и внимательный взгляд сквозь золотые очки, казалось, пронзил насквозь. Кабинет был таким роскошным, что простой смертный неотвратимо чувствовал бы в нем робость. «Нефтяные короли могут позволить себе такие апартаменты», — подумал посетитель и, собрав волю в кулак, подошел к столу из красного дерева.

— Добрый день, господин президент, — с жизнерадостной улыбкой произнес Кирилл.

— Добрый, — отозвался будущий нефтяной магнат и кивнул на стул. — Кофе?

— Я думаю, что ни у вас, ни у меня на кофе времени нет, — деловито произнес Кирилл. — Если можно, я сразу по существу.

Президент едва заметно усмехнулся. Было видно, что такая деловитость пришлась ему по вкусу.

— Как вам уже доложили, я хочу участвовать в конкурсе соучредителей вашей компании. Мне известно, что для участия в конкурсе нужно иметь не менее трех миллионов долларов. Так вот, я имею такую сумму. Деньги лежат в швейцарском банке. Я имею право беспрепятственно снять их в любое время.

Слова посетителя не произвели на нефтяного короля ни малейшего впечатления. Президент также жестко и пристально изучал Углова и, казалось, чего-то выжидал. Наконец, после томительной паузы, он нарушил молчание.

— Наша компания действительно проводит конкурс инвесторов, но мы требуем от них полную финансовую прозрачность.

Кирилл широко улыбнулся и полез в карман.

— Мой капитал настолько прозрачен, что в комментариях

не нуждается. Не буду многословным. Убедитесь сами, — произнес победным тоном Кирилл и положил перед президентом узкий конверт.

Президент недоверчиво взял его в руки, внимательно прочел адрес, осмотрел все штампы и только после этого вынул письмо. Он, не спеша, прочел содержимое конверта и снова не один мускул не дернулся на его скулах.

— Но здесь указана фамилия Дементьева.

— Эта моя жена. Дементьева — ее девичья фамилия.

Президент слегка приподнял бровь и спросил:

— Вы не вправе распоряжаться этими деньгами без письменного согласия жены.

— Жена согласна! — соврал Кирилл. — Мы оформили документально, что она уступает мне право распоряжаться этими деньгами по моему усмотрению. Так что с этим проблем нет.

Взгляд президент сделался недоверчивым. «Как все-таки он чутко чувствует ложь», — подумал Кирилл. После некоторого молчания президент спросил.

— Почему вы хотите вложить деньги именно в нашу компанию?

— Потому что вижу в ней перспективу, — не моргнув, соврал Кирилл. — И потом, я патриот.

С патриотизмом Кирилл перегнул. Это он почувствовал и сам. А президент, снова уловивший ложь, задумался. После минутного молчания, магнат произнес:

— Что ж, вы должны предъявить нам доказательства, что жена передает вам полные права на распоряжение ее капиталом. После этого мы будем говорить детально. А сейчас, извините, я спешу в аэропорт.

Президент поднялся и протянул Кириллу руку. После чего улыбнулся и произнес:

— В мое отсутствие пакет документов может рассмотреть мой советник.

10

Это была почти победа. Да не почти, а полная победа. Если подал руку и явно намекнул, чтобы Кирилл не затягивал с документами, то понятно, что заинтересовался. Выйдя из офиса вне себя от радости, Углов сразу поймал такси и помчался в аэропорт. Душа пела. А тут еще, как в дополне-

ние к счастью, позвонила Олеся.

— Олеська, поздравь! — по-мальчишески взвизгнул Кирилл. — Они заинтересовались. Только потребовали доказательства, что я могу распоряжаться этими деньгами по своему усмотрению.

— Что ж, поздравляю. А жена тебе позволит распоряжаться ее наследством?

— Куда она денется? — засмеялся Кирилл. — Тут, я думаю, никаких проблем не будет.

— Ты уверен?

— Во всем уверены только идиоты. Но тут я даю стопроцентную гарантию.

— Ты еще ее любишь? — спросила Олеся.

Улыбка мгновенно слетела с лица Углова.

— Я люблю только тебя. А ее ненавижу.

— И давно ненавидишь?

— С девяносто первого года. У меня были очень серьезные проблемы, а она, вместо того, чтобы поддержать мужа, завела обожателя. Ей никогда не было дела до моих проблем. Она занималась только собой. Полная эгоистка!

— Почему же ты ее не бросил? Ведь у вас не было детей.

— Это трудно объяснить. Так получилось, что я с самого начала внушил себе, что отвечаю за ее жизнь. Бред какой-то! Почему отвечаю? С чего я взял? Почему у меня за нее всегда тревога? То ли потому, что она такая неприспособленная, то ли потому, что я такой дурак: хожу за ней, как за инвалидом. Ой, извини! Я опять о своем. Ты когда прилетишь?

— На днях, не раньше. Не скучай. Желаю удачи!

— Целую.

Мужчина вдохнул полную грудь и блаженно зажмурил глаза. После разговора с Олесей Кирилл всегда испытывал бодрость и свежесть, словно хлебнул глоток родниковой воды. Но только глоток. Вдоволь он не напивался никогда.

Олеся вошла в его жизнь всего два месяца назад, а теперь он не представлял без нее свое существование. Эту девушку привела к ним подруга Лианы, Тамара. В тот день у Кирилла было паршивое настроение. Заболела Лидия Петровна, и Лиана сама взялась приготовить ужин.

— Что же ты ничего не сварила? Ведь целый день дома, — проворчал Кирилл, придя с работы.

— То, что я приготовлю, нужно есть с огня, — лукаво произнесла Лиана.

Прошла часа полтора, или даже больше, прежде чем жена позвала ужинать. Она встретила мужа в белоснежном фартучке, со сверкающим взглядом и таинственной улыбкой на устах. На столе уже стояли две фарфоровые тарелки, и в плетеной корзиночке лежало два кусочка заветренного хлеба.

— У нас что, нет хлеба, — нахмурился Кирилл.

— Я не успела сходить за свежим. Нам хватит, не волнуйся. Черствый хлеб очень полезен для желудка. Садись. Я приготовила нечто! — Лиана встала в торжественную позу и, откинув руку в сторону, произнесла: — Это по изысканному французскому рецепту! Суп из сырка!

Жена радостно рассмеялась, взяла со стола тарелку и плеснула в нее половник какого-то мутного пойла. Если бы столько плеснули кошке, она бы обиделась, но Кирилл решил отмолчаться, поскольку был зверски голоден. В супе плавали две крошечные картофелины, шепотка моркови и лавровый лист. В три секунду проглотив эту изысканную похлебку с куском черствого хлеба, Кирилл поднял голову на жену. Она смотрела в глаза, не мигая.

— Ну, как? — спросила с горящим взглядом.

— Налей еще! — выдохнул Кирилл.

Хозяйка победно поднялась с места, торжественно взяла его фарфоровую тарелку и плеснула еще один половник.

— Лей больше! — подал голос Кирилл.

— А больше нет. Тебе понравилось? Что я говорила! Это одно из любимых блюд королей Бурбонов.

Лиана понеслась щебетать про тонкий, изысканный вкус этого супа, а Кирилл, уплетая его, угрюмо думал, что лучше бы она приготовила чего-нибудь попроще, но по существу, этакое рабоче-крестьянское, скажем, макароны с котлетой, или картошку с поджаркой. «На кой пес мне сдались твои Бурбоны?»

Когда после трапезы Кирилл заглянул в холодильник в надежде восполнить все еще сосущий желудок, то наткнулся на абсолютную пустоту. Вот жизнь! Не явись один раз домработница и в доме полная разруха. Впрочем, на одной из полок холодильника лежала половинка плавленого сырка. «Она даже не соизволила использовать весь сырок для своего французского блюда», — с досадой отозвалось в голове.

Кирилл проглотил остатки одним глотком и отправился в гостиную смотреть телевизор. Вот в эту минуту и явилась подруга Лианы Тамара с какой-то юной девицей. Кирилл

слышал с дивана, как восторженно щебетала Лиана, расписывая свое изысканное французское блюдо из половинки сырка.

— Кюрише так понравилось, что он попросил добавки.

— Дашь рецепт?

— О, рецепт очень непростой. Я подумаю.

— Подумай! Собственно, я к твоему мужу с просьбой.

Кирилл насторожился. Он не любил, когда к нему обращались с просьбой. «Наверно, пришла попросить займы», — неприятно мелькнуло в мозгах.

Они втроем вошли в гостиную, и Тамара, после короткого приветствия, обратилась к хозяйину со следующей просьбой:

— Хочу попросить для этой милой девушки твой ноутбук. Всего на один день. Это моя студентка. Она очень аккуратная и ответственная. Ей нужно дописать диплом.

Сердито взглянув на студентку, Кирилл хотел ответить, что не имеет привычку давать свои вещи чужим людям, но внезапно смутился. Студентка смотрела на Кирилла внимательно и необыкновенно серьезно. «А она прехорошенькая», — неожиданно пронеслось в голове.

Девушка была в облегающих джинсах, которые подчеркивали ее спортивные ноги, и серой футболке, которая волнующе обтягивала грудь. Ее волнистые волосы пепельного цвета были собраны в аккуратную шишку, тем самым, оттеняя красивый изгиб шеи. Кошачий разрез глаз, предавал лицу какую-то особенную прелесть. Впрочем, она вся была похожа на кошечку: такой же гибкой и изящной. Неожиданно, гостья произнесла, не отрывая синего взгляда от хозяина.

— Если какие-то сложности, мы не настаиваем. Я понимаю, что вещь дорогая.

— Да, — неохотно отозвался Кирилл. — Я свой компьютер никому не даю. Эта вещь сугубо индивидуальная. — Однако, скользнув взглядом по ее упругой груди и стройным ногам, хозяин неожиданно для себя спросил: — Много вам нужно делать?

— Не очень. Где-то на час работы.

— Тогда садитесь у меня в кабинете и делайте.

Девушка улыбнулась, а жена с подругой облегченно вздохнули. Лиана сразу защебетала, что у нее есть замечательный кофе. Даже не кофе, а что-то нечто. Правда, к кофе ничего нет, поскольку домработница заболела, но Тамара тут же успокоила, сказав, что у нее в сумке пачка печенья.

Женщины отправились на кухню, а Кирилл повел девушку

на второй этаж. Он шел за ней и млел от того, как она гибко двигалась. Все-таки его жена несколько коровообразна.

Потом он украдкой любовался тем, как она работала на компьютере: деловито и энергично, быстро набирая что-то по-английски.

— Ты знаешь английский? — спросил он.

— Не очень хорошо. В совершенстве владею только немецким и французским.

— Сколько тебе лет? — изумленно вырвалось у Кирилла.

Она подняла на него серьезные глаза и произнесла без всякого кокетства:

— Двадцать один.

Когда через некоторое время хозяин провожал гостей, то уже понимал, что по уши влюблен в эту девушку. Она красивая, деловая, умная, а главное — самостоятельная. Кирилл даже не подозревал, что на свете бывают самостоятельные женщины. На прощание он сказал ей:

— Если у тебя опять появятся проблемы, мой компьютер всегда к твоим услугам.

— Возможно, я воспользуюсь вашим предложением, — обаятельно улыбнулась девушка, и ее взгляд упал на кошку. — Ой, — произнесла она нежно, — это русская голубая?

Но тут минорное настроение прощания как всегда испортила Лиана. Она резко схватила Мурку за живот и радостно пощebetала:

— О, это очень непростая кошка. Это нечто.

В ту же секунду это нечто вцепилось острыми коготками в белое запястье хозяйки. Лиана вскрикнула и швырнула кошку на пол. А когда на руке появились две крохотные капельки крови, хозяйка побледнела и повалилась в обморок.

Ее откачали дружной молотью по щекам. Лиана пришла в себя и плаксивым голос проскулила:

— Ты же знаешь, Кирилл, как я боюсь крови. Моя мама тоже боялась крови... Это у нас родовое...

Гости ушли с весьма растерянными лицами, а Кирилл до полуночи приводил жену в чувства. Лиана утихла только в два часа ночи. «Ну, слава тебе, Господи, заснула», — с облегчением вздохнул Кирилл. Однако через минуту Лиана внезапно проснулась и с ужасом в глазах прошептала:

— Мама, что это за солдат стоит с тобой?

Это был усатый двадцатидвухлетний красавец с погонами ефрейтора. Дементьевы встретили его на рынке. Сразу бросилось в глаза, что он родом не из Сургута.

Когда мама с дочкой проходили мимо, он оторвался от мясного прилавка и остановил свой мечтательный взор на Ниночке. Это и понятно. Ниночка была писаной красавицей. На нее заглядывались многие мужчины. Многие заглядывались, да не все были званы. Перехватив взгляд ефрейтора, Ульяна взяла за руку дочь и, как бы невзначай, завернула к тому же колбасному прилавку, у которого стоял военный. Глаза демобилизованного потеплели.

— Как вас зовут, девушка? — спросил солдат, не сводя огненных глаз с красавицы.

Нина удивленно взглянула на военного, пожала плечами и, не ответив, спряталась за мать. Она еще не понимала той игры, которую затеяла родительница. «Какая все-таки она глупая», — с раздражением подумала Ульяна и решила взять инициативу в свои руки. Вдова обаятельно улыбнулась и ответила за дочь:

— Ниной ее зовут. А тебя?

— Степаном! — тряхнул головой ефрейтор.

— Едешь с японского фронта?

— Так точно! — браво отчеканил военный, не сводя влюбленных глаз с Ниночки. — С Дальнего Востока еду. Домой, в Москву.

Поскольку он был проезжим, на всякого рода сантименты времени не было. Нужно было немедленно брать его в оборот.

— Небось, голодный? — по-матерински посочувствовала Ульяна.

— Почему голодный? У меня полный мешок тушенки.

— Тушенки? — брезгливо поморщилась Ульяна. — А заглядываешься на колбаску. Тебе, небось, домашненького хочется покушать? Соскучился, небось, по-домашненькому?

Ульяна знала, что самый верный способ охмурить парня, это пригласить его на обед. Разумеется, солдат с большой охотой согласился отобедать с красивой девушкой и с ее сердобольной матушкой.

Когда они шли в барак, Ульяна, как бы невзначай, подтолкнула дочь поближе к военному. Солдат охотно вступил с красавицей в разговор, но Нина только стеснительно поддакивала, да иногда отнекивалась. «Глупышка, она до сих пор

не догадалась, с какой целью мать пригласила этого орла, — с досадой подумала родительница. — Нужно будет ей шепнуть».

Обед удался на славу. Ульяна не поскупилась, тем более что деньги у нее водились. Домашние щи из лосятины, жаркое, курица, колбаса и даже голландский сыр. На закуску хрустящие огурчики и грибы. Специально для гостя была куплена водка, а для женской половины вино. От такой артиллерийской атаки трудно не потерять рассудок.

Степан осоловел и от водки, и от еды. Его глаза стали еще более масляными, а когда он смотрел на Нину, то зрачки сверкали таким откровенным огнем, что становилось неловко. Ульяна угощала гостя все новыми и новыми кушаньями, а Нина смущенно прятала глаза. «Ну, прямо-таки сама целомудренность, — досадовала про себя родительница. — Хоть бы улыбнулась для приличия».

Парень оказался веселым. Выяснилась, что, ко всему прочему, он умеет играть на гармошке. «Ну, точно, как мой Гришка, — прослезилась Ульяна. — Видать, судьба».

Гармошка была тут же принесена из соседней комнаты, и Степан принялся залихватски раздувать меха, не сводя огненного взора с Ниночки. К песням под гармонию, а затем к пляскам присоединились и соседи. Степан очаровал весь барак. Все по очереди на ухо одобряли выбор Ульяны, только Ниночка по-прежнему не понимала, что происходит у них в доме.

Веселье закончилось далеко за полночь. Ефрейтора уложили на перину в комнате Ульяны, а сами хозяева отправились ночевать к бабе Клаве. Там-то мать и вправила мозги своей полусонной раскрасавице. Дочь расширила глаза и ничего не ответила.

— Он тебе хоть нравится? — с раздражением спросила Ульяна.

— Нравится, — ответила Ниночка умирающим лебедем.

В ту ночь Ульяна не сомкнула глаз. Она до рассвета шептала молитвы и думала о том, что ее труды и лишения не пропали даром. Эта самая достойная партия для ее любимой дочери.

Дальше все пошло как по маслу. На второй день Степан с Ниной пошли в кино, а после сеанса отправились гулять по городу. Обалдев от Ниночки, солдат совершенно забыл, что ему нужно возвращаться в столицу. Это было хорошим знаком. Пропустив шесть поездов в Москву, Степан, наконец,

решился сделать Ниночке предложение.

Свадьба прошла шумно и весело. Столы поставили на улице у барака. Пара была необыкновенной. Полюбоваться на нее приходили со всех концов Сургута. Нужно ли описывать счастье матери, которая добилась того, о чем мечтала. Перед брачной ночью, которая проходила в комнате Ульяны, мать растроганно расцеловала зятя и показала ему сундук с приданным.

— Теперь это твое! Ты не думай, что мы нищие.

Степан вытаращил глаза и присвистнул.

Молодая пара прожила в браке ровно десять дней. Ульяна в это время перешла в комнату к бабе Клаве, которая пообещала после смерти оставить ей свое убогое жилье. Но о жилье Ульяна не беспокоилась. В принципе, она восемь месяцев в году пропадает в тайге. Если Родина прикажет, она будет шататься по тайге и все двенадцать месяцев, лишь бы дочка была счастлива.

Единственно, что беспокоило тещу, — это то, что солдат сам готовил еду и стирал свои вещи. Он вставал на рассвете, выходил во двор, энергично умывался под колонкой и начинал возиться по хозяйству. Ниночка почти до полудня нежилась в постели.

— Что же ты не готовишь мужу обед? — укоряла дочку Ульяна.

— А я не умею, мама.

— Эх, — морщилась Ульяна. — Баба Клава тебя не научила, а мне было некогда. Давай учишься у мужа. Он у тебя на все руки от скуки.

На десятый день молодожены засобирались в дорогу.

— Мы решили с Ниночкой ехать в Москву, — весело заявил Степан. — Москва все же столица, не то, что эта глухомань. Да и родителям нужно показать жену.

Ульяна сначала расстроилась, а потом подумала, что так молодоженам лучше. Действительно, чего им, молодым и красивым, гнить среди комарья и гнуса.

Молодые распахали приданое в два чемодана и отправились на вокзал. Мать пошла их провожать. У перрона ее отпустили военные, которые возвращались с Японского фронта. В то время ни о каких билетах не могло быть речи. За пять минут до отправления эшелона на перрон выпускали толпу, а там уже — кто первый добежит. Степан с Ниной пробрались почти в первые ряды. Толпа была раскалена и напряжена, словно стая волков при виде добычи. Самым

тягостным в посадке на поезд было ожидание сигнала.

Степан был необычайно серьезен. В обеих руках он держал по чемодану, а сзади ни жива ни мертва стояла Нина.

— Держись за ремень и не выпускай, даже если будут за-таптывать, — произнес он сквозь зубы.

И вот над привокзальной площадью раздался долгождан-ный возглас «Посадка», и милиционеры, сдерживающие толпу, резво отпрыгнули в сторону. Толпа с ревом, криком и визгом рванулась к поезду. Через три минуты уже все вагоны были заполнены до отказа, а не успевшие лезли на крыши и на паровоз. Даже когда поезд тронулся, и тогда люди кида-лись на вагоны и гроздьями висли на подножках.

Эшелон ушел. Те, кому не удалось попасть в вагон, угрю-мо возвращались назад, матерясь и сплевывая под ноги. И вдруг среди них Ульяна увидела Нину. Она понуро плелась сзади, держа в руках солдатский ремень. Дочь подошла к матери, расстроено посмотрела в глаза и вдруг разрыда-лась.

— Мама, ремень расстегнулся.

12

Когда Кирилл вошел в палату к жене, то по ее виду понял, что разговор предстоит нелегкий. Лиана демонстративно смотрела в потолок, хотя прекрасно видела, что к ней явился муж.

Супруг сгрузил на тумбочку апельсины с бананами, соки и всякого рода деликатесы, которые обожала жена, после чего наклонился и поцеловал ее в губы. Лиана не шелохнулась.

— Ну, как ты? — спросил он ласково.

Жена обиженно взглянула на него и по-детски скривила губы:

— Разве не видишь, что умираю?

Кирилл подавил улыбку и произнес как можно деликат-нее:

— А врач сказал, что ты идешь на поправку.

— Почему вчера не пришел? — плаксиво спросила она.

— Как не пришел? — удивился Кирилл. — А кто был ут-ром?

— Я говорю про вечер. Ты опять летал в Казань? Лучше честно признаться, чем морочить голову жене. Скажи, у тебя есть любовница? Может, у тебя и дети уже есть?

— Ну что ты, — ласково проворковал Кирилл, погладив ее руку. — Ты же знаешь, что я люблю только тебя, и что мне больше никого не надо...

— Правда? — хлопнула глазами больная.

— Когда я тебе врал?

«Ну, слава Богу, — с облегчением подумал Кирилл. — Первая часть прошла без эксцессов». После этого следовало немного помолчать, прикинуться безумно влюбленным. Он поднес к губам ее руку, а она дурашливо захлопала глазами.

— Мне здесь плохо, — пропищала Лиана. — Я хочу домой. С тобой. И чтобы ты больше никуда от меня не уезжал, а то на меня опять нападет черный человек.

— Успокойся! Никто на тебя больше не нападет. Кстати, что это за пустой флакон стоял под твоей кроватью?

— Флакон? — подняла брови больная. — Какой еще флакон?

— По моему, от одеколona «Шипр».

— Фу, какая мерзость, — сморщилась она. — Не видела я никакого флакона. Ты меня с кем-то путаешь. Я «Шипром» не душусь.

— Понятно! — выдохнул Кирилл, не рискуя больше углубляться в этом направлении. — Наверное, эксперты оставили, когда осматривали дом. Должно быть, жидкость для проявления отпечатков.

Снова помолчали. Кирилл подумал, что эксперты его дом не осматривали. Осматривала бригада патрульной службы. Только не это сейчас было важно. Углова волновало другое: с чего лучше начать. Однако начала Лиана.

— Ты мне ничего не хочешь сказать?

— Что именно? — насторожился Кирилл.

— Ты пришел к жене и не знаешь, что ей сказать? Я хочу услышать только одно: ты меня любишь?

— Я же тебе сказал, что люблю, — удивился Кирилл. — Сразу, как вошел. Ты разве не помнишь?

Лиана гневно брызнула глазами, и Кирилл почувствовал, что грядет истерика. Муж молниеносно натянул на себя счастливую улыбку, вытащил из кармана конверт и протянул ей.

— Да, чуть не забыл! У меня к тебе сюрприз. И весьма приятный. Прочти внимательно, что прислали нам из Швейцарии.

— Что это? — брезгливо поморщилась больная, покосившись на конверт. — Я не собираюсь портить глаза. Про-

чти сам.

— В общем, на твое имя из солидного швейцарского банка пришло письмо. Суть в нем такова. Твой дед, Григорий Дементьев, в 1924 году положил в национальный китайский банк города Харбина очень крупную сумму денег. Соучредителем этого банка были швейцарцы. После китайской революции, банк удалось эвакуировать в Швейцарию, так что твой дед автоматически сделался клиентом престижного швейцарского банка. Поскольку ни он, ни его потомки впоследствии не обратились в Международный банк, деньги преспокойно лежали на счету и обрастали процентами. Недавно банковская служба самостоятельно провела расследование и выяснила, что Лиана Углова, в девичестве Дементьева, является единственной наследницей состояния своего деда.

Глаза больной сделались шальными.

— И какова сумма?

— Ровно три миллиона долларов.

— Опять врешь! — дико взвизгнула супруга и вырвала из рук конверт.

Ее глаза настолько алчно бегали по листу, что Кирилл отвернулся. Прочтя письмо дважды, Лиана прижала его к груди и счастливо зажмурила глаза.

Она лежала, не шевелясь, довольно долго и, может быть, пролежала бы до ночи, но Кирилл, с которого сошла семь потов, тронул ее руку. Лиана вздрогнула и быстро спрятала письмо под одеяло.

— Я срочно вылетаю в Швейцарию, — прошептала она с сумасшедшим блеском в глазах.

— Зачем? — через силу улыбнулся Кирилл.

— За деньгами!

— В этом нет необходимости. Они переведут на твое имя столько, сколько пожелаешь. В любой Российский банк. И в любой валюте.

— Мне не нужна часть. Мне не нужны все деньги.

— Зачем? — изумился Кирилл.

— Затем, что тебя не спросили, — произнесла она с раздражением. — Это мои деньги. И я буду распоряжаться ими так, как заблаговолю.

Кирилл растерялся. Такого поворота он не только не ожидал, но и не мог представить в мыслях. Мужа сразу покорило ее высокомерное «я», как будто они не одна семья.

— А ты не хочешь спросить совета у супруга, — произнес

он робко.

Она пронзила мужа презрительным взглядом и ответила:

— Я не нуждаюсь ни в чьих советах. А тем более, в твоих.

Черт возьми, откуда взялась эта жесткость? Где ее прежняя беспомощность, где пархучесть? «Надо же, как деньги меняют человека?» — покачал головой Кирилл.

— Послушай, Лиана, ты совсем не знаешь жизни, — грустно произнес Кирилл. — Поверь, что как только ты снимешь деньги со счетов, тебя сразу обберут. Это в лучшем случае. А в худшем — прикончат.

— Что? — выгнула брови Лиана. — Ни городи ерунды! С такими деньгами я могу нанять полк телохранителей.

— Вот этот полк тебя и прикончит! — жарко воскликнул Кирилл. — В этом мире контролируется все! Запомни! Стоит тебе в Швейцарии снять со счета миллион долларов, через три минуты об этом будут знать все бандиты Чикаго. Ты не знаешь жизни! Ты никогда не интересовалась, как я зарабатываю деньги, и кто мои коллеги? А мои коллеги — обыкновенные уголовники, которым я каждый месяц отстегиваю столько, сколько они требуют. Потому, что иначе нельзя. Иначе мне крышка.

— И много они требуют? — удивилась Лиана.

— Это зависит от того, сколько я заработаю. Они контролируют каждый мой рубль. Я у них в пожизненной кабале, понимаешь? Если они пронюхают, что у моей жены три миллиона баксов в Швейцарском банке, мы больше не жильцы.

— Ну, во-первых, не мы, а ты, — высокомерно поправила Лиана. — И будь добр, не грузи на меня свои личные проблемы...

— Дура набитая! — взорвался Кирилл. — С тобой даже разговаривать не будут. Накачают наркотиками, отвезут в Швейцарию и снимешь все деньги, как миленькая. А потом тебя утопят в ближайшем фонтане. Потому что у тебя нет крыши, и защитить тебя некому.

Глаза Лианы, наконец, блеснули осмысленным светом. Она испуганно взглянула в глаза супругу и спросила:

— Что же мне делать?

— Не тебе, а нам, — грубо поправил Кирилл, — потому что сама ты ничего не сделаешь. А сделать можно только одно: уйти под более солидную крышу.

— Это куда? — встревожилась Лиана.

— Под крышу крупной нефтяной компании. Туда, куда уголовка не суется, поскольку это другой уровень.

Жена поводила глазами и произнесла:

— Хорошо, я подумаю.

— Думай, но быстрее! — с раздражением ответил Кирилл. — Иначе поезд уйдет.

Лиана вытащила из-под одеяла письмо, снова перечитала его, затем внимательно осмотрела конверт:

— А почему ты вскрыл письмо? — скандално вскрикнула она. — Ведь оно предназначалось мне. Разве приличные люди вскрывают чужие письма? А почему здесь дата 24 июня? Ты полтора месяца водил меня за нос? Значит, ты что-то задумал?

— Да, боже ты мой! — простонал Кирилл.

13

Как можно было рассказать ей о письме? Она сразу потеряет голову и первым самолетом сорвется в Швейцарию. И при этом каждому встречному будет журчать, что она известная Швейцарская миллионерша. А деньги не любят великосветской трепотни. Они предпочитают тишину и покой. Они избирают тех, кто умеет держать язык за зубами. Иначе, крышка.

Вечером неожиданно позвонил участковый Житков. Кирилл сидел перед телевизором в жутком настроении. Он всего ожидал, но только не такого ослиного упрямства со стороны жены. И откуда у этой порхающей бабочки появился такой небывалый практицизм. Видно, правда, деньги меняют натуру человека.

Лейтенант сказал, что заявление Углова рассмотрели, и что органы поручили расследование этого дела участковому. Словом, сегодня он намерен прийти к нему в гости, чтобы задать несколько вопросов.

— Да-да, конечно, приходите. Я дома, — рассеянно пробормотал Кирилл.

Через час милиционер с кожаной папкой в руках переступил порог его дома. Хозяин горячо пожал руку гостю, и они прошли в гостиную. Расположившись в кресле, лейтенант деловито достал бумагу, щелкнул ручкой и внимательно взглянул на хозяина.

— Где вы были в ночь на пятое августа, когда на вашу жену напал черный человек?

Губы Кирилл искривились в иронической усмешке.

— Вы что же, думаете, на нее действительно напал черный человек? У нее просто глюки.

— Да, мы тоже так думаем. Но об этом позже, — произнес участковый. — И все-таки, где вы находились?

— В Казани я находился. Почивал в тридцать первом номере гостиницы «Сатурн».

— Кто это может подтвердить?

Кирилл изумленно вскинул брови.

— Ну, наверное, администрация гостиницы. Кто же еще? Я что-то не понимаю, смысла ваших вопросов.

— Вам и не надо понимать, — сухо ответил милиционер. — А что вы делали в Казани?

Кирилл задумался. Нет, ни о том, что он делал в Казани, а наоборот: правильно ли он сделал, что подал заявление в милицию? Расследовать им, по всей видимости, не хочется, поэтому так нагло напирают, чтобы заявитель отозвал заявление.

— Видите ли... Я ездил по своим делам. По каким, я ответить не могу. Это коммерческая тайна. Впрочем, одно могу сказать: я ездил на встречу с президентом нефтяной корпорации «Артнефтьинвест». Такой ответ вас устроит?

— Вполне, — кивнул милиционер. — Встреча состоялась?

— К сожалению нет! Он мне назначил на одиннадцать, а в десять позвонила жена. Мне пришлось срочно вылететь в Москву. Словом, я попросил, чтобы встречу перенесли на следующий день. В тот же день вечером я снова прилетел в Казань, переночевал в гостинице «Сатурн», а утром опять позвонила жена и с той же жалобой про черного человека. Но я всерьез это не принял, поэтому остался в Казани.

Кирилл раздраженно выбил сигарету из пачки и закурил. Милиционер продолжал внимательно наблюдать за хозяином.

— Значит, в тот день ваша встреча с президентом состоялась?

— Нет! — покачал головой Кирилл. — Сразу же после жены позвонил его советник и сказал, что у президента изменились планы, и он примет меня завтра. Однако на следующее утро мне позвонил начальник вневедомственной охраны и сообщил, что моя жена в больнице. Что мне оставалось делать? Отменить встречу и срочно вылететь в Москву.

— Значит, вы так и не встретились с президентом?

— Встретился. Вчера ночью я вылетел в Казань, и утром

он меня принял. А почему вы об этом спрашиваете? У вас есть подозрения, что я все это время находился в Москве? — тонко улыбнулся Углов.

— Нет, — ответил следователь, что-то строча в протоколе. — Мне известно, что вы трижды летали в Казань. Среди пассажиров «аэрофлота» есть ваша фамилия. Милиционер снова поднял глаза на Кирилла.

— Вы заранее договорились о встрече с президентом?

— Да, конечно, по телефону.

— Сколько бы дней могли продлиться ваши переговоры?

— Не дней, а минут! — рассмеялся Кирилл. — Мы все решили за десять минут.

— То есть, сразу после встречи, вы могли свободно возвратиться в Москву?

— Разумеется! Но к чему эти вопросы?

— А вот к чему, — сузил глаза участковый. — Если это так, тогда почему вы сняли номер в «Сатурне» на месяц, а не на два дня?

Кирилл растерялся. «Во дают? — подумал он. — Все разнюхали, мусора поганые». Хозяин пожал плечами и неуверенно промямлил.

— Видите ли... Дело в том, что если бы дело выгорело, мне бы пришлось еще некоторое время пожить в Казани. Так всегда делается. Оформление бумаг, составление договора. И так далее...

— А если бы не выгорело?

Кирилл потупил взор и замолчал. После некоторых раздумий он поднял глаза на милиционера и произнес:

— Я почему-то был уверен, что дело выгорит. Но к чему все это вопросы? Вы меня в чем-то подозреваете?

— Я обязан всех подозревать. Скажите, ваши переговоры прошли удачно?

— Да-да, все нормально! — оживился Углов, не подозревая подвоха.

— Тогда почему вы здесь, а не в Казани?

— Да потому что... — запнулся Кирилл, — потому что моя жена в больнице.

Прозвучало не очень убедительно. Конечно, лейтенант почувствовал, что хозяин дома темнит, но не рассказывать же ему про Олесю, про то, что Кирилл рассчитывал по ее возвращении из Женевы уговорить девушку приехать в Казань. Поэтому и снял номер на месяц.

— Понятно, — сухо произнес лейтенант, и Кирилл не по-

нял, что милиционеру понятно. — С формальностями закончили, теперь перейдем к другому. При беглом осмотре патрульная служба не обнаружили в вашем доме никаких следов постороннего человека.

— Его и не было! — усмехнулся Кирилл. — Это очередные глюки моей жены. Уж поверьте мне. Я ее знаю двадцать лет...

Кирилл осекся. Если он так уверен, что в доме не было посторонних, зачем было подавать заявление? Где логика? Милиционер, вероятно, подумал то же самое. Однако вида не подал.

— С ней и раньше случалось подобное?

— До такой степени, чтобы выпрыгнуть из окна, конечно, нет. Но капризы, истерики, жалобы — это постоянно.

— Почему же она до сих пор не стоит на учете в психоневрологическом диспансере?

— Ну... я не думал, что у нее разовьется до такой степени. Хотя я мог и догадаться. У нее мать закончила в дурдоме. И дед.

— И бабка, — добавил милиционер.

— Да? — почесал затылок Кирилл. — Не знал.

— Иными словами, — заключил участковый, — то, что произошло с вашей женой, не особенно вас удивило?

— Можно сказать, что так, — выпятил губы Кирилл. — Хотя... черт его знает.

Милиционер быстро дописал протокол, поставил точку и произнес:

— На этом все! Извините, что потревожил в такой поздний час. Я хочу взглянуть на место происшествия.

Мужчины поднялись в спальню, и милиционер принялся энергично обследовать окно. Он распахнул все четыре створки, взглянул вниз и цокнул языком. Затем осмотрел дверь, кровать и, наконец, его взгляд уперся в пустой флакон на тумбочке.

— Кстати, — кивнул Кирилл на пузырек. — Это, видимо, оставили ваши. Такой одеколон мы не держим.

— Когда и где вы обнаружили склянку? — подозрительно выгнул брови участковый, беря в руки пузырек.

— Под кроватью обнаружил. Сразу же после приезда из Казани.

Милиционер, не спеша, открыл крышку и поднес к носу. Глаза его округлились, лицо вытянулось. Он тут же спрятал флакон в карман и спросил:

— А не могла этот флакон принести домработница?

— Ей-то зачем! — удивился Кирилл.

— Понятно. Ну что ж, на этом все. Еще раз прошу извинить за беспокойство, — вежливо произнес участковый и направился вниз.

— Постойте, — произнес Кирилл. — Это вы меня извините, что я, не подумав, подал заявление. Нельзя ли отозвать его обратно?

— Можно! — оживился участковый.

— Вот и прекрасно! Считайте, что я его отозвал.

14

На следующее утро позвонила Олеся. Это было единственный раз, когда Кирилл не обрадовался ее звонку, потому что обрадовать было нечем.

— Привет, Олеся! — произнес он унылым голосом. — Мои дела — дрянь. Жена ни в какую не хочет делиться наследством. А я двадцать лет ее кормил. Во, дурак! Если бы знать раньше... Честно говоря, никак не думал, что так получится. Впервые в жизни не знаю, что делать?

Олеся Жизнерадостно рассмеялась:

— Жизнь имеет привычку преподносить сюрпризы. Плохо, значит, убеждал.

— Убедить можно много человека. Убеждать глупого — все равно, что читать мораль барану.

— Но глупый больше поддается обману, — снова рассмеялась Олеся. — Это тебе к размышлению. А я прилетаю через три дня.

— Через три дня! — простонал Кирилл, и было непонятно, то или это эмоции радости, то ли ужаса.

— Как я поняла, мне лететь сразу в Казань?

— Да, конечно, — захлебнулся слюной Кирилл. — Я для тебя забронировал номер. Через три дня я встречу тебя в Казанском аэропорту. За это время я вывернусь наизнанку, но вырву у Лианы договор. Иначе я перестану себя уважать!

— Желаю удачи! — весело рассмеялась Олеся. — Смотри, не переусердствуй.

Раздались короткие гудки. Кирилл не понял смысла последнего пожелания. Его также обескуражила чрезмерная веселость Олеси, но в принципе он понял установку: «глупый больше поддается обману». До чего умная девушка. А ведь

ему ли не знать, что женский пол более доверчив к лгунам. Как он об этом мог позабыть? Словом, напрасно он сказал жене, что они под пятой у братвы и что через месяц их выкинут из дома. Хотел разжалобить? Но разжалобить можно бедняка. Богатые жалости не знают. Словом, врать, врать и еще раз врать!

По пути в больницу Кирилл думал о том, как сломить сопротивление Лианы? Нужно очень виртуозно влезть в ее душу, чтобы запудрить ей мозги. Но, как назло, в голову ничего не приходило.

В больничном коридоре Углов неожиданно столкнулся с Тамарой. Она была очень сердитой.

— Привет, — улыбнулся Кирилл. — От моей? Как она там?

— Прекрасно твоя! — сердито рыкнула Тамара. — Как всегда, цветет и пахнет.

Подруга семьи собралась проскользнуть мимо, но Кирилл преградил путь.

— Ты чем-то расстроена?

Тамара подняла обиженные глаза на Кирилла и поставила руки в боки.

— Скажи, милый мой, кого она из себя воображает? Я срываюсь с работы, чтобы навестить больную подругу, потому что искренне переживаю, а она встречают меня с таким высокомерием, что даже медсестры вытаращили глаза. Может, она думает, что я прислуга? Как у нее неприятности, так она сразу ко мне: «Тамарочка, помоги!» Как у нее все хорошо, о Тамарочке забывают. За всю жизнь она ни разу не пригласила на свой день рождения. Не того я, видите ли, поля ягода для ее светских вечеринок. Зато, если ей что-нибудь нужно, она может позвонить в два часа ночи, не считаясь с тем, что у меня муж и дети, и что я с утра до ночи пашу в своем институте.

Тамара перевела дух и зло сверкнула глазами. Кирилл взял ее за руку и сочувственно заглянул в глаза:

— Что она тебе сказала?

— Что скоро уедет в Италию. Что здесь люди не ее круга. В Москве, видите ли, нет ни одного человека, кто был бы достоин ее общества. В Италии, или Франции — другое дело. Там можно найти настоящих мужчин: тонких, изысканных и красивых.

— Мужчин? — поднял брови Кирилл.

— Именно мужчин. Она сказала, что теперь ей по средст-

вам завести любого светского льва. Словом, лечиться ей надо. Кстати, — хохотнула Тамара, — про тебя она сказала, что ты тряпка. Что за двадцать лет ты не смог поставить семью на ноги: нахватал долгов и попал в зависимость к бандитемам. Вот и все твои достижения.

— Да? — нахмурился Кирилл. — Так и сказала? Странно. А она с тобой поделилась, на какие средства собралась завести светского льва в Италии?

— Нет, — выдохнула Тамара.

«Слава Богу», — подумал Кирилл.

— Извини, мне нужно идти.

— Всего доброго, Тамара, — улыбнулся Кирилл. — Ты уж прости ее. С ней и не такое случается.

Женщина пошла дальше, а Кирилл погрузился в раздумье. «Вот же черт! Плейбоя ей римского подавай», — подумал он.

Оказывается, муж совсем не знал свою супругу. В ту же секунду в его голове созрел блестящий план.

Кирилл вошел в палату с сияющей улыбкой, держа в одной руке розы, в другой — ананасы. Посетителя не обескуражило, что жена его встретила довольно прохладным взглядом. Муж подлетел к ней, словно на крыльях, восторженно поцеловал в щеку и положил на грудь розы.

— Я нашел! Нашел выход, — прошептал он сладострастно, и влюблено поглядел в глаза. — Я узнал, куда можно без риска для жизни вложить эти миллионы, и через год получить десять. А через два года двадцать! И с каждым годом все больше. С такими деньжищами можно путешествовать по свету на собственной яхте и в каждой стране иметь по дворцу. Это очень солидная нефтяная компания. В ней даже рядовые сотрудники, имеют виллы в Италии, на берегу моря. Жены работников живут в них круглый год, поскольку Москва их напрягает.

Тут Кирилл вошел в раж и начал расписывать красоты Италии: ее рассветы и закаты, их темпераментных женщин и романтических мужчин. Откуда только взялось красноречие? Покончив с географией и фауной, он принялся описывать итальянскую кухню, о которой имел весьма смутное представление. Однако упор делал на вино, сыр и омаров.

Речь возымела эффект. Глаза Лианы потеплели.

— Ближе к делу. На каких правах я буду в этой компании?

— Не ты, а мы! Мы будем соучредителями. Войдем в совет директоров. Поясняю, это те, кто делит прибыль между

собой в первую очередь. А что остается, кидают сотрудникам. Разумеется, в компании нужно работать, участвовать в заседаниях, принимать решение, но главное, отслеживать денежные потоки. Тебе это не под силу. Всем этим буду заниматься я. А тебе я сразу куплю виллу в Италии, и ты будешь жить в ней в свое удовольствие. Вернее, куплю не сразу, а через три месяца. Сама понимаешь, в компании нужно себя показать. Пусть это тебя не беспокоит. Ты будешь жить в Италии, а я буду к тебе прилетать на собственном самолете.

Глаза Лианы сладострастно заблестели.

— Три месяца? Так долго?

— Что делать? — развел руками Кирилл. — Красивой жизни люди ждут десятилетиями. Ну, как тебе мой вариант? Устраивает?

— Устраивает! — звонко щебетнула Лиана.

— Будем оформлять документы?

— Будем! — как говорила моя бабушка Ульяна, хватаясь за очередную рюмку.

— Эта та, у которой сорвало крышу? — подмигнул Кирилл.

— С чего ты взял? — насторожилась Лиана.

— Участковый сказал.

15

Ульяна еще по наивности всматривалась в военных, возвращающихся с перрона. Когда привокзальная площадь опустела, вдову, словно ударили булыжником. В ту же минуту она поняла все. Женщина закрыла лицо руками и медленно опустилась на землю.

— Ты чего, мама, тебе плохо? — заволновалась Нина. — Встань немедленно. Люди смотрят.

Но Ульяна уже не могла встать. Ноги ее не держали.

— Он уехал со всем нашим добром, — прошептала она через ладони. Затем добавила будто помешанная: — И к вам за всю жизнь не прилипнет ни копейки, а ежили прилипнет, у вас тут же ее и отымут...

— Чего ты плетешь, мама? Не надо! Страшно... Степа напишет письмо. Он укажет в нем адрес, и я к нему приеду.

Ульяна не ответила. Зачем расстраивать наивную дурочку?

Они возвратились домой под сочувственное молчание барака. Никто ни о чем не спросил. И без слов все было понятно. Только баба Клава, перекрестившись, прошептала:

— А на вид такой приличный человек.

Ульяна молчала две недели, пугая соседей своим отрешенным видом. Она не отвечала на вопросы и в упор никого не узнавала, даже дочь. Ее старались не трогать, а тем более не надоедать пустыми соболезнованиями. Только, когда Нина куда-нибудь уходила, Ульяна начинала раскачиваться на стуле и шептать:

— Шестнадцать лет по крохам собирала. И все исчезло в один миг. Это благодаря тебе, батя! Чтоб тебе пусто было на том свете!

За две недели энергичная, моложавая Ульяна превратилась в сухую, сгорбленную старуху. Она так и не оправилась от удара. Стала заговариваться, а ночами вести долгие беседы со своим покойным Григорием. Пришлось отправить ее в лечебницу для душевнобольных. Там она прожила около года, а потом умерла.

Похоронив мать, Нина решила отправиться в Москву на поиски Степана. Она не знала адреса, зато помнила фамилию. Почему-то девушка думала, что стоит ей приехать в Москву, и она сразу отыщет своего исчезнувшего мужа. Любая незамужняя москвичка укажет, где живет этот красавец с погонами ефрейтора. А если не укажет, то в столице прекрасно работает справочная служба.

Как не отговаривали ее соседи по бараку, Нина все-таки связала узелок и подалась в Москву. Она стойко перенесла все дорожные тяготы, но, когда вышла на Московском вокзале, растерялась. Вокруг было столько народа. И все куда-то спешили.

Милиционер на привокзальной площади поднял ее на смех, когда она спросила, где проживает ефрейтор Степан Карганов?

— Если знаешь отчество и год рождения, обратись в справочное бюро, — ответил он. — Хотя вряд ли оно тебе поможет. В Москве тысяча Каргановых.

Справочное бюро действительно не помогло. Не помогли и в военкомате. Там к ней отнесли как к ненормальной.

— А вы кто ему приходитеесь, гражданочка?

— Женой.

— Законной женой? — выгнул бровь военком.

— Нет. Мы еще не успели расписаться.

— Ах, даже так! — развел руками офицер. — Вот когда ты с ним законно распишешься, тогда мы тебе его найдем.

Когда девушка сошла со ступеней комиссариата, было уже темно. Идти, кроме, как обратно, было некуда. Бедняжка вернулась на вокзал, где бурлила веселая, шумная жизнь и, не найдя свободного места, расположилась прямо на грязном полу, подложив под голову узелок.

Утром она не обнаружила под головой узелка. И как его смогли вытащить так тихо, что она не почувствовала? А в узелке были деньги. Теперь она была совсем одна в чужом городе (да что в городе, во всем мире) и без единой копейки.

Ничего не оставалось, как отряхнуть платье и отправиться неизвестно куда. Два дня она бродила по Москве без всякой цели, ночуя на том же вокзале, а на третий день под вечер попала в какую-то перестрелку. Бедняжка забежала в темную подворотню, села на корточки и закрыла лицо руками. Когда перестрелка прекратилась, об нее споткнулся милиционер.

— Ваши документы, гражданка.

— У меня нет документа. У меня украли паспорт вместе с узелком.

— Тогда пройдемте со мной.

Когда девушку привели в милицию и при свете лампы разглядели ее лицо, дежурный офицер покачал головой и, взглянув на постового, покрутил у виска.

— Ты кого привел?

— Она находилась на месте захвата банды, — развел руками постовой.

— Да ну? — удивился офицер. — Давай рассказывай, как ты попала на блатхату к бандитам.

— Я не попадала ни на какую блатхату, — испуганно произнесла девушка и горько заплакала.

Она рассказала им все: как приехала из Сургута в Москву искать мужа, который собирался взять ее с собой, но расстегнулся ремень; и как у нее вытащили из-под головы узелок, в котором были документы и деньги; и что она три дня ничего не ела, бесцельно слоняясь по городу; и как забрела в тот закоулок, где начали стрелять, и она от страха забежала в подворотню.

В процессе ее рассказа постовой с офицером несколько раз обменивались сочувственными взглядами. Когда девушка закончила, офицер сказал:

— Все ясно, гражданка. Вы свободны. Можете идти.

— Но я не знаю, куда мне идти? — всхлипнула Нина.

Постовой с офицером снова переглянулись, на этот раз недоуменно. После чего, дежурный поморщил лоб и произнес себе под нос:

— Определить ее в камеру что ли? Да утра! А? Как?

Подчиненный подумал и кивнул:

— До утра можно, пока начальства нет.

Офицер снял с вешалки шинель, накинул на плечи задержанной и лично препроводил в пустую камеру. Через некоторое время девушке принесли тарелку с овсяной похлебкой и кусок черного хлеба. Нина смолотила все это за три секунды, после чего тихо отрубилась на шинели дежурного офицера.

Спала она прекрасно. Утром проснулось от того, что услышала железный ляг отпираемого засова. Дверь отворилась, и на пороге появился уголовник с заломленными назад руками. Его сопровождал строгий охранник. При виде девушки небритый лик бандюги озарился лучезарной улыбкой.

— Никогда еще не сидел с бабами в камере? — развязно оскалился он. — Сержант, это не опасно?

— Заткнись! — произнес сержант и подтолкнул его в спину. — Быстро с шинелью на выход! — приказал он Нине.

Ее провели длинными коридорами и вывели на улицу. Вот тут на высоком крыльце КПЗ она и столкнулась с тридцатилетним капитаном Шемякиным, начальником угрозыска, определившим ее дальнейшую судьбу. Он задержал на красавице весьма заинтересованный взгляд и строгим голосом спросил:

— Кто такая?

— Я Нина Деменьева из Сургута, — ответила она испуганно.

— Как оказалась здесь?

— Случайно, — неуверенно ответила девушка.

— Ну-ка пройдем со мной.

Пришлось и ему рассказать всю историю с начала до конца. Он выслушал очень внимательно. Потом скользнул по ее налитой груди и тонкой фигуре. Глаза его при этом потеплели.

— Значит, тебе некуда идти? — спросил он задумчиво.

— Некуда, — судорожно вздохнула девушка.

— Не позавидуешь... — он пристально посмотрел ей в глаза и вдруг спросил: — Печатать на машинке умеешь?

— Нет! — хлопнула ресницами девушка.

— Придется научить...

Так Нина была принята в уголовный розыск на должность машинистки. В тот же день начальник определил ее в ведомственную комнату для рядового состава, в которой остался сам. Девушка приняла это как должное.

Девять лет она была его любовницей, несмотря на то, что Шемякин слыл примерным семьянином. У него росло двое детей, поэтому он не мог жениться на Нине, хотя впоследствии, кажется, искренне привязался к девушке. Нина же сама не знала, любила его, или нет. Скорее всего, была к нему равнодушна, хотя безропотно исполняла все его желания, отдаваясь начальнику по первому требованию.

На десятом году службы в органах Нине дали собственную квартиру в Черемушках. На этой квартире состоялась их последняя встреча с Шемякиным, после которой он ушел из ее жизни навсегда, кажется, на повышение. Его перевели куда-то в Министерство, и с тех пор Нина о нем больше не слышала.

Через две недели после их последней встречи, Нина почувствовала, что забеременела. «Надо же? На тридцать втором году? — прошептала она изумленно, выйдя от гинеколога. — Если родится дочь, я назову ее Лаурой. Нет! Лаурой — слишком избито. Лианой! Вот...»

16

Право мужа распоряжаться деньгами жены, наконец, было оформлено и заверено у нотариуса. Но как оформлено? Хуже и представить нельзя. Согласно договору, полноправной хозяйкой наследства оставалась Лиана, а Кириллу была всего лишь отведена роль презренного управляющего. На правах собственницы супруга в любую минуту могла отозвать свои деньги обратно, несмотря ни на какие договора управляющего. Вся прибыль с оборота также шла Лиане. Управляющему, согласно договору, не шло ни единого процента. За труды хозяйка могла выделить мужу столько, сколько сочтет нужным. А могла не выделить ничего. Полным правом распоряжаться деньгами жены муж мог только после смерти наследницы. Этот пункт Лиана подписала с большим скрипом.

Однако это было лучше, чем ничего. Хотя неизвестно, как на такие права будущего учредителя посмотрят господа из

нефтяной компании?

Господа из нефтяной компании, ознакомившись с документом, посмотрели на будущего компаньона довольно странно. Советник с юристом сначала недоуменно переглянулись, затем недоверчиво впились в развалившегося на диване Углова. Юрист поправил очки и вежливо произнес:

— Господин Углов, первоначально речь велась о том, что вам будет предоставлено полное право на владение этими денежными средствами.

— А какая вам разница от кого брать инвестиции! — развязно усмехнулся Кирилл. — Ну, взбрыкнула моя жена! С кем не бывает? Ни каждый день на голову сваливается такое богатство. Не обращайтесь внимания. Впоследствии я этот вопрос урегулирую. Вам опасаться нечего: она хозяйка только формально, а практически хозяин я.

Юрист скосил глаза на советника и произнес:

— Но согласно этому документу, ваша жена может отозвать инвестиции в любую минуту.

— Ничего она не отзовет, не волнуйтесь! — заерзал в кресле Кирилл. — Без моего согласия она не посмеет ничего отозвать. Это я вам гарантирую железно.

Скулы претендента напряглись, на лбу выступила испарина. Юрист с секретарем призадумались.

— Кто же из вас собирается стать соучредителем? Согласно документам, им может быть только госпожа Углова, в девичестве Дементьева.

— Почему? — подпрыгнул в кресле Кирилл. — Вы же принимаете инвестиции от организаций! А разве семья не организация?

— Мысль ваша понятна, — вежливо ответил юрист. — Окончательное решение мы примем после приезда главы компании. Это приблизительно через полторы недели. Мы вас известим. Всего доброго, господин Углов!

Нельзя сказать, что Кирилл вышел из Управления «Артинвестнефти» расстроенным. Он не сомневался, что все решится в его пользу. Единственно, что его настораживало, — внезапная деловая активность его собственной жены. Если Кирилл через три месяца не предоставит ей виллу в Италии, она действительно может затеять тяжбу по отзыву денег. От нее сейчас можно всего ожидать. А как он предоставит ей виллу, если первая прибыль от нефтеперегонки ожидается только через год. Но Лиана не долго занимала мысли будущего нефтяника. Все пустяки! Главное, пустить деньги в

оборот, а там хоть трава не расти.

Кирилл шагал по Казани и счастливо улыбался. Почему-то захотелось пройти пешком и подышать осенним воздухом. Почему бы и нет? Президент прилетит через десять дней. Приблизительно через это же время начнет свои наезды «Живот». Пусть наезжает. Пару недель Кирилл отсидится в Казани, а Лиана отлежится в больнице.

Будущий промышленник радостно рассмеялся, представив изумленную физиономию Животовского, когда тот узнает, что его бывший компаньон стал соучредителем солидной нефтяной компании. Хотя не такой уж и солидной. Однако, нефтяной. Так высоко из его окружения еще никто не взлетал. Как «Живот» сразу начнет заискивать и предлагать свои услуги в качестве телохранителя. А о долге, конечно, забудет.

«Ну, да хватит об этом! — подпрыгнул на месте Кирилл. — Пора ехать в аэропорт. Ведь сегодня прилетает Олеся».

Возлюбленную он встретил, как истинный джентльмен, с букетом белых роз и светскими комплиментами. Она очень похорошела в Женеве, стала совсем европейкой, и сделалась еще более деловитой. Теперь Кирилл доподлинно знал, какие женщины в его вкусе: умные и деловые.

— Ну что, тебя можно поздравить с международным дипломом?

— Можно, — улыбнулась она, и Кирилл тут же припал к ее губам.

Вечером они сидели в ресторане. Кирилл, без ума от счастья, сорил деньгами и распыхался о солнечной Италии, о ее темпераментных женщинах и романтических мужчинах, об изысканной итальянской кухне и, конечно, о роскошных виллах на берегу моря.

— Скоро мы поедem с тобой в Италию, и я куплю тебе виллу на вершине скалы у моря. Скоро я буду очень богатым.

— А как же супруга? — обаятельно улыбалась Олеся. — Куда мы денем жену?

— Жену? — пожал плечами Кирилл. — Она останется в Москве. Она не любит Италию.

Эти две недели, проведенные с Олесей в Казани, были самыми счастливыми в жизни Кирилла. Она жила в его комнате, а он в соседней. Между ними не было интимных отношений, потому что Олеся — девушка строгих правил. Кирилл понимал, что таких красавиц не берут нахрапом, и не очень

настаивал на близости. Он и без этого был счастлив.

Пара ходила на пляж, каталась на прогулочных катерах, изучала исторические достопримечательности татарской столицы, а ужинала непременно в самом дорогом ресторане города.

Правда, в этом безмятежном времяпровождении были некоторые щекотливые обязанности, например, ежедневные отчеты жене. Обычно супруг старался отзвониться утром, когда Олеся еще спала, или принимала в своем номере душ. Кирилл предавал своему голосу деловитый тон и докладывал, что дела идут довольно успешно, хоть и не так блестяще, как ожидалось. Процедура эта не столь быстрая, поскольку компании солидная, и о своих компаньонах она наводит справки довольно тщательно.

— Как только войдешь в совет директоров, сразу требуй виллу в Италии, — строго наставляла Лиана.

— Само собой разумеется! — серьезно отвечал Кирилл. — Ну, все, целую! Опаздываю на заседание. Очень соскучился. Ты ведь знаешь, как я тебя люблю.

Формальная, но необходимая часть была завершена, и теперь можно было брать возлюбленную под ручку и отправляться в город. Но однажды ближе к ночи жена позволила сама. Светская пара как раз сидели в одном уютном ресторанчике и наслаждалась национальной татарской кухней. Голос Лианы был крайне возмущенным.

— Ты знаешь, кто ко мне приходил? Твой начальник Животовский.

— Что ему было нужно?

— Спрашивал, куда ты исчез? Но я не выдала. Он начал разоряться, что кликнет свою шушеру. Я его послала. Так и сказала: «Настоящие мужчины не ведут разборок с женщинами. Эта привилегия козлов. Приедет муж, вот с ним и разбирайся. Он тебе популярно объяснит, какая теперь у него крыша». Ты знаешь, у Животовского просто челюсть отпала. Так и ушел, не сказав ни сдрасьте, ни до свидания. Правильно я ответила?

— Правильно! — одобрил Кирилл, поражаясь ее бульварному сленгу, которого никогда не слышал от нее раньше.

— То-то же. Что это у тебя за музыка? Ты где находишься?

— В буфете гостиницы. Сейчас перекушу и пойду спать. Ох, и умаялся же я сегодня.

Олеся слушала все это с понимающей улыбкой.

— Жена? — спросила она.

— Она, собака.

Через десять дней прилетел президент, и Углова вызвали в Управление. Магнат был строг и недоверчив. Его взгляд через очки пронизывал до самых печенок. Он задал инвестору те же самые вопросы, которые задавал юрист. И Кирилл на них точно также ответил.

— Выходит, что вы оба претендуете на роль соучредителя? — спросил он напоследок.

— Выходит, что оба, — развел руками Кирилл.

— Хорошо, мы подумаем. Завтра вам скажут наше решение.

Когда Кирилл вышел из кабинета, советник сразу спросил у шефа:

— Что мне делать с его документами?

— Что-что? Оформляйте. Будем брать. Три миллиона на дороге не валяется.

Президент ткнул пальцем в последний пункт договора, в котором говорилось, что полноправным наследником супруг становится после смерти супруги, и подмигнул секретарю:

— Держу пари, что его жена долго не проживет...

Часть третья **ТАЙНА ЧЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА**

1

Во вторник тридцатого октября Галина не вышла на работу. Как на грех, в этот же день вышел из строя распределитель. «Какое скотство! — метал гром и молнии инженер. — Где Карганова? Когда она нужна, ее вечно нет». И, как на зло, заменить ее в тот день было некому.

— Позвоните ей домой! Узнайте, в чем дело? — приказал мастеру инженер. — Черти что творится на телефонной станции! Если она заболела, дайте втык за то, что не осведомила заранее.

Через две минуты мастер зашел в кабинет к инженеру и растерянно развел руками.

— Вчера после работы Карганова не вернулась домой. Ее

муж звонил дежурному ночной смены. Дежурный сказал, что на работе она не задерживалась. Ушла как всегда в здравом расположении духа. Сейчас муж обзванивает больницы и морги.

— Даже так? — смутился инженер. — Странно. Хм. Ладно, идите... Пойдите! Держите с ним связь. Если найдется, проинформируйте!

Карганова нашлась к вечеру в реанимационном отделении больницы у метро «Спортивная». У нее было сотрясение мозга, перелом ключицы, бедра и трещина в позвоночнике. Как, потом выяснилось, на бедную женщину в пять часов утра наткнулись двое железнодорожников. Она лежала на рельсах под мостом в луже собственной крови без признаков жизни. Работники железной дороги тут же вызвали милицию и «скорую помощь».

«Скорая» приехала быстрее. Медсестра послушала женщине пульс и приказала срочно грузить на носилки: сердце еще билось. Под сиреной повезли в ближайшую больницу. К счастью, на «Спортивной» дежурили очень толковые реаниматоры. Карганову весьма вовремя уложили на операционный стол. Попади она на двадцать минут позже, ее бы уже не спасли.

К вечеру пострадавшая открыла глаза. Сиделка, испуганно охнув, побежала в коридор. Через пару минут в палату вошел врач в сопровождении участкового. Врач осмотрел больную, а участковый осторожно присел на стул.

— Как вы себя чувствуете? — ласково спросил он.

— Нормально, — еле слышно прошептала больная.

— Вы помните, что вчера с вами произошло?

Карганова опустила глаза, что означало «да».

— Вы можете описать того, кто вас толкнул с моста?

— Нет! — произнесла Карганова. — Я спрыгнула сама.

— Зачем? — вытаращил глаза милиционер.

— Так было надо, — выдохнула она и отключилась.

Некоторое время милиционер без движения сидел на стуле. Осмысливал сказанное. Затем, будто что-то сообразив, резко поднялся и вышел вон. Врач потрогала Каргановой лоб, посмотрел на приборы и сказал медсестре:

— Ничего страшного. Сердце работает нормально. Она просто утомилась.

Когда Галина снова пришла в себя, то увидела перед собой мужа. Его глаза были на мокром месте. Она впервые в жизни видела, как ее муж плакал. Жена тронула пальцами

его шершавую ладонь и улыбнулась.

— Как это получилось? — выдавил из себя супруг.

— Меня Бог наказал за то, что я подслушивала...

Наказанная была сильно покалечена, но рассудок остался неизменным. Галина не солгала участковому, что сама бросилась с моста на железнодорожную насыпь, однако утаила причину. И никогда не кому не за что не расскажет она о причине падения с моста. Пусть хоть ее разрежут на части. А причина была в ее тайном пороке, о котором не знал даже муж.

Разумеется, после того дня, когда она узнала, что сумасшедшая женщина, которую резал черный человек, выбросилась из окна, от той злосчастной ячейке, соединяющей Москву с Казанью, Галину было не оторвать. Каждое утро с наушниками наготове она деловито копошилась по близости и с замиранием сердца ждала, когда щелкнет знакомое реле. Но с тех пор этот номер Казанской гостиницы, словно умер. «Эх, — сокрушалась работница, — все бы отдала за то, что бы узнать, чем закончилось дело». Но видно, не дается смертному истинного счастья.

Галина поняла, что жилец, имеющий любовницу в Женеве, давно съехал, но продолжала каждое утро подходить к тому реле и с деловым видом орудовать по близости отверткой. И вот однажды долгожданные контакты щелкнули. Карганова с бьющимся сердцем кинулась с наушниками к гнезду. То, что она услышала, крайне разочаровало женщину. Это был новый жилец в Казанской гостинице, а точнее, жилчика. Судя по всему, весьма юного возраста. Она разговаривала с каким-то юношей, возможно, женихом, или другом. Это был обыкновенный треп. Как дела? Как здоровье? Как настроение? Как проходит учеба. Сдал ли зачеты. Тьфу! Слушать тошно. Будто больше не о чем поговорить.

Однако к концу разговора Карганова призадумалась. И призадуматься было над чем. Ей показалось, что этого юношу она где-то слышала раньше. Его голос нетрудно было запомнить. Он был надломленным, обиженным, рваным. Юноша то говорил басом, то внезапно срывался на фальцет. Подобное бывает у подростков, у которых происходит мутация. Но этот тип был далеко не подросткового возраста. Скорее всего, у него было что-то ненормально с психикой.

До самого обеда Карганова ходила со сморщенным лицом, а когда позвали в столовую, внезапно хлопнула себе по лбу. «Вспомнила! Да как она могла забыть?»

Это было в мае. Тоже бабахнуло два звонка на один номер и пришлось один отключить вручную, предварительно подсоединив наушники. Самое интересно, что в тот день душа совершенно не жаждала подслушивания, однако то, что услышала Карганова, заставило ее сразу затаить дыхание.

— Ну, как сходила? — угрюмо спросил парень с вибрирующим голосом.

— Удачно сходила. На первом этаже на всех окнах решетки. На втором сигнализация. Мне удалось отключить маленькое окошечко на втором этаже, которое выходит на лестницу.

— Я пойду сегодня ночью, — басом произнес парень.

— Ни в коем случае! После моего визита нужно выждать время, иначе засветишь меня. Пойдем вместе через месяц.

— К-как они живут? — через силу выдавил парнишка.

— Шикарно. По утрам пьют соки и кофе, едят черную икру и всякие деликатесы, перед сном пьют какой-то особый безумно дорогой кефир, который продается в единственном месте в Москве.

— Кефир? — переспросил юноша.

— Да-да, кефир. Об этом мне сказала сама хозяйка и дала адрес этого магазина, как будто я запросто могу себе позволить напиток за десять долларов. Да, кстати, хозяйка панически боится...

На этих словах Карганова испуганно выдернула наушники, поскольку увидела инженера. «Вот принесла его нелегкая, — сердито подумала она, возвращаясь за рабочий стол. — Так сдохнешь и не узнаешь, чего же панически боится хозяйка? Да понятно, чего: мышей, надо полагать. Чего же еще могут бояться хозяйки?» На этом, собственно, и закончилось.

Карганова сосредоточено хлебала борщ в их эмтээсовской столовой и удивлялась своему невероятному везению. Ведь только подумать: дважды за лето услышать один и тот же голос на разных номерах. Это даже не совпадение — это судьба.

Теперь рабочие будни Галины Каргановой снова обрели высокий смысл. Она поставила номер казанской гостиницы на свой личный контроль. Отловить разговор с Москвой было нелегко. Юноша звонил не регулярно и в разные часы: либо утром до десяти, либо вечером после десяти. «Вот же! Хоть во вторую смену оставайся».

Но судьба всегда вознаграждает за терпение и настойчивость. Однажды утром между Москвой и Казанью Карганова услышала следующий разговор:

— Все нормально! Сигнализацию подключил обратно. Шпингалеты захлопнул. Теперь никто не подкопается. Странно, что менты при осмотре не обратили внимания на это окно над лестницей.

Голос парня уже не так вибрировал и был более уверенным.

— Отпечатков не оставил? — осведомилась девушка.

— За кого ты меня держишь?

— Не хорохорься! Ты откуда звонишь?

— Из их дома звоню! Шикарно живут, собаки!

— Что? — воскликнула девушка. — Беги скорее оттуда, пока не засекли.

— А вот сейчас поплюю их изысканного кофе и пойду... — засмеялся парень.

— Не смей! Я тебе запрещаю!

В ответ послышался смех, затем раздались короткие гудки. После этого девушка из Казанской гостиницы еще несколько раз набирала номер, с которого отвечал парень, но трубку никто не брал. Карганова успела определить номер, на который звонила она.

«Вот ведь что? — задрожала операторша. — Они уже слазили в этот дом, и сейчас заматают следы. Может, что-то украли, а может, еще что вытворили, если милиция там была».

Рука Галины сама дернулась к телефону для немедленного сообщения в милицию, но в нерешительности повисла в воздухе. «Сейчас начнут допытываться, кто такая, да откуда у вас эта информация? Ну, их к бесам!»

Из следующего разговора этой пары, который состоялся через день, прояснились новые подробности. Оказывается, этот юноша подсыпал хозяйке дома в кефир какую-то бяку. В результате она попала в больницу. После ее выздоровления, юноша с девушкой планировали снова взяться за свое, чтобы довести бедняжку до полного умопомешательства.

«Ого! — подумала Карганова. — Ребятишки, видимо, не простые. Серьезные, надо полагать, ребятишки».

Каргановой было известно, какого числа выписывают из больницы хозяйку дома. В тот же день она набрала ее номер.

— Да, я слушаю! — услышала Карганова презрительный

голос. Он был до того надменный и своенравный, что операторша опешила.

— Извините, — прошептала она. — Вы меня не знаете, но это не важно. Вас хотят довести до сумасшествия. Не пейте перед сном кефир?

— Что? Вы кому звоните? — голос женщины приобрел оттенки изумленной брезгливости.

— Вам, вам я звоню. Вам в кефир подсыпают какую-то фигню, чтобы вы чокнулись? Понимаете?

— Что? Кто это звонит?

— Это с телефонной станции звонят. Меня зовут Галей. Галей Каргановой.

В ту же секунду операторша хлопнула себя по губам и бросила трубку. С ума сошла! Зачем назвала свою фамилию? Уж скоро сорок, а все ума нет.

Ближе к обеду Карганова обо всем забыла, поскольку ее привлекли к общественным работам по заклеюке окон. Про женщину с надменным голосом она вспомнила только к концу рабочего дня. Вспомнила и махнула рукой, потому что, во-первых, была уставшей, как собака, а во-вторых, полагала, что свой гражданский долг она исполнила в полной мере.

Но вечером, когда «телефонная» работница возвращалась домой, на железнодорожном мосту ей преградил дорогу высокий молодой человек в длинном пальто.

— Вы Галина Карганова? — спросил он вежливо.

Женщина вздрогнула, подняла на него глаза и в ужасе попятилась. Как было не узнать этот вибрирующий голос.

— Да, это я. А вам что нужно? — выдавила из себя бедняжка.

Рот молодого человека искривился в болезненной усмешке, глаза блеснули волчьим светом. Он подошел вплотную и взял ее за грудки. Женщина покосилась по сторонам. Вокруг ни души.

— Разве это хорошо подслушивать чужие разговоры, пользуясь своим служебным положением? — прошептал он зловеще.

— Я не подслушиваю, с чего вы взяли? — залепетала Карганова.

— Зачем вы звонили этой женщине? — строго спросил он, и глаза его сузились.

— К-какой ж-женщине? — пробормотала Галина, отступая назад.

Парень тяжело вздохнул и устало отпустил ворот.

— Извините, но я не могу вас оставить в живых. Как говорил мистер Джеймс Бонд, вы слишком много знаете? — Не сводя с нее глаз, парень кивнул вниз и спросил: — Сами прыгните, или помочь?

— Сама! — с готовностью воскликнула Карганова, полагая, что, если не прыгнет, будет хуже.

Она мигом перелезла через железный бордюры и оказалась по ту сторону перил. Парень испуганно дернулся с места и схватил ее за ворот.

— Стойте! Я пошутил! — прохрипел он.

Но было уже поздно. Нога соскользнула с моста и Галина полетела вниз.

2

Животовский звонил по утрам. И как он только узнавал, когда Углов бывает в Москве? «Вот у кого нюх, как у собаки, а глаз как у орла», — усмехался Кирилл, слыша его голос в телефоне.

Как и предполагалось, весть о том, что его бывший компаньон стал соучредителем нефтяной компании, произвела на Животовского убийственное впечатление. Как только «Живот» узнал об этом, немедленно прикатил к Кириллу с миром.

— Солидно, солидно взлетел, — тряс руку «Живот», подхалимски заглядывая в глаза. — Теперь к тебе ни на какой кобыле не подъедешь.

— На кобыле? — аристократически выгнул бровь Кирилл. — Что за вздор! Зачем ко мне подъезжать на кобыле, когда для этого существует «Мерседес»?

— Ну, ты хоть меня по старой дружбе возьмешь к себе начальником охраны? — заискивающе скалил зубы «Живот», проглатывая презрительную интонацию бывшего подчиненного.

— Тебя? — снова изумлялся Кирилл. — Если надумаю брать, то, наверное, возьму профессионала. Скажем, из Федеральной службы безопасности.

Намек на то, что Животовский с его братвой теперь для него полная шушера, бывший патрон тоже перенес спокойно. В тот день, когда Кирилл возвратился из Казани нефтяным магнатом, «Живот» даже намеком не обмолвился о долге. Сам же Углов сделал вид, что о таких мелочах помнить ниже

его достоинства.

О долге Животовский повел речь только через месяц, во время четвертого приезда Кирилл в Москву. Позвонив в десять утра, он сообщил озабоченным голосом, что подлинный хозяин дома освободился и требует от Животовского либо дом, либо деньги.

— Пока отдай ему из тех денег, которые я ежемесячно отстегивал тебе за квартиру в течение десяти лет, а остатки я отчехлю, как только появится возможность. Кстати, мою однокомнатную квартиру тоже можешь зачислить в счет долга.

От такой наглости «Живот» задохнулся.

— Но мы так не договаривались. Мы договаривались, что ты расплатишься за хату по истечении оговоренного срока. В противном случае, освободишь дом.

— Съезжать я никуда не собираюсь. Этот дом принадлежит мне по закону. Если у бывшего хозяина есть ко мне какие-то претензии, то пусть приходит. Мы потолкуем. Я думаю, мы разрешим это проблемы без посредников...

«Никогда он не придет, — улыбнулся Кирилл, водворяя трубку на место, — потому что «Живот» не посмеет признаться, что все эти годы брал плату за чужой дом, да еще выцыганил квартиру. За это могут грохнуть без суда и следствия. И совершенно справедливо, поскольку не делился. Словом, пусть «Живот» сам выпутывается из этой истории».

В следующий раз голос Животовского был более жестким и более требовательным, но в то же время, с нотками отчаянья.

— Ты знаешь, что бывает с теми, кто не держит слово?

«Должно быть, здорово его пощипали», — возрадовался про себя Кирилл, а вслух произнес спокойным, но убедительным голосом:

— Не советую на меня наезжать. Это не в твоих интересах.

Животовский умолк. После чего, больше жалобным, нежели угрожающим тоном выдал целую тираду:

— Ты же миллионер! У тебя три миллиона баксов в обороте. И ты не можешь расплатиться за какой-то дом?

«Хорошо осведомлен, собака, — с раздражением подумал Углов. — Когда они перестанут считать чужие деньги?»

— Во-первых, эти деньги принадлежат не мне. Они принадлежат моей супруги. Так что твои осведомители дали маху! Во-вторых, чего ты так суетишься? Пошли ко мне хозяи-

на. Мы разберемся.

Кирилл рассмеялся и положил трубку. Раз «Живот» так суетится, значит, его здорово трясут. Ничего-ничего. Это ему на пользу. А Кирилла они тронуть не посмеют.

Следующий звонок был адресован Лиане. После него она возмущенно вошла в кабинет Кирилла и с брезгливой гримасой выдала:

— Что себе позволяют твои бывшие товарищи? На меня повысили голос! Мне угрожали! С меня требовали немедленно расплатиться за дом. Это возмутительно.

— Понятно! — засмеялся Кирилл. — Звонил «Живот». Что ты ему ответила?

— Я ему ответила то, что подобает отвечать женщинам моего круга и положения, — гордо вскинула голову Лиана. — Я ему сказала: «Молодой человек, потрудитесь прислать счет и документы, удостоверяющие вашу причастность к этому дому. В противном случае, я буду рассматривать ваши действия как вымогательство и обращусь в соответствующие органы».

Кирилл присвистнул. Такого движения ума он никак не ожидал от своей супруги. Кирилл даже заплодировал, а Лиана, польщенная похвалой, еще выше задрала голову.

— Кстати, — произнесла она. — Меня утомила эта суетливая Москва. Когда я полечу в Италию?

— Скоро, милая, скоро.

— Ты сказал через три месяца после того, как подпишешь договор.

— Но еще не прошло и двух.

— Смотри! — погрозила она пальцем. — Если не выполнишь обещание, я заберу свои деньги из оборота.

Когда она ушла, Кирилла охватило беспокойство. Ведь он точно знал, что не сможет выполнить обещанного. Что делать? Лиана вполне реально может начать процесс по отзову денег. Вот это будет полная труба! «Лучше бы ты осталась в своей больнице!» — чертыхнулся Кирилл.

Единственно, что успокаивало вновь испеченного нефтяника, это то, что через пару дней он снова полетит в Казань. А там Олесья. Она решила пока пожить в Казань и даже нашла работу в каком-то колледже. Пожалуй, по поводу Лианы нужно посоветоваться с ней. Она умная девушка.

На следующий день к Кириллу снова ворвалась жена.

— Он мне грозит! Ты слышишь? Этот ублюдок, смеет мне грозить!

— Животовский что ли? — зевнул супруг.

— Да! Он! Твой товарищ. Мне эти проблемы совершенно ни к чему! Я с утра собиралась на вернисаж. С каким лицом я теперь покажусь на людях? Нет! Мое терпение на исходе. Я звоню в органы.

— Подожди! — остановил Кирилл. — Органам нужны доказательства. А их нет. С Животовским побеседует, и отпустят в этот же день. Нам это надо? Вот что сделай: запиши его угрозы на диктофон, а потом эти записи мы предъявим милиции...

С того дня звонки от Животовского для Лиана стали слаще нектара. Какое никакое, а развлечение! После очередной записи, она вынимала из аппарата кассету и, прыгая на одной ножке, радостно восклицала:

— Ура получилось!

Но ничто в мире не долговечно, а тем более радость. Однажды ближе к полуночи позвонил Животовский и хриплым от злости голосом произнес:

— Вот что, сука! Звоню тебе в последний раз. Если завтра к вечеру денег не будет, я перегрызу тебе глотку.

И после этого он действительно больше не звонил.

3

Последний звонок не испугал, а скорее разозлил хозяйку дома, хотя перед глазами снова возник черный человек с ножом. Но странное дело, теперь Лиана его не боялась. После того, как она разбогатела, все ночные страхи улетучились сами собой. Теперь ночные кошмары казались далекими и неправдоподобными. На это не стоит обращать внимание. Мало ли что приснится во сне. После того, как Лиана вышла из больницы, черный человек окончательно исчез из ее жизни.

Женщина с удивлением ловила себя на том, что теперь не боится оставаться без мужа. Да и в последнее время муж сильно упал в ее глазах. Действительно, что это за мужчина, который не держит слова? Где обещанная вилла в Италии? Где красивая жизнь, со светскими вечеринками и ночными прогулками на яхтах? Где поклонники в черных фраках, преданно и влюбленно лоящие ее взгляда? Где, наконец, вечерние туалеты с колье и с бриллиантами? Где огромные рубины на пальцах? Где свечи и узкие бокалы с француз-

ским шампанским?

За все это время светская львица не приобрела себе даже джинсовой тряпки. Где это видано, чтобы миллионерши влачили свое существование в старом китайском халате, за дверьми какой-то жалкой двухэтажной халупы? К тому же, с кем приходится общаться? Боже ты мой! Исключительно с телевизором, да еще с этим уголовником из прошлой жизни мужа. Кстати, когда у нее дойдут руки заявить на Животовского в милицию?

К довершению Тамара на что-то обиделась. На все звонки Лианы она грубо отвечала: «Извини, мне ляса точить некогда». Вообще так приличные дамы не отвечают. Впрочем, Тамарка всегда была плебейского рода-племени и не имела ни малейшего представления о приличиях.

Что касается мужа, то он просто прописался в своей Казани. Чем он там занимается, Лиану больше не волновало. Теперь ее волновало только одно: когда она, наконец, отбудет в свою родную Италию?

Лиана честно вытерпела три месяца и только после этого позвонила мужу в Казань. Кирилл разыграл великое недоумение и бессовестно заявил, что прибыль с оборота ожидается только на следующий год.

Что? Ждать еще год? Этот презренный мужчинка опять нагло обманул жену. Лиана бросила трубку и набрала номер президента. К сожалению, президента не было. Трубку снял секретарь. Лиана открытым текстом сказала, что желает отозвать свои деньги обратно. Тот от изумления потерял дар речи.

— Я доложу об этом президенту. Он прилетает через неделю, — выдал из себя секретарь.

Еще целый год влачить жалкое существование в этой конуре, имея три миллиона? Нет, спасибо! Ей дорога каждая минута. Она больше не хочет ждать ни дня. Ведь жизнь так коротка.

В тот роковой вечер, перед тем как лечь спать, на Лиану накатила несусветная тоска. Ей почему-то вспомнилась мама. Затем вспомнилось детство. Затем турклуб. Что только не вспомнилось ей в тот вечер. Даже этот неуклюжий чудак Олег — ее первый мужчина. Лиана улыбнулась, потушила свет и легла в постель.

Ночью ей снилась типичная белиберда. Бедняжка плыла в метро по эскалатору вниз и с изумлением смотрела по сторонам. Такого мрачного места она не видела нигде. Какие-то

люди, унылые, пришибленные, сгорбленные; какие-то морщинистые старушки, с протянутыми ладонями, какие-то грязные дети, шныряющие под ногами. «Зачем я поехала на метро? — удивилась она во сне. — И куда я вообще еду?»

Лиана спустилась вниз и брезгливо ступила на грязные полы. По бокам стояли нищие. Какой-то браваый мужик в казацкой форме есаула, уставился на нее шальными глазами и спросил:

— Так это ты последняя из рода Дементьевых?

— Что? — испуганно переспросила Лиана, не поняв вопроса.

Но казак больше ничего не спросил. Он лукаво усмехнулся в усы и куда-то исчез. Лиана пошла дальше и вдруг увидела еще одного нищего в казацкой гимнастерке. У его ног валялась разодранная гармошка, а глаза были безумными. Женщина прибавила шаг, но тут увидела нищенку с протянутой рукой, опирающуюся на охотничью двустволку. «Где-то я видела эту бабульку», — подумала Лиана и отвела глаза. Однако, отойдя немного, снова оглянулась. Старушка как две капли воды походила на бабушку Ульяну, которую Лиана видела на фотографии. Но бабушка Ульяна не долго занимала растрепанные мысли женщины. В следующей нищенке она неожиданно узнала свою мать. Не может быть. Мать с протянутой рукой! Лиана со слезами кинулась ей в объятья.

— Мама, зачем ты здесь? — воскликнула дочь. — Ведь я очень богатая. Давай скорей уйдем отсюда.

— Нельзя, — устало улыбнулась мама. — Встань рядом и смирись. Это наша судьба.

— Что? Судьба? Я лучше умру, чем буду просить подаяние.

— Как хочешь, — равнодушно ответила мать и тоже исчезла.

Внезапно чья-то рука коснулась ее плеча. Она покосилась на нее и вздрогнула. Рука была черной. Лиана оглянулась и завизжала. Перед ней стоял черный человек. В ту же минуту женщина проснулась.

— Фу, ты! — выдохнула она и оцепенела. В дверях ее спальни действительно стоял черный человек. И это не могло быть никакой галлюцинацией, потому что она чувствовала себя полнее яви. Если в прошлый раз ее и мучили сомнения, то сейчас все сомнения отпали.

Черный человек на цыпочках приближался к ее кровати. Нужно было закричать, но у Лианы от страха все онемело.

Вот сейчас он ступит на половицу, которая скрипит, а потом упадет под струйку воздуха из форточки.

Доска действительно скрипнула, и ночной воздух колыхнул его волосы. «Да он сегодня не в маске?» — удивилась Лиана. Но это открытие не прибавило ей храбрости. Через мгновение она увидит его лицо, поскольку черный человек сейчас войдет в полосу света. Но сначала в полосу света вошел его нож, затем живот и, наконец, лицо. Лиана вскрикнула:

— Так это ты? — прошептала она.

— Я, — коротко ответил он.

— Но за что? — простонала Лиана.

— За все.

Он подошел, мягко погладил волосы, затем, сжав их в кулак, сильно вдавил в подушку. После чего резко поднял руку и вонзил острие в горло. Лиана охнула. Ее тело изогнулось дугой, затем стало медленно погружаться в перину. Убийца попятился. Упершись в дверь, он вздрогнул. Постояв немного, развернулся и бегом помчался вниз по лестнице.

Лиана слышала, как хлопнула входная дверь. Она не чувствовала боли, но испытывала тоскливый страх от того, что ее теплая кровь заливает подушку. Ее сознание было ясным. Она четко ощущала посторонний предмет в горле и даже подумала, что ей ничего не стоит выдернуть его руками. Но тогда кровь хлынет фонтаном и через минуту ей конец.

Умиравшая даже подумала, что с ножом в горле она сможет доковылять до телефона, но сообщить о себе она уже не сможет. Если выползти на улицу, то, возможно, она наткнется на прохожего. Однако не доползет. Да и кого она может встретить в такой час? Увы. Одной ей не выкарабкаться.

Внезапно Лиана почувствовала, как внизу открылась дверь. Затем послышались осторожные шаги по лестнице. И это не могло быть галлюцинацией. И точно. В комнату снова вошел черный человек. «Вернулся, чтобы забрать нож», — мелькнуло в голове умирающий. Однако это был другой черный человек: более тонкий, и более изящный. Бог ты мой, да ведь это женщина!

Она подошла к кровати, и Лиана узнала ее. «Она пришла, чтобы меня спасти», — наивно подумала бедняжка.

Женщина в черном подошла к кровати, серьезно посмотрела в распахнутые глаза Лианы и молча вытащила из горла нож. Кровь фонтаном брызнула на грудь, но женщина ловко

перекрыла ее ладонью. «Сейчас она наложит шину», — мелькнуло у Лианы.

— Помните ту девочку? — произнесла спасительница. — Ту самую девочку, которая десять лет назад смотрела на вас из-за ограды. Шел дождь, а вы играли в бадминтон. Вы были веселы и беззаботны. И ваш партнер не мог отвести от вас глаз. А вы все смеялись, смеялись и чего-то щебетали... — Женщина немного помолчала, затем вымученно улыбнулась: — Так вот, Лиана Витальевна, этой девочкой была я.

4

Когда на следующее утро домработница Лидия Петровна вошла в дом Угловых, то ее поразила какая-то неестественная тишина. При тишине она приходила и раньше. Обычно в это время Кирилл уже был на работе, а Лиана еще нежилась в постели. Но в то утро в доме царилла какая-то особенная тишина, в которой было что-то зловещее.

Домработница зябко поежилась и прошла на кухню. Не исключено, что ей это показалось. С того дня, как хозяйка вывалилась из окна своей спальни, Лидии Петровне стало мерещиться черти что.

Женщина позвонила на пульт и сняла дом с охраны. Затем выложила продукты на стол, поставила на плиту кофеварку и открыла холодильник. Пирожки все съедены, от колбасы осталась только шкурка, кефир опять не выпит. На столе и на полу наплеваны косточки от фиников. «Ах, какая все-таки неаккуратная баба», — в сердцах подумала домохозяйка и взялась за веник.

Через десять минут завтрак для барыни был готов: кофе, апельсиновый сок, ломтики ананаса, миндальное пирожное, йогурт, орешки, начиненные черной икрой перепелиные яйца.

Это три месяца назад Лиана завела такую моду, чтобы ей подавали завтрак в постель. «И какая бестолочь додумалась до такого свинства? — покачала головой Лидия Петровна. — Не продав глаз, не умывшись, не почистив зубы, сразу начинать жрать. Тьфу! Все не по-русски».

Домработница посмотрела на часы. Пора будить. Одиннадцатый час. Она составила приготовленное на поднос, воткнула в вазочку розу и отправилась наверх. Поднявшись на второй этаж, домохозяйка с удивлением увидела, что на-

польные часы не идут. Стрелки стоят на половине третьего. Вот почему такая тишина в доме. Лидия Петровна пнула ногой дверь опочивальни и от неожиданности вскрикнула. Поднос затрясся в ее руках, а сама она в ужасе попятилась назад.

Ее хозяйка лежала в крови. Лицо было белым, как у восковой куклы, глаза вытаращены, как у морского окуня, рот перекошен. В кулаке покойная сжимала нож.

Не отрывая взгляда от кровати, Лидия Петровна отступила к лестнице, тихо поставила поднос на напольную вазу и, что было духу, понеслась вниз звонить в милицию.

Несколько часов спустя, когда тело убитой было обследовано, сфотографировано и увезено в морг, прибывший на место происшествия следователь прокуратуры, спросил у старшего эксперта:

— Ну что? Посторонних следов много?

— Ни одного! — пожал плечами эксперт. — Ни одного постороннего следа, и не единого отпечатка, если не считать пальцев домработницы. Такое ощущение, что полы и лестницу тут же протерли губкой. Я даже, кажется, догадываюсь какой? Вон той полотеркой с синей ручкой, — кивнул криминалист на швабру, стоящую у входа.

Следователь бросил угрюмый взгляд на полотерку и спросил:

— Посторонних отпечатков на ней, конечно, тоже нет.

— Совершенно верно. Нет, вообще, никаких?

— Вообще? Такое разве бывает? Скажите, Лидия Петровна, — обратился следователь к домработнице, — вы сегодня мыли полы?

— Нет.

— А вчера?

— Вчера мыла.

— Мыли этой шваброй?

— А какой же еще.

— Вы обычно моете в резиновых перчатках?

— Очень редко. В основном без перчаток. А если в перчатках, то вот в этих, — произнесла Лидия Петровна дружескими губами, доставая из кармана красную слипшуюся резину.

Следователь безглаголиво взглянул на перчатки и тут же потерял интерес к напуганной свидетельнице. Он проследовал с экспертом на второй этаж, осмотрел кровать, подоконник и угрюмо поморщился.

— Когда наступила смерть?

— Где-то между двух и половины третьего.

— Я заметил, что часы остановились на половине третьего. Что еще говорил врач? Могла она сама это сделать?

— Вполне! В состоянии аффекта все возможно.

В это время в комнату вошел участковый. Следователь потрянул его руку и кивнул на окровавленную постель:

— Насколько мне известно, вам поручали расследование. Введите вкратце в курс дела. Что с ней происходило? Как мне доложили, покойная дважды вызывала милицию, а потом среди ночи вывалилась из окна.

— Видите ли, — произнес лейтенант. — У покойной было не все в порядке с головой. Ей мерещилось, что по ночам за ней гоняется черный человек, который хочет перерезать ей горло. Типичная шизофрения.

— Про шизофрению говорил муж? — повел глазами следователь.

— Так точно, муж, — кивнул участковый. — Но, и кроме мужа, я навел кое-какие справки и вот что выяснил: все ее предки, а конкретно — мать, бабка и дед — закончили в сумасшедшем доме.

— А отец?

— Отца у нее не было. Но я уверен, если его разыскать, он окажется там же. Так что, вывод напрашивается сам...

— Но это вряд ли! — улыбнулся следователь. — Имея такие деньги, обычно, не кончают жизнь самоубийством, даже от шизофрении. Наоборот наличие таких деньжищ одерживает победу над любой формой шизофрении. Вот при потере наследства — это да. С этим не спорю. Так что, лейтенант, шизофрения здесь ни при чем. Здесь замешаны деньги.

На этих словах в спальню вошел оперуполномоченный и деловито доложил:

— Осмотр дома завершен. Все окна заперты, сигнализация не повреждена. Ничего подозрительно не обнаружено, кроме вот этого ключа. Он не от хозяйской машины. Мы проверили.

Милиционер протянул следователю целлофановый пакет с ключом зажигания, на котором болтался кожаный брелок с инициалами «Г» «Ж». Следователь внимательно вгляделся в находку и хмуро спросил:

— Не зацапали?

— Обижаете.

— Тогда срочно на экспертизу.

Настроение сыщика несколько улучшилось. Это была единственная зацепка. Во всем остальном было глухо.

— Узнавали, сигнализация ночью не моргала? — спросил следователь у оперуполномоченного.

— Дежурный уверяет, что на пульте стояла железно.

— Но убийца как-то сумел пробраться в дом, — с раздражением бросил следователь. — Ищите! Ответ должен быть.

Через полчаса эксперт показал оголенный телефонный шлейф, ведущий к датчику входной двери. Затем ткнул пальцем в едва видимую трещину в дверном косяке.

— Шлейф зачистили буквально на днях. Видите, медь не успела окислиться. Спрашивается, зачем нужно было зачищать шлейф? А затем, чтобы подсоединить к ним проводки и вытащить их концы на улицу. Если при включенной сигнализации снаружи замкнуть концы, прибор не реагирует, а датчик от входной двери блокируется. Можно свободно открывать дверь и входить.

— А как выходить? — спросил следователь.

— Точно так же! Захлопываешь входную дверь, и она автоматически блокируется магнитом. Остается только с улицы выдернуть проводки и можно спокойно отправляться восвояси. Сигнализация даже не моргнет. А следов никаких.

Следователь задумчиво посмотрел на эксперта.

— Процедура, как я понял, не простая. Постороннему человеку вряд ли это под силу.

— Это точно, — согласился эксперт. — Здесь надо покопаться. Хотя, в принципе, работы на три минуты.

— На три-то, на три. Но вряд ли постороннему человеку дадут покопаться в чужом доме. Это провернул кто-то из своих.

Следователь внимательно осмотрел шлейф, заглянул в трещину на косяке (она точно была сквозной), затем пододвинул к себе оперуполномоченного.

— Где ее муж?

— В Казани.

— Вы ему сообщили?

— В первую очередь.

— Какова была его реакция?

— Обыкновенная! — пожал плечами милиционер. — Завопил: «Не может быть!» и сказал, что срочно вылетает.

— Понятно! — почесал подбородок следователь. — Значит, он сейчас в пути...

Мужчина выглядел не лучшим образом: он был бледен и растерян; глаза красными, руки дрожали. Впрочем, они могли дрожать от перепоя. От него сильно разило перегаром. Углов таскал из пачки сигарету за сигаретой, но почти не курил, а только подкуривал и сразу вдавливал в пепельницу. Иногда он хватался за сердце и тогда бормотал:

— Все равно не верю. Этого не может быть.

— Вы себя плохо чувствуете? — мягко осведомился следователь, не сводя с него зоркого ока. — Мы можем отложить.

— Ничего, ничего. Продолжайте! Я сейчас соберусь.

— Итак, вы сказали, что вчера вечером здорово перебрали с вашим сотрудником из юридического отдела.

— Ну да! Он юристконсул! — страдальчески сморщил лоб допрашиваемый. — Последнюю бутылку мы пили у меня в номере. И там же упали. Проснулись от телефонного звонка из Москвы. Я снял трубку и вдруг услышал, что моя жена сегодня ночью скончалась...

Мужчина зажмурился и упал на собственные ладони. Его спина судорожно дернулась, а потом онемела. Просидев в такой скрюченной позе несколько минут, он поднял влажные глаза на следователя и через силу выдавил:

— Извините! Я все никак не могу прийти в себя. Сейчас я соберусь.

— Понимаю, — участливо произнес следователь. — А по какому поводу вы пили?

— Да, не по какому! — дернулся мужчина. — Расслаблялись после работы. Я не понимаю, к чему эти вопросы? Почему вы не ищите убийцу?

В глазах следователя появилась холодная точка.

— Мы не уверены, что это убийство.

Мужчина вытаращил глаза:

— А что же это, по-вашему?

— У нас все основания полагать, что это самоубийство. Рана в горле была неглубокой. А в руке она сжимала нож.

— В руке? — изумился мужчина.

— Да, в руке. А что вас так удивляет? Ткнула себе в горло ножом и потом истекла кровью. На такое она способна?

— Нет! Ни за что, — затрясся мужчина. — Вы ее не знаете, а я знаю. Она очень боится крови. Она никогда бы на это

не решилась.

— Однако три месяца назад ваша жена выбросилась из окна спиной. И вы сами сказали участковому, что она это совершила в состоянии аффекта.

— Ну, да... Совершенно верно... — пробормотал мужчина. — Я поэтому и заявление забрал. Но я ведь думал, что с ней все прошло... С тех пор она вела себя нормально. Поэтому я не стал настаивать на обследовании.

— А что с ней было в то время?

— Не знаю. Какие-то странные сны: будто ей режет горло черный человек... И так несколько ночей подряд. Она даже вызывала милицию, настолько эти сны ее потрясали... Вы знаете, у нее в роду...

— Да-да, я все знаю: бабка, дед, мать. Я внимательно изучил ее родословную.

Мужчина замолчал, отрешенно уставившись в пустоту. А следователь потянулся к сигаретам. Закурив, он задумчиво выпустил кольцо дыма, затем, как будто о чем-то вспомнив, выдвинул стол и достал ключ с кожаным брелком.

— Узнаете этот ключ?

Мужчина мельком взглянул на него и отрицательно покачал головой.

— То есть, вы никогда его не видели?

— Нет.

— Между прочем, найден в вашем доме.

Мужчина вздрогнул, вырвал у следователя ключ и жадно осмотрел со всех сторон. После этого пожал плечами.

— Впервые вижу.

— И последний вопрос: не обижала ли ваша супруга домработницу?

В глазах Углова появилось возмущение.

— Хотите сказать, что ее зарезала Лидия Петровна. Вы с ума сошли! Добрейшей души женщина. Она к моей жене отнеслась как к дочери...

— Хорошо-хорошо! Я понял. Сами-то вы кого подозреваете?

— Есть один тип, — мрачно произнес мужчина. — После того, как жена получила наследство, он пытался вымогать у нее деньги. Эта сволочь грозила и мне, а не только ей. Но его угрозы я всерьез не принимал. Он слишком мелкая сошка.

— Кто это?

— Некий Геннадий Животовский.

Следователь метнул быстрый взгляд на брелок, записал адрес Животовского и натянул на себя любезную улыбку:

— На этом все! Не смею вас больше задерживать.

Мужчина резко поднялся со стула и энергично направился на выход. Но, отворив дверь, он схватился за сердце и начал медленно сползать на пол. «Этого еще не хватало!» — подумал следователь и бросился к нему.

Когда через десять минут Углова уложили в лазарет и врач смерил его давление, то от изумления присвистнул:

— Здорово мужик расстроился, — прошептал он медсестре.

Следователь возвратился в кабинет и вызвал оперуполномоченного.

— Что с отпечатками на ключе? — спросил он.

— Таких в картотеке не числится.

— Я так и думал. Список пассажиров ночного рейса из Казани посмотрели?

— Углов в списках не значится.

— Ну, что ж, — улыбнулся следователь. — Из трех подозреваемых, одного можно исключить. Кем займетесь первым: домработницей, или Животовским?

— Конечно Животовским. Домработницу я бы тоже исключил.

6

Дом Животовского напоминал крепость. Он находился неподалеку от метро Сокол и был огражден таким крепким забором, что выдержал бы танковую атаку.

— К осаде готовятся, что ли? — ворчливо пробормотал следователь и нажал на звонок, который располагался над бронированной дверью.

Первые пять минут не было никакой реакции. За забором также было глухо и тихо. Потом, как будто прошлепали шаги, но снова все затихло. Следователь нетерпеливо позвонил еще три раза, однако результата не добился.

— Подозреваю, что звонок не работает? — нарушил молчание оперуполномоченный.

Работники прокуратуры постучали в бронированную дверь ногами и подали голоса. Послышался скрип открываемой двери, какой-то шорох, затем донесся явный звук шагов, но после этого снова все утихло. Мужчины перегля-

нулись.

— Там кто-то есть.

— Это и козе понятно. Весь вопрос, как туда попасть?

Оперуполномоченный огляделся и кивнул на плющ, который пышно свисал с забора.

— Могу залезть. Правда, это не законно...

— Лезь! — коротко приказал следователь.

Подчиненный ловко взобрался по вьющимся лозам на забор и спрыгнул с другой стороны. «Если у них собака, ему хана», — подумал следователь и почему-то счастливо улыбнулся. Он прислушался, в надежде услышать собачий лай, но услышал резвый женский голос:

— Э, ты кто такой? Стой не двигайся, а то выстрелю!

— Извините! Я из прокуратуры. Вот мое удостоверение! — услышал следователь голос оперуполномоченного. — Да уберите ваш ствол. Кстати, у вас есть на него разрешение?

— А у вас есть разрешение вторгаться на территорию частного владения.

— Извините! Это вынужденная мера! Мы звонили, но вы не открыли.

— А разве я обязана открывать?

Следователь нетерпеливо постучал ладонью по бронированной двери и горячо вмешался в спор:

— Гражданка, о правах поговорим потом. Предупреждаю, что лица укрывающие преступника, несут такую же ответственность, как и преступники.

Голоса во дворе смолкли. Послышались нервные шаги. Через минуту дверь распахнулась и перед следователем предстала сердитая женщина лет двадцати пяти с охотничьим карабином в руках.

— Это кто здесь преступник? — любопытствовала она, обнажив белоснежные зубы.

— Могу я поговорить с вашим мужем? — официально произнес следователь, не удовлетворив ее любопытства.

— Его нет дома.

— И давно его нет дома?

— Со вчерашнего утра. Будьте добры, покажите ваше удостоверение.

— А где он может быть? — настойчиво напирал следователь, разворачивая перед красоткой свое убойное «ксиво».

— Откуда я знаю? В очередном загуле, наверно.

— И часто он в загуле?

— Раз в месяц, обязательно.

Следователь вытащил из кармана ключ с кожаным брелком и приблизил к лицу хозяйки.

— Этот ключ от его машины?

— Может, и от его. Он эти машины меняет как перчатки. Откуда я знаю? У меня своя тачка.

Следователю пришлось приложить усилие, чтобы не выказать волнения. Он сунул ключ обратно в карман и с любезной улыбкой попросил:

— Могу я осмотреть дом?

— У вас есть санкция прокурора.

— Прокурор дает санкцию только на обыск.

— Осматривайте! — махнула рукой женщина, и пропустила следователя во двор.

Беглый осмотр особняка нечего не дал, да и не мог дать. Следователю не терпелось осмотреть гараж. Когда они с оперуполномоченным вошли в него, то одновременно присвистнули. Это был не гараж, а таксопарк. В нем стояло четыре машины: «Ягуар», «Форд-Скорпи», «БМВ» и «Мерседес».

— Какая из них ваша? — любезно спросил следователь у молодой жены хозяина.

— Моих здесь нет, — сердито ответила она. — Мои тачки стоят в подземном гараже.

Следователь с помощником переглянулись и начали деловито осматривать машины. В трех из них торчали ключи, а в «Ягуаре» не было. Следователь вставил в зажигание ключ с брелком и выразительно посмотрел на оперуполномоченного. Тот радостно подмигнул. Ключ вошел как влитой.

— Так где, вы сказали, может быть сейчас ваш муж? — повернулся следователь к женщине.

— Не знаю, и знать не хочу, — процедила она сквозь зубы и отвернулась.

Приблизительно через полчаса за особняком установили наблюдение. И не напрасно. Вечером того же дня гражданин Животовский был задержан у ворот собственного дома и в срочном порядке доставлен в прокуратуру.

Когда ему показали фотографию убитой Лианы, в его глазах мелькнул ужас. Он растерянно посмотрел на следователя и грустно покачал головой.

— Вы, конечно, не будете отрицать, что были знакомы с этой женщиной?

— А что отрицать? — тяжело вздохнул он. — Это жена Кирилла Углова, с которым мы когда-то работали ноздря в

ноздрю. А сейчас он вон где. Не допрыгнешь! — поднял глаза Животовский.

— Ну что ж, тогда традиционный вопрос: где вы были этой ночью с половины пеБЪ, ащил глаза и возмущенно скривил рот:

— Вы что, думаете это я? Да на кой черт мне сдалась эта старая гримза? Еще я руки о нее не марал.

— Отвечайте на вопрос! — повысил голос следователь.

— Где, где! С проституткой был, — хмуро буркнул Животовский. — Я ее снял на Марасейке у какого-то кабака, и мы поехали на такси к ней на квартиру. Ни домой же к себе вести. Сами понимаете.

— Где она живет?

— А хрен его знает, где? Я что, на дорогу смотрел? Да и пьяный я был. Кажется, где-то в Медведково.

— Значит, адрес вы ее не знаете?

— Откуда?

— И телефон она вам свой не дала?

— А на хрена?

— Значит, алиби вам подтвердить некому?

— Почему некому? — возмутился Животовский. — Я был в кабаке на Марасейке... Как же он называется? Вылетело из башки! Вам там любой скажет, что я в час уехал на тачке с этой... как же ее зовут? Не помню! Вы что, мне не верите?

Следователь оставил его вопрос без ответа и спросил:

— В каких отношениях вы были с покойной.

— В нормальных отношениях я был с покойной. Честно говоря, я с ней дел не имел. В основном с ее мужем.

— У вас были с ней трения, разногласия?

— С ней? С чего бы это?

— И вы никогда ничего от нее не требовали?

— А что можно от нее требовать?

— Хотя бы деньги, — хитро улыбнулся следователь. — Она все-таки была женщиной не бедной.

Животовский с тревогой взглянул следователю в глаза и напрягся, как от ожидания удара.

— Ничего я от нее не требовал, — произнес он хмуро.

— И никогда ей не грозили?

— Грозить женщине, — заерзал на стуле задержанный, — это ниже моего достоинства.

Следователь усмехнулся, достал из стола кассету и встал в диктофон. В ту же секунду кабинет огласил хриплый от злобы голос Животовского:

— Вот что, сука! Звоню тебе в последний раз. Если завтра к вечеру денег не будет, я перегрызу тебе глотку.

Животовский простонал как от зубной боли и плаксиво произнес:

— Но это за падло записывать на магнитофон. Хорошо, признаюсь: я грозил ей. Они мне должны были деньги. Это старый долг, десятилетней давности. Но это просто угрозы. Не более того. Клянусь!

— Пустые угрозы, говорите? — улыбнулся следователь.
— А что вы скажете на это?

Следователь достал из кармана ключ с брелком и сунул в нос Животовскому.

— Вы где его взяли? — удивился он.

— Так это ваш ключ?

— Мой! От Ягуара, — признался Животовский, беря его в руки. — Как он попал к вам?

— Мы его нашли на месте преступления.

— Что? Этого не может быть! Это провокация! Я все понял. Меня подставили!

Следователь, не сводя глаз с Животовского, выдержал строгую паузу, затем произнес прокурорским тоном:

— Гражданин Животовский, я вынужден вас задержать до выяснения обстоятельств...

Окружному прокурору Л.П. Петрову от следователя Г.А. Андрианова

Докладная записка

Найденный на месте преступления ключ, принадлежит задержанному нами Животовскому. Он подтвердил, что ключ с брелком, на котором оттеснены его инициалы, от его машины «Ягуар». Однако подозреваемый затрудняется сказать, каким образом ключ оказались в доме его бывшего сотрудника Углова. По его словам, в последний раз он был у него в гостях более полугода назад. Это подтверждает и сам Углов.

Однако ключ, по утверждению задержанного, еще четыре дня назад был в «Ягуаре», поскольку хозяин ездил на нем на дачу. Это подтвердила и жена задержанного. После возвращения с дачи хозяин поставил машина в гараж, а ключ оставил в замке зажигания.

Задержанный уверяет, что ключ от его «Ягуара» был

украден неизвестным лицом и умышленно подброшен на место преступления, чтобы пустить следствие по ложному следу. Сам же он не питал злобы ни к Углову, ни к его жене, хотя, не отрицает того, что несколько раз по телефону угрожал им обоим, поскольку Угловы задолжали ему крупную сумму денег.

Углов отрицает, что был должником задержанного. По его словам, бывший работодатель занимался обычновенным вымогательством. Также Углов заявил, что Животовский прекрасно ориентировался в его доме и очень хорошо знал систему сигнализации. Не отрицает он и того, что бывший компаньон, при случае мог разблокировать входную дверь, поскольку ему был известен распорядок дня хозяев.

Животовский не предоставил внятного алиби, однако на допросах держится уверенно, как будто знает, что кроме ключа, ему предъявить больше нечего. Напомню, что эксперты не обнаружили в доме никаких посторонних следов.

10. 11. 2001

7

В прокуратуре очень сомневались, что судья даст санкцию на арест Животовского, поскольку, кроме ключа, предъявить суду было нечего. Однако, к удивлению прокурора, суд дал санкцию беспрепятственно. Через день после этого Животовский признался в убийстве Лианы. Это явилось полной неожиданностью как для следователя Андрианова, так и для прокурора.

— Я был в состоянии аффекта, — без конца повторял убийца. — Я сам не ведал что творил. Они мне должны были большую сумму денег.

В Москве было еще два человека, которых признание «Живота» ввергло в чрезвычайное изумление. Но был и такой человек, у которого бессмысленное убийство бедной женщины вызвали досаду и приступы гнева. Это у того самого Хряща, который недавно освободился из заключения. Он присутствовал на процессе, пристально вглядываясь в обвиняемого и поминутно скрежетал зубами.

Убийце, с учетом чистосердечного признания, присудили всего семь лет. Дело закрыли. Об этом убийстве немного

пописали газеты, а потом забыли. Однако через несколько дней после приговора участковый Житков в весьма угрюмом настроении явился в прокуратуру к следователю Андрианову и сообщил весьма неожиданную новость.

— Вчера у нашего друга, новоявленного нефтяного магната Углова, была свадьба.

— Да? И что? — насторожился следователь.

— А то, что прошло всего три месяца после похорон жены.

— У богатых свои моральные принципы, — развел руками Андрианов. — А что вас, собственно, смущает?

— В этом деле меня смущает все, — признался участковый. — Но особенно та поспешность, с которой произошли события. Чует мое сердце, что здесь что-то не чисто. — Милиционер сверкнул глазами и покрылся красными пятнами. — Понимаю, что дело закрыто, но посудите сами: двадцать четвертого июня Угловым из Швейцарии приходит письмо, извещающее о том, что мадам Деменьева является единственной наследницей трехмиллионного состояния. И сразу же после этого ее начинает терроризировать черный человек.

— Такие деньги помутят рассудок кому угодно? — скептически усмехнулся следователь. — В чем еще проблема?

— Проблема в том, что три месяца назад вы говорили прямо противоположное: большие деньги излечивают от любой шизофрении.

— Ну, тогда были совсем другие обстоятельства, — рассмеялся Андрианов. — Но не из-за этого же вы пришли ко мне. Изложите суть.

Участковый тяжело вздохнул и потупил взор.

— Видите ли в чем дело... Мне кажется, в ту ночь, когда Угловой впервые явился черный человек, она еще не знала о наследстве, хотя по времени должна знать. Письмо датируется 24 июня, а черный человек явился 5 августа.

— Почему вы так думаете?

— Потому что Углова сразу бы начала оформлять визу в Швейцарию. Насколько мне известно, она была женщиной нетерпеливой и взбалмошной. К тому же не умела держать язык за зубами. А второй день об этом бы знала вся Москва, уверяю вас. А тут тишина. Газеты ни гу-гу. Покойная стойко молчит до середины августа. И ее продолжает преследовать черный человек. Но сразу же после того, как она вступила в права наследницы, черный человек оставляет ее в покое.

— Ну, хорошо. Допустим. Криминал-то где? — сощурился следователь, закуривая.

— Криминал, я думаю, кроется вот в этом флаконе. — Участковый вытащил из кармана завернутую в целлофан склянку и поставил перед следователем. — Мне это пузырек из-под «Шипра» передал сам Углов. Он нашел его под кроватью жены после той ночи, когда она вывалилась из окна.

— И что было в этом флаконе? — брезгливо поморщился следователь. — Вы, судя по всему, отдавали на экспертизу?

— Отдавал. Вот заключение, — ответил участковый, вынимая из папки лист. — В нем была довольно странная смесь из наркотических веществ, которая вызывают галлюцинации. После употребления такого букета, не только раствор из марганцовки покажется кровью, но и любой карлик предстанет монстром.

— Интересно, — закурил губу следователь. — А почему этот флакон не фигурировал в деле?

— Потому, что я отдал его в экспертизу в неофициальном порядке. Так сказать, из спортивного любопытства. Углов ведь заявление отозвал. Поэтому эксперты так долго возились. Когда вы вели дело «Животовского», исследование флакона еще не была проведено. Заключение сделали только сегодня.

— Понятно. Вы клоните к тому, что мадам Углову искусственно сводили с ума? — подмигнул следователь.

— Именно!

— Кто и зачем?

— Я думаю, только одному человеку было выгодно ее сумасшествие. Ее мужу. Но только в том случае, если бы она предоставила ему право распоряжаться ее деньгами. Судите сами: она в сумасшедшем доме, а он ведет финансовые дела и крутит роман с молодой любовницей. Чем не жизнь? Однако жена не предоставила мужу такого права, и, заметьте, ее шизофрения тут же прошла. Вы оказались провидцем, сказав, что такие деньжищи излечат любую шизофрению. Как видите, излечили! Так вот, идем дальше: согласно оформленному договору, ее муж становится полноправным наследником только после смерти жены. Обратите внимание, только после смерти! Мужу уже нет смысла в ее сумасшествии. Ему нужно, чтобы она умерла. Тогда он полноправный хозяин ее наследства. И вот она умирает!

— Забавно, — улыбнулся следователь и почесал висок.

— Но ведь вы говорили, что Углов лично вам передал фла-

кон. Если он хотел свести жену с ума, зачем передавать органам вещественные доказательства?

— Это единственное, что здесь не стыкуется, — развел руками участковый.

— Сомневаюсь, что единственное. Мы имеем неопровержимые доказательства, что во время галлюцинаций мадам Угловой ее муж был в Казани. Как, впрочем, и во время убийства. Хотя, не спору: резон прикончить супругу у него был. Впрочем, к чему слова? Дело давно закрыто. Преступник выявлен и осужден.

— Но истина не раскрыта.

— Какая истина, Игорь Семенович? Как я понимаю, вы клоните к тому, что Углов нанял Животовского убить жену?

— Нет! — покачал головой участковый. — Животовский — человек случайный. Он не убивал.

— Что? — поднял брови следователь. — Вы действительно так думаете? Интересно послушать.

— Я навел о нем справки. На «Живота» трижды наезжала братва. Он кому-то очень круто задолжал, поэтому стоял на счетчике. Положение его было почти безвыходным, вот почему он за это обвинение уцепился, как за соломинку. Признав себя убийцей, Животовский, во-первых, спас собственную шкуру, во-вторых, спас свою собственность, в-третьих, продемонстрировал своему должнику, что способен на радикальные меры, если его личные должники упрямятся. Теперь он в глазах братвы герой, а не должник.

— Ну-ну, — завозился на стуле следователь. — Несколько натянуто, но интересно. Продолжайте! Значит, вы уверены, что Животовский не убивал. Тогда кто? Неужели Углов нанял киллера?

— Вряд ли. Киллеры рано или поздно развязывают языки, а будущему нефтяному королю нужна безупречная репутация. Лично я бы на его месте никому не доверил этого дела. Я бы убил сам, — без тени юмора произнес милиционер.

Следователь рассмеялся.

— Смело! В фантазии вам не откажешь. Но это ваши измышления. А где факты? Ваш флакон — это что, факт?

— Косвенный, но факт! А вот еще факт: убийца проник в дом, не нарушив сигнализации. Это под силу только хозяину дома. А перед тем, как уйти, он спокойно протер шваброй пол, а затем стер отпечатки с ручки швабры. Видите, он отнюдь не торопится. А это говорит о том, что он хорошо знал дом и был уверен в сигнализации. Не суетился, не дергался,

все делал с чувством, с толком, с расстановкой.

— Тогда я не понимаю, зачем он вам передал флакон? Да, нет! Все, что вы говорите, ерунда! Во время галлюцинаций жены и во время убийства он был в Казани. Это факт неопровержимый. Его в списке пассажиров не было, так что, пожалуйста-ка вы на это, Игорь Семенович.

— Да, действительно, Углова не было в списках пассажиров, — не унимался участковый. — Но в списках пассажиров были двое других, на которых мы с вами сразу обратили внимание, потому что они оба вылетели из Казани в двенадцать ночи, а оба утренним рейсом вернулись обратно.

— Ну да, да, помню! — украдкой зевнул следователь. — Места у них были отдельные, а фамилии их, если мне не изменяет память: Иванов и Корягина. Ну и что? Что из этого следует?

— А то, что Углов вчера сочетался законным браком именно с гражданкой Корягиной. Что вы на это скажете?

— Да? Интересно. Продолжайте!

— А знаете ли вы, как фамилия того юристконсула, с которым напился Углов в ночь убийства жены? Иванов!

— И все?

— Нет, не все! Я оставляю вам этот флакон. И оставляю заключение экспертизы.

— Не понял, — нахмурился следователь. — Это намек на пересмотр дела в связи с новыми измышлениями участкового.

— Почему измышлениями? — возмутился Житков. — В связи с новыми фактами. Впрочем, как сочтете нужным. Но флакон с заключением экспертизы я оставляю у вас. Делайте, что хотите. До свидания!

8

Даже когда они подавали заявление, и тогда Кирилл не знал фамилии своей возлюбленной. Он первым протянул паспорт работнице ЗАГСа, а Олеся, немного замявшись, второй. Полная женщина с любезной улыбкой вписала их фамилии в журнал, вернула паспорта и объявила жениху и невестой. Кирилл сразу потянулся к губам невесты, но Олеся застенчиво увернулась.

— Еще не время, — улыбнулась она.

Только во время торжественной церемонии, когда регист-

раторша дворца бракосочетания звонко объявила: «Сочетаются законным браком гражданин Российской Федерации Кирилл Григорьевич Углов и гражданка Российской Федерации Олеся Глебовна Корягина», жениха неожиданно кинула в жар. Кирилл покосился на свою молодую невесту, и ему стало не по себе.

Во время обмена кольцами, жених взглянул в ее глаза и уловил в них какой-то странный блеск. После супружеского поцелуя, от которого Олеся по обыкновению увернулась, беспокойство возросло. Но следом кинулись поздравлять родственники с друзьями, среди которых были и родители Олеси.

От сердца сразу отлегло. «Фу ты, ну ты! Нервишки совсем стали ни к черту. Вот навоображал! Мало ли на свете Корягиных?»

Но тут испортил настроение Виктор, прилетевший на свадьбу из Женевы. Он довольно холодно пожал руку жениху, но необычайно страстно приложился к румяной щеке невесты. Олеся сделала кокетливые глазки и отстранилась.

— Вот, — радостно воскликнул Кирилл, указывая брату на невесту. — Она тоже три месяца назад прилетела из Женевы. Проходила стажировку в институте международного права.

— Да? — удивился Виктор. — В Женеве есть такое учебное заведение? Никогда не слышал. А где оно находится?

Олеся зыркнула глазами на Виктора и в замешательстве потупила взор. Возможно, она и собиралась ответить на его вопрос, но тут налетела новая волна поздравляющих и, к ее радости, оттеснила от жениха. От внимания Кирилла не ушло смущение Олеси. «Что-то здесь не так», — нахмурился он, и вспомнил, каким нескромным взором ласкал Виктор его невесту во время церемонии. «А может, они встречались в Женеве? — мелькнула отчаянная мысль. — Вполне возможно, что и встречались. А ведь точно! Кирилла всегда удивляла, что Олеся стеснялась навестить его брата в Женеве? А может, навещала? А почему, кстати, Виктор по первому зову прилетел на их свадьбу, а на похороны Лианы не нашел время? А может, они любовники?»

От последней догадки у Кирилла потемнело в глазах. Однако свадьба есть свадьба. Нужно изображать на лице счастливую улыбку, реагировать на тосты и пожелания. Наконец нужно целоваться с невестой под разнузданные крики: «Горько!»

Гуляние проходило шумно, с истинно российским размахом, в ресторане Метрополя. Но Кирилл думал только об одном: скорее бы все закончилось, чтобы можно было уехать домой и уединиться с Олесей в спальне. Если у нее действительно что-то было с Виктором, Кирилл заставит ее признаться. Она признается вне всякого сомнения. Не будет же она обманывать его в первую брачную ночь.

К двум часам ночи торжество закончилось. Новобрачных отвезли на лимузине в новый трехэтажный особняк, приобретенный нефтяной компанией. Кирилл внес свою возлюбленную на руках, поднялся с ней на второй этаж и аккуратно уложил на роскошные кружева постели. Все комната была убрана белыми розами. Олеся обвела их глазами и грустно улыбнулась.

Кирилл зажег свечи и откупорил шампанское. Он был взволнован и возбужден. Нет, сейчас он не будет разбираться по поводу Виктора. Зачем портить новобрачную ночь?

Невеста жестом отстранила протянутый ей фужер, а Кирилл не отказал себе в удовольствии. Он залпом выпил полный бокал шампанского и принялся нетерпеливо раздевать супругу. Но, внезапно, в самый ответственный момент выяснилось, что Кирилл абсолютно беспомощен как мужчина. Он покрылся пятнами и побежал в ванную. Как не пытался он восстановить свою мужскую силу при помощи массажа, к успеху это не привело. Он посмотрел на себя в зеркало и подумал, что более растерянной и идиотской физиономии не видел за всю свою жизнь. Это была катастрофа! Позор на всю Москву.

Но внезапно в ванную вошла Олеся. Она нежно обняла супруга и прошептала в ухо:

— Успокойся! Это бывает от перевозбуждения. Завтра у тебя все наладится.

Новобрачная взяла его за руку и как маленького отвела в кровать. Жених благодарно уткнулся в ее колени и затих. «Она все понимает, несмотря на юный возраст, — подумал Кирилл. — Его бывшая давно бы уже билась в истерике».

Около часа они лежали, обнявшись, думая каждый о своем. Неожиданно Кирилл нарушил молчание:

— Я о тебе не знаю ничего, кроме того, что ты закончила институт международного права.

— Разве этого не достаточно? — улыбнулась она.

— Мне — нет. Я хочу знать все. В какой школе ты училась, с какого класса начала влюбляться, был ли у тебя кто-

нибудь... — Кирилл хотел сказать «до меня», но вовремя остановился.

— Это скучно, — ответила Олеся. — Расскажи лучше, как ты убил свою жену.

Кирилл дернулся и кубарем скатился с кровати.

— Что? — прошептал он с ужасом в глазах. — Я убил свою жену? Ты считаешь, что это я убил свою жену?

Голос Кирилл сделался визгливым, а, между тем, в спокойных глазах Олеся не мелькнуло ни единой искры. Ни один мускул не дернулся на ее красивом лице. Глядя в его глаза, она более чем спокойно произнесла:

— Не считаю, а знаю. Неужели ты будешь отрицать то, что происходило на моих глазах? Надеюсь, ты не собираешься меня обманывать в первую брачную ночь?

Ее губы тронула едва заметная усмешка. Губы Кирилла напротив, приобрели весьма кислое выражение. От растерянности он даже потерял дар речи.

— Ты меня осуждаешь? — еле слышно выдавил ново-брачный.

— Почему же? — поправила локон Олеся. — Я понимаю, что это было вызвано суровой необходимостью. Если бы Лиана действительно потребовала изъять такую сумму из оборота — это был бы конец.

— Ты, правда, это понимаешь? — обрадовался Кирилл и бросился целовать ей ноги. — Да, это был бы конец! Это был бы такой удар по моей репутации. Да что по репутации! Меня бы тут же бросили на съедение бандитам. — Кирилл неожиданно поднял голову. — Но как ты догадалась?

— Догадаться было не сложно, — таинственно улыбнулась Олеся. — Когда ты вернулся в гостиницу на рогах с этим юристом, я сразу поняла, что твое алиби уже созревает. Я догадалась, что этой ночью ты доведешь коллегу до кондиции и полетишь в Москву по его паспорту. Ведь за три дня до этого ты летал в Москву, а зачем, не сказал. Я потом сообразила зачем: выкрасть ключи от «Ягуара» Животовского.

Углова передернуло. А Олеся даже не шелохнулась. Она полулежала на боку в красивой позе, изящно уложив подбородок на ладонь, и без всякого ужаса говорила об этом, как об нечто обыденном.

— Значит, ты все знала... И ничего мне не сказала... — виновато произнес Кирилл.

— Пусть это будет нашей супружеской тайной, — тонко

улыбнулась новобрачная.

— А вдруг меня посадят!

— Не посадят, — зевнула Олеся. — Я стерла все твои следы.

— Стерла? — изумился Кирилл.

— Я вошла сразу после тебя. Она была еще жива и пыталась выдернуть нож. Я помогла ей. А потом, когда она затихла, я вложила нож в ее руку, чтобы это выглядела самоубийством. После этого взяла полотер и затерла на полу наши следы. Кстати, ты убежал так поспешно, что забыл выдернуть провода над дверью. А это прямая улика. Пришлось мне выдергивать за тебя.

— Откуда ты узнала о проводах? — изумился Кирилл.

— Я видела, как ты возился на крыльце, и догадалась, что ты замыкаешь датчик на двери. Я кое-что смыслю в сигнализации.

— Но как ты попала в Москву? Ты же осталась в Казани!

— Я одела очки, парик, облачилась в брючный костюм, шляпку с вуалью и поехала вслед за тобой в аэропорт. Мы с тобой летели в одном самолете. Только ты на шестнадцатом месте, а я на сороковом.

— Так это была ты? — изумился мужчина.

— Я! — ответила Олеся. — И скажу тебе, милый, что это неприлично так бессовестно пялиться на незнакомых женщин.

9

Теперь Кириллу было море по колено. Теперь у него за спиной такая женщина, о которой можно только мечтать. Теперь у него сзади надежный тыл, скала, неприступная крепость, владея которой можно совершать воистину великие дела. Мудрая, рассудительная, надежная. Такой женщине можно доверять все, от денег до тайных пороков. И такая всегда поймет. За что Кириллу выпало это счастье?

Когда его вызвали в прокуратуру, он не придал этому серьезного значения. С такой женой теперь ему бояться нечего.

В кабинете сидели двое: следователь прокуратуры Андрианов и участковый Житков. Кирилл знал их обоих, поэтому, войдя в кабинет, сразу протянул им руку, как старым друзьям.

— У нас есть новые данные относительно вашей покойной супруги, — произнес следователь, цепко всматриваясь в Углова. — Похоже, что вашу жену за три месяца до убийства пытались накачивать наркотиками.

— Чушь собачья! — махнул рукой Кирилл. — Проверяли мы этот кефир в санэпедстанции. Никаких посторонних примесей не выявили. Этот какой-то идиот пошутил. Точнее, идиотка.

— Какой еще кефир? — удивился следователь, покосившись на участкового. — Если можно, поподробнее.

— Моя покойная жена перед сном имело привычку выпивать стакан специального кефира «Айморада». Восьмидесятиграммовая бутылочка стоит десять долларов. Прикиньте! Продается он в Москве в единственном месте, на улице Миклуха Маклая. В начале октября мне в Казань позвонила Лиана и как всегда истеричным голосом заявила, что ей только что сообщили с телефонной станции, будто ей в кефир подсыпают какую-то дрянь, чтобы у нее свихнулись мозги. Бред какой-то! — развел руками Кирилл. — С телефонной станции, предупреждают. А ведь было не первое апреля. И как я снова попался на эту удочку? Ну я, естественно, как полоумный бросаю все дела и в срочном порядке вылетаю в Москву. И чтобы вы думали? Снова все как всегда!

В голосе Кирилла появилось досада.

— Что, как всегда? — не понял следователь.

— Я же вам сказал, что я повез кефир в санэпедстанцию. Там при мне сделали анализ и ничего не выявили. Только после этого я понял нелепость происшедшего. Какая-то операторша телефонной станции, чего-то случайно подслушала и сразу по горячим следам довела до сведения. Сюррик чистой воды! — нервно засмеялся Кирилл.

— С телефонной станции, говорите? — задумчиво произнес следователь. — Фамилию оператора помните?

— Какую фамилию? О чем вы говорите? Там не было никакой фамилии. Хотя вру! Действительно! Лиана называла какую-то фамилию. Но я, конечно, не помню.

Следователь сморщил лоб, пытаясь воскресить что-то в памяти, да, видимо, так и не воскресил.

— Хорошо. Вернемся к наркотикам. Так вот, Кирилл Семенович, никакой это не абсурд. — Следователь достал из стола пустой флакон из-под одеколona. — Вот в этом пузырьке, который вы передали участковому, была смесь из наркотических веществ.

— Даже? — удивился Кирилл. — Но я понятия не имею, откуда в моем доме взялся этот флакон.

— Ваша жена потребляла наркотики?

— Что вы! Никогда! — засмеялся Кирилл.

— Может, кто-то из ваших знакомых иной раз баловался косячком?

— Нет! Таких знакомых у меня нет, — высокомерно ответил Кирилл. — Впрочем, был один знакомый. Вы его знаете. Это Животовский. Но он давно уже мне не товарищ. Да и не был никогда мне товарищем...

Кирилл посмотрел на часы и озабоченно произнес:

— Извините, я очень тороплюсь. Еще вопросы будут?

— Будут, — ответил следователь. — Еще два вопроса. Известно ли вам, что в ночь убийства вашей бывшей жены, ваша нынешняя жена, а тогда еще невеста Олеся Корягина прилетала в Москву.

— Как! — растерялся Кирилл. — В какую еще Москву? Никуда она не прилетит! Чего ей там делать? Она была со мной в Казани!

— А известно ли вам, что юристконсульт Алексей Иванов, с которым вы провели ночь в гостиничном номере, тоже в ту ночь летал в Москву?

— Да? — совершенно по-глупому удивился Кирилл и вдруг понял, что попался. — Бред какой-то... Мы же с ним отрубались на одной кровати.

Следователь сверлил Углова взглядом и продолжал напирать:

— Хотя сам Иванов утверждает, что в ту ночь он в Москву не летал, а безмятежно почивал на вашей кровати. А на утро он пошел к врачу, и врач сказал, что снотворное при изрядном принятии алкоголя применять совершенно излишне...

Можно было, конечно, еще отпираться. Можно было рассмеяться и сказать, что этих Ивановых и Корягиных, летающих из Казани в Москву и обратно, как собак нерезаных! И по поводу снотворного можно было поспорить. Мало ли что скажет какой-то врач в медпункте? Где заключение экспертов?

Но в ту минуту в мужчине что-то сломалось. Видит Бог, он испугался не за себя, а за Олесю. Внезапно Кирилл совершенно ясно увидел ее в этих казенных кабинетах, а затем в воночьих коридорах СИЗО, наконец, в камере на нарах. И ему стало дурно.

— Хорошо! — произнес он, опуская голову на ладони. —

Это я убил Лиану. Олеся здесь ни при чем.

После это признания в кабинете держалась пятиминутная тишина. Следователь не поверил ушам, а участковый с тоской почувствовал, что так никогда и не узнает тайну этого флакона.

В этот же день Житков отправился с фотографией домработницы на улицу Миклуха Маклая. Отыскав фирменный магазин «Айморада», лейтенант первым делом поговорил с директором. Пришлось на всякий случай покритиковать за то, что покупатель, якобы, жалуется на подделки.

— Этого не может быть! — всплеснул руками директор. — У нас фирменный знак и акцизная марка. Это омолаживающий напиток с живыми бактериями. Покажите мне того покупателя, который был бы недовольный!

Участковый, воспользовавшись моментом, тут же показал фотографию Лидии Петровны. Директор вырвал карточку и побежал в зал. Он собрал вокруг себя всех продавцов и строго спросил, у кого отоваривалась данная клиентка?

— У меня! — ответил парень, лет двадцати двух, с открытым лицом и доброжелательной улыбкой. Он охотно рассказал, что это женщина каждое утро приходила в магазин к девяти, как часы, но вот уже более трех месяцев ее почему-то не видно...

— С вами хочет поговорить милиционер, — строго оборвал директор. — Кстати, почему покупательница не пришла со своими претензиями сама?

— Видите ли, — пояснил участковый, — она, вообще-то, покупала кефир не для себя, а для своей хозяйки. Но ее хозяйка три месяца назад умерла.

— От омолаживающего напитка? — ужаснулся директор магазина.

— Нет! Ее зарезали.

— Слава Богу, — облегченно выдохнул хозяин и деликатно удалился, оставив милиционера с продавцом.

Собственно, ничего полезного участковому у молодого человека узнать не удалось. Честно говоря, он и не надеялся узнать. Парень как парень. Учился в университете. Бросил. Пошел в продавцы. Зарплата устраивает. Жизнью доволен. Подделывать кефир для него мелковато. Он на собственном сайте в интернете может заработать в сто раз больше.

— Вы всем даете кефир из холодильника? — задал последний вопрос участковый.

— Без исключения? Кефир должен выдерживаться в

строго определенной температуре — плюс двенадцать градусов.

Житков заметил, что этим огромным стеклянным холодильником пользуются несколько продавцов, значит, спрягать в нем что-либо свое не представляется возможным.

«Осталось выведать у домработницы, всегда ли ей давали кефир из холодильника, или иногда совали из-под прилавка? — подумал милиционер и в хмуrom настроении покинул магазин. — Если она скажет, что не помнит, то на этом можно остановиться. Тайна флакона так и останется неразгаданной. Хотя можно еще предположить, что наркотики в кефир подмешивала сама домохозяйка. Только зачем ей это нужно?»

Последняя мысль участкового была самой разумной. Подмешивать что-либо в кефир своей хозяйке семидесятилетней Лидии Петровне было совершенно ни к чему, да и не подмешивала она ничего, а служила верой и правдой семье Угловым почти тринадцать лет. Причем, за сущие гроши.

Однако как только участковый вышел из магазина, бывший студент, проводив его пристальным взглядом, вытащил из кармана «мобильник», быстро набрал какой-то номер и приглушенным голосом произнес:

— Привет! Это я! С тебя еще сто баксов!

— Это еще за что? — спросили на том конце вибрирующим голосом. — Я же с тобой, кажется, рассчитался сполна.

— Не понимаешь, за что? За стресс! Только что приходил мент и показывал фотографию той тетki, которой я втюхивал твой кефирчик. Он, между прочим, спрашивал, весь ли кефир дается покупателю из холодильника, или кое-что подсовывается из-под прилавка?

— Я понял! Не бойся. Улик уже нет.

— Так как насчет ста баксов? Меня, между прочим, до сих пор «кондратий» бьет, как вспомню, что мы чуть не засыпались на четвертой бутылке.

— Так не засыпались же? Расслабься! Так и быть, дам тебе сто баксов, если ты такой слабонервный.

10

Уголовное дело, возбужденное против Углова по факту убийства жены, закончилось еще быстрее, чем с Животовским. Кирилл чистосердечно признался во всем и убедил

следователя, что Олеси на месте преступления не было, несмотря на то, что в ту ночь она находилась в Москве.

Разумеется, после смерти жены Углов успел вступить в законные права наследника. Конфискация ему не угрожала, поэтому он был уверен, что в тюрьме долго не задержится. Олеся его вытащит, тем более что все акции нефтяной компании перешли к ней на правах жены. Также нельзя было сказать, что для руководства «Артинвестнефти» арест одного из инвесторов был великой неожиданностью.

— Этого следовало ожидать, — покачал головой президент компании.

— Не скажется ли это на нашей репутации? — выразил озабоченность советник. — Пресса любит раздувать такие факты.

— Шафка лает, караван идет, — тонко улыбнулся патрон.

— То есть, как черта не малюют, деньги продолжают крутиться, — хихикнул советник.

— Приблизительно так, — кивнул президент, несколько не уразумев смысла последнего афоризма. — Будем ждать другого инвестора на долевую собственность нашей компании. Сдается мне, что это будет хозяйка...

Вступившая в права соучредителя вместо осужденного мужа, Олеся Корягина неожиданно проявила недюжинную активность. Она в течение недели решила проблему с приобретением двух буровых установок, по которым более полугода велись переговоры с ливийской нефтяной компанией. Ливийская сторона изъявила желание продать две бэушные установки, но все оттягивала время сделки, поскольку взамен еще не приобрела новые. Олеся расторгла с ливийцами договор о намерении и заключила договор с китайской компанией на поставку двух новеньких буровых установок. Китайские установки обошлись «Артинвестнефти» вдвое дешевле, потому были доставлены в Россию в виде запчастей. Собрать же их на месте — было делом двух недель.

Президент был восхищен и очарован юной соучредительницей. Он заявил на собрании акционеров, что если девушка и дальше будет проявлять такую же сообразительность, то он включает ее в совет директоров.

А, тем временем, дело по убийству Лианы уже передали в суд. Однажды в коридоре следственного изолятора Углов неожиданно встретился с Олесей. Ее, видимо, тоже таскали. Супругам дали перекинуться парой слов.

— Тебя допрашивали? — с тревогой спросил следствен-

венный.

— Расслабься. Со мной все нормально. Мне ничто не угрожает, — спокойно ответила Олеся.

— Поговори с президентом. Скажи ему, что с оборота ты намеренна приобрести еще энное количество акций, чтобы в перспективе войти в совет директоров. Чувствуй себя полноценным членом компании!

— Полноценным членом я буду чувствовать себя только после твоей смерти, — улыбнулась она.

— Не волнуйся! Я скоро выйду живым и невредимым.

— Ты слишком в себе уверен, — покачала головой Олеся.

— Мой отец тоже был в себе уверен, и тоже говорил, что скоро выйдет. Но через полгода его зеки забили арматурой.

— Твой отец? — вытаращил глаза Кирилл. — А на свадьбе? Кто был на свадьбе?

— Это были мои приемные родители.

— Прие... — осекся на полуслове Кирилл, и конвой повел его дальше.

— После суда нам дадут свидание, — прокричала вслед Олеся.

Девушка вышла из следственного отдела со странной улыбкой на губах. Она села в свой новенький «БМВ» и на полному ходу понеслась за город. На Спортивной лихачка едва не врезалась в выползавшую с больничного двора «неотложку». Девушка успела вырулить, но задела санитарку ручкой дверцы. Водитель выскочил на дорогу и с грубой бранью набросился на хозяйку иномарки.

— Ты видишь, куда едешь, коза!

Девушка грациозно вышла из машины и спокойно ответила:

— Давайте без оскорблений. Я возьму вам материальный и моральный ущерб. Только, будьте добры, заткнитесь!

В санитарке лежала Карганова. Ее увозили домой на печение семьи. «Красивая девица, — равнодушно подумала она. — А шофер типичный чурбан...»

Девушка вытасила портмоне и небрежно отсчитала прихитшему водителю несколько сотен долларов.

— Вы удовлетворены? — бросила она презрительно.

— Все нормально, — ответил водитель и торопливо спрятал деньги в карман.

Наблюдавшая за этой сценой Карганова кисло усмехнулась. Она подумала, что голос этой львицы, похож на голос той самой девушки из Женева. Галина закрыла глаза, и вне-

запно ее пронзило: «Из какой Женевы? Причем здесь Женевы?» Как могла Галина на московской телефонной станции слышать абонента из Женевы, звонившего в Казань? Боже мой, только сейчас до нее дошло, что девушка звонила не из Женевы, а из Москвы. Значит, она обманывала того мужичка. Ни в какой Женеве она не была. Она была в Москве. А зачем обманывала? Шут его знаете, зачем? Наверное, затем, что он обманывал жену.

«Все же гнусная штука — жизнь, — поморщилась Карганова. — Без конца нужно кого-то обманывать». Вот и ее муж скоро начнет обманывать. Станет приходить домой поздно и нагло врать, что на работе завал. И она не вправе будет за это осуждать. Ведь теперь она не человек, а ходящий под себя инвалид.

Карганова закрыла глаза, и ей открылась старая, как мир, истина: люди обманывают тех, кто им в тягость. Люди обманывают тех, от кого зависят. Только независимые имеют право на правду.

Расплатившись, девушка села в машину и уехала. Водитель тоже тронулся, продолжая поносить эту милую нимфу. «Жизнь кончена, — с тоской вздохнула Карганова. — Наступила расплата. Интересно, за что: за ее собственный порок, или за подлость родителя? Скорее всего, за подлость родителя. Именно подлость родителей и рождают в детях пороки», — вторую истину вывела про себя Карганова и закрыла глаза, чтобы не видеть эти бесцветные московские улицы.

11

Суд приговорил Углова к десяти годам лишения свободы, но с учетом раскаяния и чистосердечного признания, снизил срок до восьми лет. О конфискации имущества речи не шло. Адвокаты повернули дело так, будто жена своим взбалмошным и истеричным характером довела мужа до отчаянья. Видимо, тут приложили руку господина из нефтяной компании. Это было настолько очевидно, что Кирилл воспрянул духом. «Они найдут способ вытащить меня из дерьма, — бодро думал Кирилл. — Как никак, на карту поставлена их репутация...»

Перед отправкой на зону у Кирилла было свидание с женой. Перед этим он не спал всю ночь, терзаясь страшными догадками. На утро его перевели в отдельную камеру и ве-

лели ждать. Когда через полчаса железная дверь заскрежетала, Кирилл от волнения не смог усидеть на месте. Он бросился навстречу жене, но у порога в недоумении застыл на месте. Олеся пришла не одна, а с каким-то высоким молодым человеком в длинном пальто.

Дверь за молодой парой захлопнулась, и заключенный отступил назад.

— Это кто? — спросил Кирилл, кивнув на молодого человека.

— Расслабься! — как всегда спокойно ответила Олеся. — Это мой брат.

Парень смотрел Кириллу прямо в глаза, и в них не читалось дружелюбия.

— Родной брат? — уточнил Кирилл. — Почему тогда он не был на свадьбе?

— Не был, чтобы не светиться.

— Не светиться? — растерянно пробормотал Кирилл. — Ничего не понимаю...

— Говорю, расслабься. Сядь и успокойся, — строго приказала Олеся, скрестив на груди руки. — Итак, прошу любить и жаловать — это мой родной брат: Виталий Глебович Корягин.

— Тот самый? — вздрогнул Кирилл, вспомнив глаза десятилетнего мальчишки, пронзившие его на суде.

— Да, тот самый.

— Значит, ты его дочь?

— Родная дочь, — поправила Олеся.

Кирилл ошеломленно опустил на нары.

— Так вот оно что... — прошептал он еле слышно.

Несколько минут держалась тяжелая тишина. После чего Олеся нарушила молчание:

— Ты никогда не интересовался, что случилось с семьей Корягиных, которую ты бессовестно обокрал? Так вот слушай: отца, которого ты отправил в тюрьму, через полгода убили на зоне за строптивый нрав. А нашей маме, которая добивалась пересмотра дела, перерезали горло в ванной.

Кирилл вздрогнул и трусливо пробормотал:

— Я этого не знал.

— И не хотел знать, — отрезала Олеся. — Тебе никогда не узнать, что испытали дети, когда утром вошли в ванную и увидел голую маму с перерезанным горлом.

Голос Олеси дрогнул, скулы юноши напряглись и вспыхнули огнем. Кирилл сжался и произнес мертвенными губами:

— Так вы пришли меня убить?

— Нет! — ответила Олеся. — Это сделают другие. Было время, когда мы хотели тебя убить. Помнишь то воскресенье двадцать четвертого июня. Шел дождь. Ты рано утром прилетел из Кемерово и пришел ко мне в общежитие делать предложение. Ты мне сказал, что сейчас же уведомишь жену, что уходишь от нее навсегда. В этот день мой брат уже приготовил для тебя кое-какое средство. Он у меня прекрасный провизор. Кстати, твоя неожиданная импотенция, это тоже дело его рук. Так вот: в то воскресенье ты уже был обречен. Мы хотели осуществить свою месть за городом: столкнуть тебя в бетонный котлован с водой, но ты прибежал с письмом из Швейцарии, и наши планы изменились.

— Так это твой брат был черным человеком? — вытаращил глаза Кирилл.

— Да, это он подсыпал наркотики в кефир, чтобы твоей жене наше ночное шоу казалось кошмарным сном. Он носил ее в ванную, раздевал и брызгал на нее красным раствором, который через час обесцвечивался. Потом давал ей нюхать нашатырку, чтобы она воочию ощущала весь этот кровавый ужас. Он доводил ее до обморока, затем брызгал в нос наркотик, чтобы она не помнила, как ее одевали, и клал на место.

— Но зачем? — воскликнул мужчина. — Причем здесь Лиана? За что вы мучили Лиану?

Глаза девушки налились слезами.

12

Они все сошли с ума! Вся семья. Никто не чувствовал надвигающиеся на них тучи, кроме одиннадцатилетней Олеси. Отец впадал в бешенство после каждого звонка в Москву.

— Он что думает, сволочь, если мы во Владивостоке, а он в Москве, то я до него не доберусь?

Родитель трясущимися руками выдергивал из ножен шашку, но к нему бросалась мама и, вцепившись в лезвие, со слезами умоляла успокоиться.

— Прикрати! Не пугай детей! Дети-то здесь причем?

— Вот именно! Причем здесь дети! — еще больше расплялся отец. — Груз стоит на таможне. Мне щелкают проценты. Мне грозят! Моих детей встречают после школы... И все из-за этой сволочи. Так он меня отблагодарил за добро!

Отец не преувеличивал. Однажды после уроков Олесе действительно преградили путь двое каких-то хорошо одетых мужчин. Но они были совсем не страшными и ничуть не походили на бандитов.

— Передай своему папе, — вежливо сказал один из них, — что все сроки по долгам давно прошли. Не хорошо мужчине, а тем более казаку, нарушать слово.

— Так ведь он не виноват! — воскликнула девочка. — Он одолжил деньги своему родственнику в Москве, а тот не возвращает.

— А вот это, девочка, — присел на корточки мужчина, — его личные проблемы. И они нас совершенно не колышут. Пусть в следующий раз знает, как давать займы...

В конце концов, отец не выдержал. Он выгреб из серванта заначку, завернул в мешковину шашку и поехал в аэропорт. Мама сорвалась за ним. Однако через полтора часа вернулась вся в слезах и без него.

— Он улетел! — с ужасом прошептала она. — Ох, и творит он там дел с его характером.

И она оказалась права. На третий день позвонили из Москвы и сообщили, что Глеб Корягин задержан правоохранительными органами за разбой и бандитизм. В данный момент в отношении него возбуждено уголовное дело по нескольким статьям.

Мать заняла у соседей денег, собрала детей и полетела в Москву выручать отца. Олеса еще в самолете почувствовала, что родителя они уже не выручат, а сделают только хуже. Мама плакала, а Виталик молча сжимал кулаки.

Так оно и случилось, вместо того, чтобы выручать папу, мама бегала по всем инстанциям, ругалась, грозила и трясла кулаком.

— Мама! — умоляла ее Олеса. — Поговори с родственником по-хорошему. Скажи ему, что нам не надо денег, пусть только выпустят папу. И мы сразу улетим обратно?

— Что? — багровела от бешенства мать. — Просить этого ублюдка, и отказываться от собственных денег? Нет, они от меня этого не дождутся. Здесь уже дело принципа.

Никто, кроме Олеси, не чувствовал надвигающуюся катастрофу. И никто не хотел задуматься над тем, что иметь семью и не иметь деньги, это лучше, чем иметь деньги и не иметь семью.

И тогда девочка решила сама поговорить с родственником. Нет, конечно, не с родственником. Он тоже пошел на

принцип. А люди, которые идут на принцип, слепы, глухи и не имеют сердца. Олеся решила поговорить с его женой. Во-первых, она женщина, а женщины менее воинственны, а значит, более понятливые, во-вторых, именно она приходится им родственницей, а не ее муж. Ее муж, которого отец с матерью называли «родственничком», на самом деле чужой дяденька.

Выбрав минуту, когда мама ушла в какую-то инстанцию, а Виталик сел за книгу, Олеся вытащила из сумочки мамину записную книжку с адресом Угловых и выскользнул из гостиничного номера. Она полдня проискала их дом, и оказалось напрасно. Соседка сказали, что на днях Угловы съехали с этой квартиры.

— Куда? — спросила Олеся.

— Куда-то на Крылатскую, — махнула рукой соседка. — Если тебе нужен ихний новый адрес, я дать могу. Только, ты кто?

— Я племянница тети Лианы.

— Тогда записывай!

Через полтора часа Олеся уже мчалась по Крылатской в сторону поселка Екатериновка. Нужно было поторапливаться. Могла хватиться мама, и тогда ей несдобровать. А тут еще как назло зарядил дождик.

Когда девочка подошла к дому с резной оградой и заглянула во двор, то просто ахнула. Такой роскошный дворец! Они, должно быть, очень богатые люди. Зачем же они ограбили своих бедных родственников, которые ютятся в двухкомнатной «хрущевке», которые не имеют ни автомобиля, ни дачи, ни даже голого земельного участка?

Во дворе стояли круглые столы с вином и фруктами, и вокруг в плетеных креслах сидели гости с высокими фужерами в руках. «Как в кино», — подумала Олеся и вдруг среди этих людей увидела его, этого подлого «родственничка». Девочка никогда не видела родственничка раньше, но сразу догадалась, что это был он. Его лицо было угрюмым и злым, глаза колючими и беспросветными. «С ним действительно говорить бесполезно, — подумала девочка. — Но жену, возможно, он слушает».

Олеся припала к ограде и сразу обратила внимание на упитанную женщину в голубой распашонке, с дурацким венком на голове. Она вела себя как глупенькая девочка: щебетала, кокетничала, жеманно поводила плечиками, прыгала на одной ножке, журчаще хохотала. «Неужели это и есть моя

родственница Лиана Витальевна?» — с сомнением подумала Олеся.

Да, это оказалась она. Женщину окликнули по имени, и Олеся, не сводя с нее глаз, подумала: «Но ведь нельзя же быть такой... когда такое время... и когда так много горя и забот...»

Гостей позвали в дом, поскольку дождь усилился. А эта тетенька с венком на голове продолжала играть в бадминтон с каким-то бородатым мужчиной. Ее беспечный смех, который разносился по двору, начал действовать на Олеся раздражающе. Но внезапно смех умолк. Женщина нахмурилась и сказала обиженным голосом своему партнеру:

— Ты топнул, как медведь, и забрызгал мне блузку.

— Извини, нечаянно... — униженно пробормотал бородач.

— Что, значит, нечаянно! — повысила голос женщина. — Как я теперь покажусь к гостям? Теперь блузку нужно стирать.

Из ее глаз внезапно брызнули слезы, и она закричала на весь двор истерическим голосом:

— Кирилл, Кирилл!

— В чем дело? — встревожено выскочил муж.

Она показала пятно на блузке и разрыдалась у него на груди. Олеся оторвалась от забора и уныло поплелась в сторону метро. Она поняла, что эта женщина, огражденная от всех земных забот, никогда ее не поймет.

***Прокурору Тюменской области Калинину П.И.
от начальника колонии № 56/27 ОР Семенова Л.Г.***

Рапорт

Вчера, 23 июня, на вечернюю проверку не явился заключенный 16-ой камеры К.С. Углов. Сразу же после окончания проверки мы начали его искать. Однако поиски заключенного на территории колонии не увенчались успехом. Его соседи по камере утверждали, что Углов не возвратился со строительных работ. Я приказал личному составу охраны тщательно обыскать строительную площадку, где работали заключенные 16-ой камеры, однако и там не было обнаружено никаких следов пропавшего. Были опрошены работавшие с ним заключенные. Углова никто не видел, на ужин он не явился.

Личный состав охраны продолжил поиски за территорией стройки. В первом часу ночи в залитом водой котловане старший лейтенант Бакасов нащупал пожарным багром тело. Оно было тут же извлечено из-под воды и доставлено в морг.

Это был труп пропавшего Углова со следами насильственной смерти. Его голова была пробита в нескольких местах тяжелым предметом.

Прошу областную прокуратуру возбудить уголовное дело по факту убийства заключенного К.С. Углова.

24. 06. 2002

13

Вечером двадцать четвертого июня того же года к маленькому кладбищу поселка Мамонтовка подъехал новенький «БМВ». Из него вышли двое: парень и девушка. Они молча проследовали к одной бедной могиле без ограды с самодельным деревянным крестом, к которому была прибитая металлическая табличка с двумя фамилиями: «Светлана Корягина» и «Глеб Корягин».

Помолчав и грустно постояв с опущенной головой, парень достал из сумки бутылку водки, отгрыз пробку и налил девушке в пластиковый стакан. Сам же с жадностью приложился к горлышку. Девушка, сделав два глотка, поморщилась и вылила остатки на могилу.

— Мы убили его, папа, — произнес молодой человек, оторвавшись от бутылки. — Мы отомстили за тебя. Теперь нас с сестрой не в чем упрекнуть...

Его вибрирующий голос дрогнул, и глаза сделались влажными. Сестра с тревогой посмотрела на брата и молча отобрала бутылку.

— Будь мужчиной. И перестань ныть, — строго приказала она.

— Н-ничего, ничего, я в-в норме, — произнес, запинаясь, парень.

— Тебе нельзя пить, — сказала сестра. — Ты теряешь мужество.

— Я и не пью. Я бросил, ты же знаешь... — шмыгнул носом молодой человек и затих.

Они постояли еще немного, подправили крест и медленно побрели на выход. Юноша нарушил молчание:

— Когда мы перевезем их на родину?

— Скоро, — ответила сестра. — В сентябре я докуплю оставшиеся акции и войду в совет директоров. После этого мы повезем их прах во Владивосток.

После тягостного молчания, юноша вздохнул:

— Нам нужно было сразу, после того, как убили маму, улететь назад. Там наш дом. А эту вонючую Москву я всегда ненавидел.

— Так бы нас с тобой и пустили тогда в самолет, — усмехнулась Олеся. — Конечно, мы намыкались в детском доме. Но ничего. Зато скоро мы сможем отправиться куда угодно: в Венецию, в Афины, в Рио-де Жанейро. Мы и сейчас сказочно богаты, а в сентябре я докуплю акции и окончательно укреплюсь в фирме.

— Да сдались мне твои акции, — вяло отмахнулся юноша. — И миллионы мне твои не нужны.

— Мне тоже, — ответила Олеся.

— Тогда для чего все это? — остановился молодой человек. — Скажи, кому все это надо? Ради чего мы потеряли родителей? Ради этих несчастных баксов?

Олеся схватила брата за голову и сильно прижала к груди:

— Успокойся! Все хорошо. У тебя опять начинается? Расслабься! Наши родители хотели, чтобы мы жили в достатке, а не в нищете, как они. За это они и погибли. Теперь мы с тобой просто обязаны иметь виллы и яхты, и швыряться деньгами направо налево. Хотя я тоже не знаю, зачем это надо?

Олеся отняла от себя брата, светло улыбнулась и взяла его за руку.

— Пойдем скорее в машину. Сейчас, кажется, начнется дождь.

Они сели в автомобиль и покатали в Москву. С неба действительно начало моросить. Не сказать, чтобы очень сильно, но весьма неприятно...

Содержание

Пролог	1
Часть первая КОШМАРЫ В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ	3
Часть вторая ВСТУПЛЕНИЕ В ЗАКОННЫЕ ПРАВА	63
Часть третья ТАЙНА ЧЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА	120